

Л.С. ВАСИЛЬЕВ

Модернизация как исторический феномен

**(о генеральных закономерностях
эволюции)**

Москва 2011

УДК 316.422
ББК 60.032.621.1
В19

Рецензенты:

академик *Р.М. Энтов*; доктор философских наук, профессор *И.Г. Яковенко*

Васильев, Л.С.

В19 Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции) / Л.С. Васильев. — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2011. — 188 с.

ISBN 978-5-903135-21-9

В работе, посвященной модернизации как историческому феномену, автор (заведующий лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ) подчеркивает важность для Запада, воспринимаемого как *мировой город*, идейно-институционального фундамента антично-буржуазного индустриально-инфраструктурного переворота. В страны вне Запада, не имевшие своей буржуазии с капиталами, беспрепятственно вкладываемыми в дело с получением гарантированных процентов (*мировая деревня*), модернизация пришла лишь в эпоху их колониального освоения, причем в форме вестернизации. Большую роль в книге играет рассмотрение проблем макроистории и вселенских законов вызова и ответа и великого баланса, которые, согласно гипотезе автора, постоянно оказывали и оказывают внешнее воздействие на нашу планету (Природу) и человечество. Последние главы книги обращают внимание на издержки модернизации, связанные с безудержным ростом населения и прочими новациями, оказывающими возрастающее давление на Природу и вызывающими ее жесткую реакцию. Коллективный разум человечества поставлен перед необходимостью найти такой модус поведения, с помощью которого можно попытаться решить вопрос о нашем будущем положительно.

УДК 316.422
ББК 60.032.621.1

ISBN 978-5-903135-21-9

© Фонд «Либеральная миссия», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Введение. Вселенские законы эволюции сущего	7
Глобальная теория эволюции. Закон вызова и ответа	8
Большой взрыв	11
Великий баланс.....	14
Глава 1. Планета: люди, разум, общество, государство	17
Законы эволюции в процессе антропогенеза	19
Социогенез. Ответ сапиентного человечества на первый вызов	26
Новый вызов: «неолитическая революция».....	33
Вперед, к политогенезу	41
Формы политогенеза и первичность власти	47
Глава 2. Общество и государство до расцвета модернизации	59
Истоки структуры власти-собственности и ее трансформация	60
Правители и подданные на Востоке.....	65
Общество и власть в античном мире	69
Власть-собственность в средневековой Западной Европе.....	77
Предбуржуазная Западная Европа и трансформация структуры власти-собственности	80
Глава 3. Ответ античной и буржуазной Европы на вызов модернизации.....	83
Неудачи и великие достижения античного мира в процессе модернизации	84
Христианство как ответ на вызов	89
Христианство и античность в раннесредневековой Западной Европе (второй этап модернизации)	93
Ренессанс и Реформация	96
Великие географические открытия	103
О роли буржуазного фактора эволюции.....	105
Глава 4. Третий этап модернизации. Мировой рынок и триумф буржуазии	111
Модернизация в форме вестернизации вне буржуазного Запада.....	116
Проблема модернизации вне западных традиций	118
Эволюция Латинской Америки	123

Успехи в процессе вестернизации Индии.....	126
Сложности и достижения Китая	130
Мир ислама в процессе вестернизации	133
Россия и проблема модернизации	138
Итоговые замечания	144
Глава 5. Завершение модернизации. Человечество и Природа	147
Проблема баланса в конце XIX и первой половине XX века.....	148
Перспективы дальнейшей модернизации	154
Нужна ли была модернизация?.....	156
Об издержках модернизации	159
Вестернизация или афроазиатизация?	161
Еще об исламе: генезис, успех и упадок.....	166
Исламизм как радикально-экстремистский ислам	171
Экстремистский фундаментализм как взрыв отчаяния	176
Природа и закон баланса	179
Заключение. Мир в наши дни: каковы перспективы?	183

ОТ АВТОРА

Проблемы модернизации пользуются немалым вниманием со стороны специалистов, особенно экономистов. Они сегодня весьма актуальны¹. Но именно поэтому стоит выяснить все то, что касается происхождения этого феномена, и обратить пристальное внимание на причинно-следственные связи, обусловившие его появление и сыгравшие в свое время решающую роль в истории человечества. Следует уделить должное внимание и идущей бок о бок с модернизацией вестернизации, т.е. усвоению всем миром вне буржуазного Запада тех достижений, которые попали в этот мир в результате такого воздействия на него со стороны Запада. Но и это еще далеко не все. Как модернизация, так и бывшая ее детищем и появившаяся на свет только под ее влиянием вестернизация сами по себе являются следствием великих историко-культурных сдвигов. А сдвиги, которые имеются в виду, тоже не были результатом случайности. Они, в свою очередь, были вызваны к жизни естественным ходом развития событий, обусловленных глобальными закономерностями эволюции. Все поэтому сводится в конечном счете к тому, чтобы выяснить, *что* это за не вполне ясные современным людям закономерности.

Могут возникнуть сомнения в том, существуют ли они вообще. И если все же их можно как-то вычлениить и обосновать, то насколько серьезную роль в истории прошлого, в жизни общества сегодня и завтра они играли, играют и могут сыграть? Автор данной работы предлагает читателю свой взгляд на проблему, имеющий характер гипотезы. Суть ее в том, что эти закономерности не просто существуют, но и играют основную роль в жизни не только людей, но и всего живого на нашей планете, больше того — всего сущего во Вселенной. Он полагает, что, если им не уделить должного внимания и не принять, оставив в покое Вселенную и опираясь на данный Природой человеку разум, необходимых мер, ситуация в современном мире и вообще на Земле может уже в сравнительно короткий срок привести человечество к неминуемой катастрофе.

Закономерности — а в авторском восприятии это глобальные, генеральные законы, о которых будет идти речь чуть далее, — имеют огромное, первостепенное значение для понимания всего того, что мир переживает в наше время. Правда, о них, имеющих отношение ко всему без исключения, в деталях слишком много говорить не принято. Наука обычно не берет на себя такую

¹ См., напр.: Ясин Е.Г. Структура российской экономики и структурная политика. Вызовы глобализации и модернизация. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. Стоит добавить, что за последние несколько лет не только серьезные работы, но и великое множество бессодержательных спекулятивных заявлений и рассуждений на эту тему буквально заполнили отечественную публицистику.

ответственность. Но в качестве вероятной и тем более работающей гипотезы разговор на эту тему, насколько автор в состоянии судить, вполне допустим. Хорошо известно, в частности, что специалисты, привлекая данные из космологии, биологии и антропологии, уже не раз пытались создать нечто, именуемое то Универсальной, то Большой историей, объектом которой было бы все сущее¹. Нельзя сказать, что этот поиск уже привлек большое внимание. Но он не лишен смысла. Особенно если речь идет о чем-то серьезном для человечества. Вот почему, не оспаривая аргументов и выводов, к которым приходят экономисты, обычно занятые преимущественно анализом материальной стороны процесса модернизации, столь важной для нашей планеты, можно попытаться поставить вопрос иначе. Об этом и пойдет речь.

¹ См. об этом, напр.: Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2004.

ВВЕДЕНИЕ. ВСЕЛЕНСКИЕ ЗАКОНЫ ЭВОЛЮЦИИ СУЩЕГО

Сразу нужно заметить, что проблема вовсе не в том, чтобы создать принципиально новую концепцию одного лишь процесса модернизации, как и всего того, что с ним тесно связано. Это существенно, и этому будет уделено едва ли не основное внимание; однако имеется в виду нечто неизмеримо более значимое. Можно в этой связи — несколько опережая то, о чем подробно будет идти речь, — заметить, что модернизация, как важнейший в истории человечества переворот, истоки которого восходят к античности, может восприниматься как красная нить на ткани мировой, и прежде всего западной, цивилизации. Она — уже не на раннем, античном, своем этапе — стала особенно заметной во времена Ренессанса и Реформации, весьма наглядно проявилась в период Великих географических открытий и, на заключительном этапе, стала ощущаться, во всяком случае на европейском Западе, в форме радикальных буржуазных преобразований примерно с XVII—XVIII веков, достигнув вершины в XIX и особенно XX столетиях. И если отнестись к этому процессу с теми вниманием и серьезностью, каких он заслуживает, то не слишком сложно окажется заметить, что он был вызван к жизни вполне четко фиксируемыми обстоятельствами. Проще сказать, он вовсе не был результатом только случайности, при всем том, что случай как элемент формирования облика будущего всегда играл, играет и, надо полагать, еще будет играть в ходе эволюции огромную роль.

Собственно, именно ради того, чтобы выяснить, каковы обстоятельства, вызвавшие к жизни процесс модернизации, когда и как они реализовывались, автор и решил предложить читателю эту книгу. Она не вполне обычна не столько по своей тематике, сколько по методике решения поставленных проблем. Все началось с того, что ограничиться одним лишь кратким изложением проблем исторического процесса в разных регионах и в различные эпохи автору показалось недостаточным. В поисках более убедительного объяснения генеральных причин эволюции как таковой, причем не только на нашей планете, но и вне ее (вполне понятно и ожидаемо, что подобная постановка вопроса может показаться читателю парадоксальной), он довольно неожиданно столкнулся с глобальными аспектами проблематики.

Оказалось, что они имеют отношение к пониманию закономерностей эволюции, как глобальных, вселенских, так и много более конкретных, связанных с существованием Солнечной системы и планеты Земля. Постулируемые автором закономерности не так уж и экстравагантны, как может показаться. Они тесно связаны со многими иными проблемами Большой истории. Более того, именно их есть основание воспринимать как основу реализации следующих одно за другим звеньев цепи успешных адаптаций к последствиям

собственной активности некой неравновесной системы¹. Процесс эволюции в этом смысле — результат взаимодействия системы с внешней средой, что касается уже далеко не только истории людей и вообще земной жизни, но и, сколь бы необычайным и экстравагантным это ни казалось на первый взгляд, всего сущего. И поэтому речь пойдет далее об авторском понимании генеральных законов именно такой эволюции, причем, конечно, главным образом и в первую очередь о понимании результатов воздействия этих законов на человечество в самом широком смысле слова.

Глобальная теория эволюции. Закон вызова и ответа

Начнем с оценки тех импульсов, которые, в принципе, можно считать свидетельством существования закономерностей эволюции как таковых. Для этого обратимся к тому, что является первоисточком сущего, и попытаемся на этой эвристической основе создать гипотетическую схему, касающуюся принципов эволюции вообще. Смысл гипотезы в том, чтобы обнаружить исходный импульс и вызванные им, проявившиеся в нем закономерности, которые пригодны для оценки всего того, что мы знаем о космосе и Вселенной², о жизни, а также о разумных (сапиентных) людях и их обществе на нашей планете.

Разумеется, у читателя, непривычного к столь экстравагантным гипотезам, может, что вполне вероятно, возникнуть вопрос, есть ли и вообще разумно ли искать пригодный для всего сущего единый общий подход? Пока что сколь угодно принятой теорией такого рода — если у кого-либо подобный вопрос вообще возникал — обычно считали и все еще нередко считают, особенно в среде тех, кто воспитан на библейско-христианских идеях, хорошо известный принцип божественного вмешательства. Но эта идея слишком примитивна, чтобы ею ограничиться. Ведь описанные в Библии христианские божественные силы с их трудно уясняемой разумом Троицей мало что могут прояснить. Они на разум не опираются и к резону обычно не апеллируют (вспомним Тертуллиана — «верую, ибо абсурдно»). И это, само собой разумеется, легко понятно.

Собственно, объяснение здесь — как и во многих иных распространенных с глубокой древности религиозных представлениях о сущем — и не требуется. Верь — и дело с концом. Все будет в порядке, а тебе станет спокойно и даже

¹ См.: Назаретян А.П. Указ. соч. С. 221. (Пункт 3.3.) Неравновесная система — это система, способная к самоорганизации. Ей, помимо прочего, присуще восприятие воздействий извне.

² Необходимо сразу оговориться, что в авторском понимании Вселенная не воспринимается как весь неизвестный человечеству космос, ибо она, как принято считать, расширяется и потому, следовательно, должно быть обозначено, куда и за счет чего расширение может происходить. Это нечто мы и станем именовать космосом.

более или менее комфортно житься. Но что, если все же, несмотря ни на что, попытаться предложить гипотезу, которая — в отличие от библейской — не противоречит известным современной науке реалиям? А вдруг это приведет к достаточно приемлемому объяснению генеральных законов с влияющими на них исходными импульсами, и в частности законов эволюции на нашей очень скромной по сравнению со всем звездным миром с его неисчислимыми галактиками планете?

Наука дает немало оснований для такого рода гипотезы в форме ныне всем очень хорошо известной абстрактной и даже несколько мистической идеи о вызове и ответе на него. Эта нехитрая формула — правда, обычно без должного анализа ее смысла (видимо, считается, что и без пояснений все понятно) — в последнее время очень часто встречается в различных публикациях. Но ведь дело не в том, чтобы сформулировать не вполне ясную идею и использовать ее, придавая ей любой смысл. Гораздо важнее должным образом обосновать суть предлагаемой формулы и уже после этого попытаться обозначить пределы ее применения. В нашем случае они, если взглянуть на мир широко, о чем и идет речь, оказываются впечатляюще безграничными.

Справедливость требует сразу же сказать, что впервые в своем довольно подробном и доказательном виде формула, о которой идет речь, была представлена в многотомном труде «A Study of History». Его автор, англичанин А. Тойнби, почти сто лет назад предложил ее, насколько можно понять, в качестве чуть ли не основного принципа для уяснения смысла истории. Вернее, если быть точным, речь в его работе шла не столько о смысле истории — хотя косвенно это всегда имелось в виду, — сколько о роли динамики эволюции выделенных автором локальных, как они были названы, цивилизаций. Отталкиваясь от такого понимания маститым британским ученым этой идеи, как и от механизма ее действия, подробно продемонстрированного во многих предложенных им конкретных ситуациях, можно, несколько изменив понимание и сферу активности вызова у Тойнби, генерализировать этот феномен¹. *Цель в том, чтобы рассматривать вызов в качестве Великого Вселенского Механизма, имеющего дело со всем мыслимым сущим.* В итоге на суд читателя выносятся оригинальное представление о том, как именно и почему возникает и действу-

¹ Важно учесть, что Тойнби стремился объяснить процесс генезиса тех локальных цивилизаций, детальному рассмотрению которых посвящено его исследование. Он специально оговорился, что ищет не какой-либо общий закон, а объяснение роли внешнего влияния на формирование каждой из отобранных им цивилизаций (см. сокращенное изложение его сочинения в русском переводе: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 113). Стоит добавить, что, рассуждая о вызове, Тойнби выдвигал на передний план прежде всего *вызов со стороны природной среды*, не забывая, впрочем, и о Творце, равно как и о Его антиподе. Существенно и то, что вызов рассматривался им как стимул, который реализуется в форме ударов (Там же. С. 137), т.е. определенных импульсов, а ответ на вызов — как реализация внутренних потенций тех, к кому вызов обращен (Там же. С. 108). Учитывая все оговорки, не стоит все же забывать и о заголовке объемистого труда Тойнби.

ет этот в интерпретации Тойнби не чуждый мистике и, во всяком случае, не очень ясный, загадочный механизм.

Если уйти от мистики и взять за основу теорию неравновесных систем, в сложные детали которой автор не чувствует себя вправе вдаваться, то вызов следует интерпретировать *как сигнал, свидетельствующий о появлении упомянутой системы и о тех параметрах, которые способствуют либо препятствуют ее более или менее устойчивому существованию*. Такой вызов всегда и везде — отчего он и должен считаться генеральным и имеющим отношение ко всему сущему — настоятельно требует как от космических явлений, так и от жизни на Земле, включая не только людей, но и их социальные и политические организации, давать на него ответ. Ответ системы сводится к степени ее способности воспринять воздействие со стороны внешней среды.

В современной науке — в отличие от религии — истоком сущего неоспоримо считается космос, к которому поэтому в первую очередь и следует обратиться. В процессе космической эволюции все началось, насколько можно судить, с первоначального Большого взрыва, который мы вправе воспринимать как вызов, считая следующее за тем развитие — расширение Вселенной — ответом на него. В масштабе Солнечной системы то же самое относится к появлению такой звезды, как Солнце, с планетами вокруг него, которые возникают у звезд, насколько известно, не слишком часто. А в неизмеримо более скромных масштабах планеты, где возникла жизнь, вызовы и ответы на них воспринимаются как нечто местное, особое, уникальное и связанное с активностью именно этой планеты. Назовем ее в этой ее ипостаси просто Природой (с большой буквы), но при этом будем учитывать, что она является интегральной частью и Солнечной системы, и той галактики, в которую эта система, наряду с другими, входит, и всей нашей Вселенной, и космоса в целом. Впрочем, цельность этого последнего разумом воспринята быть не может. К слову, здесь самое время вскользь заметить, что самые мудрые физики, чьи гениальные головы способны объять непостижимые глубины макро- и микромира с целью создать единую всеохватывающую теорию, довольно часто всеу, а иногда и не совсем всеу, склонны все же в ходе своих поисков нет-нет да и сослаться на Творца.

Но, как бы то ни было, именно проблема вызова и ответа берется в книге за основу. Это делается потому, что автор, хотя он лишен профессиональной подготовки для того, чтобы квалифицированно углубляться в недра физики и астрофизики, обязан кое-что рассказать о соображениях, толкающих его в сторону космоса. Манипулирование сущностями, столь чуждыми его основной профессии и отдаленными от Земли и жизни людей, причем далеко не только во времени и пространстве, может показаться неоправданным риском. Однако — следует успокоить взволнованного читателя — делается это далеко не в том объеме, который мог бы дать повод для серьезных упреков. Все апелляции автора к физическим сущностям и процессам до предела элементарны

и легко доступны практически любому. Более того, они вынуждены. Но что побуждало к этому? Какой смысл во всех подобного рода поисках и стремлении выйти за пределы текущей жизни? Зачем было ставить вопрос о чем-то бескрайнем, бесконечно малом либо, напротив, большом, быстротечном или нескончаемо долгим? Смысл, увы, есть. Причем именно, как то будет вполне понятно в конце повествования, с «увы». Ибо человечество ныне не просто весьма сковано в своем движении вперед. Оно, скорее всего, на грани неясного и весьма тревожного для планеты будущего. Но оставим тревожное пока в стороне и начнем с начала.

Большой взрыв

Все дело в том, что исходный импульс — особенно если это не дело рук Творца, с которого практически нечего взять, — по идее должен был бы быть чем-то ординарным и даже почти универсальным. В противном случае всегда останется место для законного вопроса: а откуда взялось то, что послужило причиной этого? Потому и понадобилось обратиться к Большому взрыву, который, насколько это признано в науке, является точкой отсчета в истории нашей почтенной Вселенной, существующей уже примерно 14 миллиардов лет. Этот взрыв, как упоминалось, есть все основания воспринимать в качестве искомого исходного первоимпульса. Остается лишь подумать, почему и откуда взялся этот импульс.

Ознакомившись с тем, что говорит современная наука о макро- и микромирах с их элементарными частицами, со сложностями формы и поведения этих частиц, а также приняв во внимание упоминание о размере будущей Вселенной в момент Взрыва (считается — и это, как всякий легко поймет, просто невозможно воспринять разумом, особенно имея в виду разум тех, кто непричастен к физике, — что все началось с трансформации ядра, в котором было тогда сосредоточено все сущее и которое по объему было в тот момент намного меньшим, чем пылинка¹) и уяснив, что *современная наука о состоянии космоса до Взрыва не может пока что сказать ничего определенного*², автор воспринял это как своего рода сигнал.

¹ См.: Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. М., 2008. С. 62.

² Вообще, это не вполне так. Именно потому, что точно сказать никто не в состоянии, существуют гипотетические предположения. Согласно одному из них вселенных вокруг нашей тьматьмущая (теория мультивселенной) и возникающие вместо потухших звезд так называемые черные дыры с до предела ступившейся в точку материей являют собой их зародыши. Другое прямо исходит из того, что до Большого взрыва уже существовала предшествовавшая нашей *доисторическая* Вселенная, которая была тогда холодной и бескрайней (Там же. С. 234–239). Вторая гипотеза прямо наталкивает на вывод о циклической динамике нашей Вселенной (в этом варианте проблема черных дыр может быть оставлена в стороне и объяснена с иных позиций).

Этот сигнал не только снял в его представлении проблему Творца (ну не может Он все время без устали трудиться, делая одно и то же многократно и безо всяких творческих новаций, да и зачем бы Ему это было нужно?), но и как бы открыл двери. Сигнал означал, что у автора в определенном смысле — хотя и, разумеется, с неизбежными ограничениями — не связаны руки. При этом, однако, не будучи от природы фантастом, т.е. человеком, внутренне весьма склонным к сочинению любимой многими, в том числе и деятелями науки, фантастики, он не ставил перед собой задачу восполнить не познанное наукой чем-то сочиненным им самим. Цель иная: в форме гипотезы представить, *что такое Большой взрыв, если воспринять его как вызов. И каковы в этом случае его космические и земные следствия.*

Гипотеза предельно проста, хотя и не слишком научна, если иметь в виду строгие принципы естественных наук с их опорой на эксперимент и глубокое его теоретическое осмысление. Она сводится к сопоставлению известных постулатов. Считая Большой взрыв исходным и не слишком интересуясь тем, однократным он был или нет, возможно ли возвратное сжатие расширяющейся Вселенной или она вечно будет расширяться за счет бескрайнего вроде бы космоса (любая гипотеза не противоречит движению к цели), мы столкнемся лишь с одной неясностью. Если принять, что расширение не вечно и когда-то сменится сжатием (решение проблемы зависит от выяснения некоторых не поддающихся расчету параметров), то создается впечатление, что перед нами гигантские циклы, смысл которых в эволюционной динамике и в чем-то похожем на перпетуум мобиле, т.е. на вечный двигатель в пределах необъятного космоса. Но противоречит ли это предположению о существовании гипотетически постулируемых законов эволюции?

Ни в коей мере. Не возвращаясь к проблеме происхождения Вселенной, обратим внимание на то, что она существует, причем давно. И на то, что у нее — независимо от того, будет она только расширяться или, что, похоже, более вероятно, расширение когда-то сменится сжатием, после чего все начнет сначала, — *есть явно выраженная динамика эволюции.* Она в том, что все меняется. Сама Вселенная расширяется, ее температура уменьшается, расстояние между частями — скоплениями галактик, галактиками, звездами — возрастает, у каких-то звезд возникают планетные системы, кое-где образуются черные дыры. Кроме того, происходят постоянные сдвиги в микромире, который и насыщает макромир Вселенной. Материя, как хорошо известно, в определенных ситуациях переходит в энергию, а энергия в материю. То вся эта сущность растекается в чем-то неизмеримом, то она возвращается обратно в точку, быть может, чреватую очередным взрывом, причем неведомо где и когда. Сталкиваясь друг с другом, частицы и античастицы аннигилируют, а затем на их место приходят другие такие же. Словом, постоянная динамика налицо. Но на что она нацелена?

Гипотетические рассуждения важны для того, чтобы уловить во Взрыве какой-то высший смысл. Он, безусловно, есть. И в самом общем виде объективно может сводиться только к одному: *движение во всех его бесчисленных формах эволюционно*. Эволюция может быть и реверсивной, что, вполне вероятно, как раз и характерно для нашей Вселенной. Но если так, то Большой взрыв означал, что начался наш и, вполне вероятно, не уникальный, а очередной цикл. Был запущен механизм и возник глобальный звездно-галактический вызов, направленный всем, к кому он был обращен, в форме неких импульсов. Но есть ли — кроме движения как такового и эволюции как его формы — и вообще может ли быть в такой ситуации (вариант без участия Творца) еще какая-то цель у космического движения в рамках нашей Вселенной?

Это очень сложный и до предела неясный, даже в какой-то мере страшный для людей вопрос. С одной стороны, совершенно понятно, что события на одной далекой планете небольшой Солнечной системы в одной из великого множества галактик Вселенную и тем более космос интересовать не могут. А это значит, что жизнь на Земле целью эволюционного движения Вселенной считаться не должна. Но, с другой стороны, трудно отделаться от мысли, что именно жизнь и ее вершина, разум, должны были бы быть если и не такой высшей целью, то по крайней мере объективным результатом динамики эволюции, воспринимаемой в форме цепи обусловленных ею реакций со стороны неравновесной системы. И, что самое для нас в данной ситуации важное, как тогда быть с вызовами? Зачем все рассуждения о сущем были бы нужны, если к нам, к людям, это не имело бы никакого отношения?

Самое интригующее в описываемой ситуации то, что, несмотря на все вполне законные сомнения, на деле вызовы имеют к нам непосредственное и даже, быть может, наибольшее отношение. В чем тут дело? А в том, что высший принцип вызова чем-то, быть может, напоминает взаимоотношения начальства с подчиненными в огромном учреждении, особенно в большом государстве, где эти отношения построены на принципе авторитарной бюрократической администрации. Высший начальник руководит близкими к верхам администраторами, определяет их обязанности, следит за тем, как они с этим справляются. Каждый из администраторов точно так же ведет себя по отношению к более низшим управителям. Те в свою очередь — с подчиненными им. Эта иерархическая пирамида необходима для нормально работающего огромного социополитического организма. Аналогичным образом, как можно предположить, дело выглядит и в случае со Вселенной, с ее галактическо-звездными, страшно отдаленными друг от друга частями. Только функции целенаправляющих указаний начальства замещены цепью последовательных не столько в пространстве, сколько во времени адаптаций. Вызовы и импульсы здесь, скорее всего, — несмотря на то, что реципиенты лишены разума, —

имеют в конечном счете четко выработанный миллиардами лет стандарт поведения, столь же иерархичный, как и в предложенном выше примере¹.

Практически это может означать, что вызовы и приистекающие от них импульсы на каждом этапе-инстанции воспринимаются осязающими их и реагирующими на них реципиентами в форме сигналов, которые свидетельствуют о достигнутых успехах в процессе взаимодействия с внешней средой на этапе, определенном очередным звеном цепи адаптаций. А цепь эта — в случае с жизнью и тем более с социальной структурой разумных существ — отнюдь не бесконечна. *Получив связанную с этим объективную информацию, реципиенты в меру сил и возможностей воспринимают изменившуюся ситуацию и стараются не упустить время и дать свой ответ.*

Если говорить о живых и тем более разумных существах, то те, кто преуспееет в этом и сумеет дать безусловно и стопроцентно адекватный ответ, получают — да не будет это воспринято как грубая вульгаризация объективных процессов — определенные бонусы, которые могут оказаться необычайно ценными, иногда практически бесценными. Остальные — их, как правило, всегда подавляющее большинство — адекватного ответа на вызов не дают, что свидетельствует о неудачах в процессе адаптации, и бонусов не получают либо дают ответ не слишком адекватный и получают эти бонусы в недостаточном количестве. Так, согласно предлагаемой гипотезе, может восприниматься генеральный принцип существования и динамики всего живого и тем более разумного на нашей планете.

Великий баланс

Прежде чем перейти к основной теме, необходимо коснуться еще одной проблемы. Речь о законе великого баланса. Что касается космоса, то там этот баланс, насколько можно судить хотя бы по тому, что ничего резко взрывающего сложившийся статус-кво не фиксируется, всегда действует. Имеется в виду взаимодействие расширяющейся Вселенной с постоянно осваиваемой ею новой частью бесконечного (?) космического пространства. Поэтому приходится принять во внимание, что в *космосе все как-то вроде бы упорядочено*. А держится порядок, видимо, на том, что последствия Большого взрыва, т.е. сама расширяющаяся Вселенная, которую можно считать своего рода неисчислимой суммой неравновесных систем, как-то регулируются.

¹ Важно оговориться, что на самом деле между идеальной административной структурой, сформированной на основе осмысления стоящих перед управителями задач, и всем тем, что касается форм организации лишенной мысли материи, что имеет место в звездно-галактическом мире Вселенной, есть большая разница, сводящаяся именно к наличию либо отсутствию разума. Впрочем, само по себе это, на что обращал в свое время внимание еще И. Кант в трактате «Критика способности суждения» (параграфы 61–75), даже не имея в виду идеи творения, никак не исключает существования целеполагающей функции Природы.

Эволюция, или цепь адаптации активности всех этих систем — будь то галактики, разреженные красные газовые массивы угасающих бывших звезд, черные дыры с невероятно сгущенной материей или сжатые белые карлики, вещество или антивещество, — делает свое дело. Если как-то связать все это воедино, то, не претендуя на эрудицию физика, неизбежно столкнешься с представлением о существовании некоего принципа баланса, призванного регулировать результаты процесса и реагировать на них в тех случаях, когда что-то вроде гармонии заменяется тенденцией к вселенскому хаосу. Эта важная функция тоже имеет отношение к некой суперадаптации, которая призвана *сохранять в каждый данный момент какую-то неизменную сумму всего сущего в разных его формах и проявлениях*. Баланс во всех этих и известных специалистам аналогичных ситуациях должен быть, не может не быть весьма строгим и точным. Материя, как известно, не исчезает. Один из самых важных законов физики уверенно говорит именно об этом, напоминая, что, будто бы исчезнув в одном месте и в данном виде, она появляется в другом месте и в ином виде. Практически — в том, что касается нашей пока еще расширяющейся Вселенной, да и космоса в целом, — это значит, что балансом гарантируется вечный кругооборот переходящего из одной формы в другую и с одного места в иное постоянно функционирующего сущего.

Проявление в космическом мире принципа баланса свидетельствует о его глобальности и строгой необходимости контролировать вечное равновесие сущего в неземном — и земном, как его интегральной части, — мире. Поэтому в конечном итоге с высокой степенью вероятности *можно вычленил два закона. Первый из них, воспринимаемый в качестве исходного, это закон вызова и ответа. Второй, с его важной регулирующей функцией, — закон неизменного в некой неведомой нам сумме баланса*.

Реальность баланса как второго закона эволюции естественна, так как он должен считаться жизненно важным добавлением к первому. Они действуют совместно и параллельно, а результатом их функционирования можно считать, в частности, появление жизни и разума как высшей формы организации материи. Стоит заметить, что упоминавшиеся уже бонусы нигде никогда и никому не достаются просто так. Неважно, кто именно их раздает. Важно, что они являются объективным вознаграждением за хороший труд, за старание и умение преуспевать в делах. Иными словами, речь о том, что далеко не все во Вселенной оказались способны дать адекватный ответ на вызов высшей категории. Сумели дать его, что достоверно известно, только наши Солнце и Земля. А главное в этом, насколько можно судить, лучшем из возможных ответов то, что он привел к появлению жизни и, что еще более важно, Разума.

Нет никакого сомнения в том, что это явление во Вселенной крайне редкое, если вообще не уникальное. Во всяком случае, обнаруженные пока что другие планеты не слишком похожи на нашу в смысле существования жизни,

тем более Разума. Это значит, во всяком случае в рамках уже достоверно известного науке и тем более предлагаемой гипотезы, что именно земную жизнь можно считать не просто адекватным, но уникально удачным адекватным ответом на вызов. Особый вопрос — чей это вызов. Оставив в стороне Солнце (но признав его решающую роль) и тем более нашу галактику, в рамках которой Солнечная система затеряна, как песчинка на большом пляже, примерный ответ сведется к тому, что в данном случае перед нами сигнал всего-навсего лишь нашей планеты и активно действующей от ее имени Природы. Планета, оказавшись в силу уникальной случайности, редчайшего благоприятного стечения обстоятельств пригодной для возникновения на ней жизни, может быть воспринята как нечто, ставшее обладателем заветных бонусов в нужном для этого количестве. Мало того, жизнь и тем более Разум на нашей планете — и, видимо, вообще жизнь и Разум, как редчайший и великий феномен Вселенной, — являются в немалой мере результатом активности закона баланса, призванного регулировать все во Вселенной. Этот баланс проявился в форме жизни на одной из планет Солнечной системы, что компенсировало отсутствие подобного в подавляющем большинстве иных аналогичных солнечных систем, быть может и галактик.

Итак, наша совсем не очень большая звездочка, Солнце, одна из великого множества иных звезд, переполняющих многочисленные галактики, и тем более ее третья планета, Земля, оказались уникальными. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что в поисках проявления законов вселенской генеральной эволюции есть основание теперь отвлечься от космоса с его расширяющейся Вселенной и обратиться к той единственной из достоверно пока известных науке планет, где зафиксировано — а не предполагается с большими оговорками — существование жизни и Разума. Что же касается принципов эволюции, то они, в общем, как следует полагать, ничуть не изменились. Все, как о том пойдет речь в основном корпусе книги, строго соответствует закону вызова и адекватного на него ответа, равно как и тесно связанному с ним закону баланса. Следует обратить особое внимание и еще на одно обстоятельство крайней важности. Планета Земля, а точнее, выступающая от ее имени Природа не только могла, но и должна была взять на себя функцию того, кто — или что — отвечает в наших узких по сравнению с космосом рамках за соблюдение обоих законов. Практически это значит, что жизнь и все живое и разумное на планете призваны, если даже не обязаны, реагировать на то, какие вызовы посылает им теперь уже именно она. И на то, как она, если и не живая, то, во всяком случае, не совсем уж безжизненная и безразличная по отношению к тому, что происходит на ее поверхности, воспринимает и оценивает активность и сбалансированность всего живого, разумного и существующего — не будем об этом забывать — на ней и *благодаря только ей*.

ГЛАВА 1. ПЛАНЕТА: ЛЮДИ, РАЗУМ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

Теперь, уйдя наконец от космоса и Вселенной с их галактиками, звездами и всем не очень ясным, но реально существующим космическим пространством, равно как и от планет, в которых не обнаружено пока жизни, обратимся к Земле. Более того, не станем в подробностях говорить о первом вызове, который, учтя сложившиеся на Земле благоприятные для этого условия, сыграл роль стимулятора, способствовавшего адаптации планеты к столь редкому — если вообще не уникальному — явлению, как возникновение жизни. Заметим лишь, что это был, видимо, редчайший в космосе вариант, сделавший возможным в рамках небольшой обитаемой планеты уникальный по степени сложности и требовательности процесс, направленный в сторону такого рода адаптации, которая и является, как следует полагать, вершиной последовательной прогрессивной эволюции.

Принимая в расчет необычность ситуации, логично предположить, что возникновение жизни на Земле было следствием адекватного ответа Солнечной системы на вызов нашей галактики, а ее в свою очередь — на вечные вызовы Вселенной. И что именно все они, призывавшие все сущее не останавливаться в процессе успешных адаптаций и последовательно удовлетворявшиеся максимально возможными адекватными ответами, сыграли свою роль в появлении и развитии жизни, начиная с простейших. Удачно сработали требующий адекватного ответа закон вызова и настаивающий на соблюдении необходимого равновесия закон баланса. Оба этих закона могли и даже должны были существовать и влиять на ход событий хотя бы просто потому, что никаким иным в той обстановке взяться было неоткуда. А если считать, что глобальная эволюция Вселенной вообще не управляется никакими закономерностями, но являет собой нечто вроде гигантского Вселенского Хаоса, то мы — как и астрофизики — будем вынуждены отказаться от попыток познать непознаваемое, что в конечном счете равносильно уходу от научного анализа Вселенной и апелляции к всемогуществу Творца.

Автор предпочитает исходить из существования законов. Они, повлияв на генезис жизни, затем привели и к появлению на Земле человека разумного и ранних форм социума, а со временем также государств и интеллектуального технико-технологического могущества развитого разума. Если это не так, то потребуются ответить на другой вопрос: как же получается, что все живое и все социополитические структуры эволюционируют, т.е. как-то движутся. Причем в конечном счете пока что только вперед, от меньшей к большей степени физической либо — что касается человечества — интеллектуальной сложности. Конечно, это не означает, что движение всегда будет именно таким. Эволю-

ция не бесконечна, она, скорее всего, не просто конечна, но в каждом данном случае циклична. Закон баланса неумолим: у всего есть начало и будет какой-то конец. Это касается и галактик, и звезд, и планет, и тем более живых существ и людей с их столь привычными, но меняющимися со временем формами существования. Но не будем пока об этом. *Заметим лишь, что движение вперед — поступательная эволюция — заложено в основу всего во Вселенной, хотя на деле все далеко не так просто.*

Не застревая на этапах длительного, во многие сотни миллионов лет, пути эволюции жизни на планете, следует сразу заметить, что *рассмотренным во введении двум законам эволюции строго соответствуют открытые в свое время Ч. Дарвиным законы борьбы за существование и естественного отбора.* Суть их в том, что все известные сегодня, как и давно исчезнувшие бесчисленные виды растений и животных, от простейших до сложных, всегда выживали только в постоянной борьбе за жизнь, за возможность выжить. На практике это означает, что жизнь на нашей планете, где возникли благоприятные для ее появления условия, была организована в далеком прошлом и поныне существует таким образом, что все живущее неизменно функционирует за счет постоянного обмена веществ. Или, проще, любой живой организм, включая и растения, что-то потребляет и что-то выделяет. К этому, собственно, и сводится феномен жизни как таковой. Но для того, чтобы всем что-то потреблять, нужно, чтобы всегда было то, что пригодно для потребления. И если на наиболее раннем этапе существования жизни одними простейшими в основном потреблялся, скажем, кислород, тогда как выделялся углекислый газ, а другие, напротив, жили за счет углекислого газа и выделяли кислород, то позже этот почти никому не вредивший баланс заметно изменился.

В какой-то момент начался другой этап эволюции, суть и смысл которого драматически переменялись. Одни — это относится не столько к растениям, сколько к животным, — стали существовать за счет поедания других. Вот здесь и проявилась борьба за существование. Быть сытым самому и не стать пищей для других — к этому, собственно, всегда сводилась и ныне сводится в самой грубой своей форме эта постоянная борьба. Более точно ее можно воспринять в виде постоянного действия все того же вечного баланса. Закон баланса, как ни прискорбно фиксировать, требует именно этого. Наглядно действие закона в том, что касается жизни на нашей планете, выглядит примерно так. Если овцы поедят всю траву, то голое пастбище, стремясь сохраниться в борьбе за свое существование, сыграет роль в уменьшении поголовья овец. Если в лесу вдруг расплодились зайцы и потому пищи для волков оказалось много, волчья стая увеличится. Если от этого зайцев окажется меньше, стая уменьшится. Словом, закон баланса всегда действует. И есть все основания считать его столь же универсальным, что и первый — закон вызова и ответа.

Естественный отбор — это конечный результат борьбы за существование. Выживают сильнейшие и наиболее приспособленные. Остальные гибнут в неравной борьбе за жизнь. Основной функцией отбора является не только сохранение жизни наиболее успешно развивающихся, но и обеспечение им безусловного преимущества в воспроизводстве потомства. Само собой разумеется, что потомство должно перенять все то, что определило успех предков в борьбе за жизнь. К этому отбор, обычно проявляющийся в форме позитивной мутации, и сводится. Это значит, что в рамках каждого вида должно происходить постоянное усовершенствование всего того, что способствует его сохранению. Если вернуться к использованной ранее метафоре, то это нечто вроде бонуса, которым вознаграждается преуспевший вид либо его часть, оказавшаяся субъектом позитивной мутации. А если такого не происходит либо это происходит недостаточно часто, интенсивно и успешно, лишенный бонусов вид постепенно слабеет и в борьбе за жизнь оказывается побежденным. Он исчезает, а на смену ему приходят другие, более приспособленные. Таковы законы эволюции.

Законы эволюции в процессе антропогенеза

Если Земля, как планета Солнечной системы, не может не считаться неотъемлемой частью всего сущего, а живые существа на ней — важнейшая часть живого, то не приходится удивляться тому, что основные законы, обеспечивающие бытие живого, не слишком щадят все то, что не вполне содействует поступательной эволюции. Законы эволюции безлики, бесстрастны и безжалостны. Они — что важно сразу же усвоить — объективны и не выражают чьи-либо интересы. Их функция в том, чтобы в рамках цикла все шло согласно некой норме эволюции, в соответствии со строгим принципом баланса. Это предположение подкрепляется не только примерами исследованных многими специалистами, начиная с Дарвина, особенностей эволюции живого мира нашей планеты. Нечто в том же роде вытекает и из достаточно полного и подробного изучения автором истории человечества¹, которое согласуется с основами дарвинизма. Имеется в виду тот его давно уже хорошо известный науке, хотя и весьма противоречиво воспринимаемый аспект, который извес-

¹ Автор имеет основания считать себя достаточно эрудированным специалистом как раз в области макроистории. Его перу принадлежит шеститомная «Всеобщая история». Первые четыре тома изданы, см.: Васильев Л.С. Всеобщая история: в 6 т. Т. 1. Древний Восток и античность. М.: Высшая школа, 2007. 447 с.; Т. 2. Восток и Запад в средние века. М., 2007. 478 с.; Т. 3. От средних веков к новому времени (XVI—XVIII вв.). М., 2008. 567 с.; Т. 4. Новое время (XIX в.). М., 2010. 653 с. Тома 5 и 6 готовы к изданию. См. также: Он же. История Востока: в 2 т. М.: ЮРАЙТ, 2011. Т. I — 712 с. Т. II — 788 с.; Он же. История религий. М.: КДУ, 2008. 791 с.; Он же. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация, М.: КДУ, 2011. 205 с.

тен под наименованием «социального дарвинизма»¹. Стоит при этом воздержаться от бесполезных комментариев — что есть, то есть, а если этого нет, то, возможно, тем хуже — и обратиться к изложению сути всего того, что из сказанного проистекает.

Не углубляясь в изучение сложного вопроса о возникновении жизни как таковой, что заняло бы слишком много места и немного добавило бы к тому, что необходимо сказать, начнем изложение проблем антропогенеза с краткого обзора семейства гоминид. Что такое вызов планеты в условиях формировавшейся общности предлюдей и особенно людей? Не более чем настоятельный призыв, некое постоянное обращенное к ним требование не останавливаться в процессе эволюции, но энергично и настойчиво двигаться. Куда и зачем? Если отвечать на второй вопрос, ответ будет очевидно суровым: только *ради выживания*. Если ставить первый, он будет само собой разумеющимся: вперед и — особенно на начальной стадии цикла — к некоему прогрессу, усложнению сущего. Следует учесть и еще одно очень важное обстоятельство: ответ на вызов, как правило, не означает мгновенной перемены. Напротив, он *являет собой постепенное и целенаправленное изменение ряда параметров, что в конечном счете и создает принципиально новое качество*.

Вызовы могут быть разными, но императивный их характер бесспорен. А доводятся они до реципиентов посредством импульсов, сила, количество и длительность которых различаются в зависимости от обстоятельств. За наиболее ранним, стимулировавшим возникновение жизни, следовал новый, который после многих сотен миллионов лет способствовал эволюции более продвинутых человекообразных в сторону возникновения сперва предлюдей, а затем и сапиентных людей. Что практически это означало? Только то, что человекообразные были призваны в ходе целенаправленного отбора позитивных мутаций активно продолжать процесс совершенствования и тем самым эволюционировать. В каком направлении? От состояния, недостаточно приспособленного к изменяющимся условиям бытия, к более приспособленному. От старого к новому, от худшего к лучшему, от прошлого к неведомому, но постоянно и настойчиво зовущему к себе и неотвратимому будущему. Существенно с самого начала уяснить, что законы вызова и баланса, при всей их глобальной и несомненной значимости, отличны от распоряжений административного характера. Более того, они отнюдь не обязательны всегда и для всех, будь то сущее в космосе, жизнь на планете

¹ Не вступая в спор по поводу терминологии, нередко вызывавшей, особенно со стороны марксистских авторов, резко отрицательное и во всяком случае настороженное отношение и на самом деле не вполне приемлемой в цивилизованном обществе, привыкшем к гуманности как принципу жизни, обратим внимание на саму сущность явления. Оно имеет достаточно веские основания для того, чтобы быть воспринятым как нечто вполне реально существующее, если даже не само собой разумеющееся.

или формы организации коллективов людей, в том числе и разумных, Вызов направлен всем, кто в состоянии уловить его и дать адекватный ответ. Реагировать или не реагировать — дело именно способных к восприятию вызова. Для всего живого и неразумного это происходит в форме мутации, которая и есть ответ на вызов. Позитивная мутация, случающаяся не слишком часто, — адекватный ответ. Мутанты выигрывают счастливый билет и, активно размножаясь, продолжают существовать. Все остальные в рамках данного вида понемногу отстают от них и уходят в небытие. Более того, в процессе реакции как раз и проявляет себя великий регулирующий закон баланса, стоящий на страже нормы, приемлемой для всего сущего вообще и для жизни на нашей планете в частности.

Другое дело, каковы могут быть и реально бывают последствия. Знать о них, предугадывать будущее — даже если речь идет о разумных существах, — никому не дано. Просто одни, ощущая некие стимулы, действуют в верном направлении, давая тем самым более или менее адекватный ответ на вызов, тогда как остальные по разным причинам так не поступают. Результат же оказывается неоспоримым и однозначным: выигрывают в борьбе за существование те, кто сумеет раньше и лучше других дать должный требуемый вызовом ответ. Это и есть естественный отбор. И еще. Вызовы не бывают ни слишком многочисленными, ни чересчур частыми. Напротив, каждый из них, о чем уже было сказано, дает немалое, хотя и не всегда одинаковое и даже соразмерное вызову время на то, чтобы все сущее и живое, тем более разумное и социально организованное, могло ощутить посланный ему сигнал. *Ощутить и уловить — неважно, следуя интуиции всего живого или разуму тех, кто его имеет, — то, что отражает объективную потребность в важных для эволюции переменных, и соответствующим образом себя повести.* Однако очень существенно заметить, что на смену мутации в живых организмах, лишенных разума, у разумных приходит — хотя и далеко не у всех — возрастание интеллектуального потенциала, что оказывается со временем эквивалентом той же мутации, хотя полнотой ее не замещает и тем более не отменяет.

Что такое адекватный ответ на вызов? Очень существенно иметь в виду, что обычно далеко не все те, к кому объективно обращен вызов, даже если речь идет об имеющих разум, в состоянии этот вызов уловить, осознать его смысл и тем более дать на него адекватный ответ. *Одни*, в силу наиболее благоприятнейшего стечения обстоятельств и удачных случайностей, включая мутации (если речь идет об обществе — имеются в виду социополитические мутации наподобие тех, что вызвали к жизни феномен античности), обладают необходимыми для этого потенциальными. Именно они, более чутко по сравнению с остальными воспринимающие вызов, бывают способны — хотя, даже если речь идет о разумных людях, в большей степени, похоже, следуя интуиции, нежели в полной мере осознавая, что делают, — приложить усилия в нужном направ-

лении и потому оказываются в состоянии вырваться в лидеры настоятельно требуемого жизнью процесса перемен.

Другие, живущие в иных условиях и, главное, лишенные таких потенциалов, какими обладают наиболее удачливые, не в состоянии самостоятельно сделать это. В лучшем случае, да и то обычно лишь под сильным давлением различных приводящих обстоятельств, они только могут заимствовать, полностью или частично, достигнутое первыми. Хорошо, если эти заимствования идут быстро и успешно; много хуже, коль скоро они искажаются или надолго запаздывают.

Третьи вообще не могут или не хотят в силу сложившихся обстоятельств ни уловить вызов, ни дать на него ответ. Как правило, это те, кто в силу неблагоприятных обстоятельств отстает от стандарта и потому не имеет возможности либо просто не в состоянии заимствовать то, что необходимо даже для частично адекватного ответа на вызов. Именно они оказываются в положении аутсайдеров и, будучи вынужденными подчиниться жестокому и неумолимому закону баланса, если не исчезают сразу, то, как правило, постепенно сходят со сцены. Крайняя степень нежелания либо невозможности дать адекватный ответ на вызов ведет к стагнации, а затем и к вымиранию. Впрочем, представители уходящих в прошлое видов предлюдей или сапиентных людей, живущих в исключительно неблагоприятных регионах типа приполярных районов, африканских тропиков или дебрей реки Амазонки, все же некоторое время продолжали существовать. Но чаще всего условия их жизни в недавнем прошлом клали этому конец.

Еще несколько слов о балансе и дисбалансе. На раннем этапе расселения предлюдей и людей на территории планеты, учитывая климатические зоны и включая ледниковые периоды, многое зависело от тех природных условий, в которых оказывалась та или иная группа охотников и собирателей, а позже — сложившаяся на этой основе этническая общность. Собственно, именно эта зависимость для всех — а не только для неудачников — и была результатом действия закона баланса. Баланс обычно всегда на стороне сильных и продвинутых. И в этом просматривается свой смысл: если существующие в максимально или даже просто благоприятных условиях будут нормально жить, а то и процветать, ситуация скажется на их способности воспроизводиться ускоренными темпами. А это означает, что зона с максимально благоприятными и даже, быть может, просто с достаточно благоприятными условиями для жизни окажется вскоре заселенной потомками тех, кому повезло и кто именно поэтому прежде всего окажется способен быть впереди и давать адекватный ответ на вызов, что и станет содействовать эволюции.

А те, кто был вытеснен преуспевшими из территорий, оказавшихся в благоприятных условиях существования, отступали. Как правило, они либо сливались с преуспевшими, воспринимая их достижения, либо оказывались в ме-

нее благоприятных природных условиях. В первом случае такое слияние активно способствовало ликвидации «неудачников» и, соответственно, укреплению и разрастанию коллективов, которые были наилучшим образом готовы к тому, чтобы дать адекватный ответ на вызов. Во втором случае те, кто был вынужден уйти, в свою очередь оказывались на развилке — они могли или найти новые места, более или менее годные для существования, или оказаться там, где условия были совсем не благоприятны. В последнем случае — а он выпадал, скорее всего, наиболее часто, не говоря уже о тех, кто вообще никогда не жил в благоприятных условиях, — возможность дать адекватный ответ на обращенный ко всем вызов была крайне ограничена, а то и отсутствовала вовсе. Для тех, кто оказался по воле случая в практически непригодных для жизни местах, это означало постоянное ограничение возможности эволюционировать без воздействия со стороны более или менее процветающих коллективов. В итоге процесс развития аутсайдеров замедлялся, на смену эволюции приходила стагнация и они вынужденно выбывали из рядов тех, кто был способен дать ответ на вызов.

Теперь, после необходимых рассуждений общетеоретического характера, обратимся непосредственно к тому, как конкретно выглядел и чем был вызван к жизни первый из вызовов, обращенных к представителям семейства гоминид, одним из видов которого являются и живущие ныне на Земле люди. Другими словами, речь пойдет о процессе антропо- и расогенеза в том его виде, в каком он предстает благодаря современной науке. Ход антропо- и расогенеза наиболее отчетливо артикулирует эволюцию, что позволяет ощутимо проследить воздействие ее законов на этот очень длительный процесс.

Как сегодня известно, даже отдаленные и наиболее примитивные человекообразные, например африканские шимпанзе, обладают навыками, которые свидетельствуют о зачатках чего-то вроде разума, в полной мере присущего лишь людям. Современные немецкие антропологи, в частности, выяснили, что для добывания меда диких пчел эти обезьяны используют палки разного типа, которые предназначены для выполнения нескольких последовательных операций, позволяющих, к примеру, обнаружить улья, затем расширить вход в них и в итоге извлечь мед. Это наблюдение проливает некоторый свет на то, почему первый вызов, направленный Природой в сторону мира животных, и в частности наиболее развитого в то время отряда приматов, имел в виду эволюцию именно семейства гоминид. Вопрос можно сформулировать и иначе: зачем Природе нужно было сделать акцент именно на их эволюции?

Ответ, скрытый в самом вопросе, не заставит себя ждать. Эволюция всего живого, достигшего уже уровня человекообразных, предполагала развитие только и именно у гоминид того, что требовалось для появления разума. Но почему законы эволюции зациклились на разуме? Здесь необходимо сделать еще одно небольшое отступление в сторону теории и обратить внимание чи-

тателя на то, что оба великих закона вселенской эволюции практически никогда не действовали порознь, но представляли собой нечто единое и строго взаимно обусловленное. Или, иначе, *закон вызова со следовавшим за ним адекватным ответом со стороны продвинутого меньшинства тех, к кому вызов был обращен, вступал в действие именно тогда, когда этого с особой силой требовал во имя сохранения определенного равновесия закон баланса.* Но что же побуждало к активности закон баланса?

Опять-таки ответ может быть лишь один, причем он снова на поверхности: только ситуация назревающего дисбаланса. Животные и растения на планете размножаются и покрывают собой все ее сферы — землю, воду, воздух, подводную среду и даже частично слой под земной поверхностью. Борьба за жизнь, за существование во всех сферах ведет к естественному отбору наиболее приспособленных. Эти законы жизни (в данном случае отнюдь не вселенского сущего!) объективно требуют создания наиболее благоприятных условий для тех, кто лучше остальных приспособлен для эволюции. Если не предпринять чего-то такого, что содействовало бы ускоренной эволюции именно их, способных доминировать и тем самым сохранять необходимый баланс в мире земной жизни, этому миру рано или поздно начнет угрожать хаотический дисбаланс. И вот здесь вступает в свои права закон баланса. Он требует решительных действий. Необходим вызов, который будет направлен в сторону гоминид, той части мира наземных животных, которая наиболее приспособлена к эволюции в сторону разума, ибо *лишь разум сможет со временем, обеспечив господство разумных на планете, ликвидировать назревающий дисбаланс.*

Процесс антропогенеза был не слишком простым и весьма длительным. Сначала на основе наиболее продвинутой части гоминид, австралопитеков, появились первые представители рода *Homo*, предлюдей и людей. Это были человекообразные вида *Homo habilis* (Человек умелый), жившие примерно полтора-два миллиона лет назад. Затем их сменили много более развитые человекообразные вида *Homo erectus* (Человек прямоходящий), который просуществовал свыше миллиона лет. Оба этих вида ранних человекообразных, еще не людей в полном смысле слова, обладали определенными зачатками разума. Прямоходящие, расселившиеся из своей родины, Африки, умели изготавливать примитивные, но вполне пригодные для добывания пищи и обеспечения их потребностей орудия из камня, кости, дерева и прочих материалов, создавать жилища в пещерах и иных местах и использовать огонь как для защиты от диких зверей, так и для приготовления пищи. И хотя в основе их поведения и всего образа жизни все еще преобладал инстинкт животного, проявления зачатков разума со временем становились все более ощутимыми. Это нашло выражение в изготовлении и использовании новых типов орудий, в более совершенных методах охоты и было зафиксировано антропологами при изучении черепов и объема мозга. Существенно заметить, что расселение прямоходя-

ших привело к появлению в различных регионах Старого Света несходных друг с другом расовых типов.

Рывок вперед стал очевидным примерно 300–400 тыс. лет назад, когда появился вид *Homo neanderthalensis*. Неандертальцы, чьи останки сегодня найдены почти на всей территории Старого Света, были во многом похожи на современных людей. Различные их расовые типы не отменяют того факта, что все они обладали навыками, говорившими о сравнительно высоком уровне восприятия мира с помощью не только инстинктов, но и в разума. Они изготавливали разнообразные орудия и украшения, использовали охру для покрытия трупов умерших перед их захоронением, что свидетельствует о существовании эмоций и норм поведения, не присущих животным, включая человекообразных. По меньшей мере, часть неандертальцев, так называемые прогрессивные, или пресапиенсы, уже, возможно, обладали зачатками членораздельной речи. Во всяком случае, видимо, их прямыми потомками стали несколько десятков (от 40 до 100 по различным версиям) тысячелетий назад современные люди, представители вида *Homo sapiens* (Человек разумный). На этом процесс антропо- и расогенеза был завершен. А вечный закон баланса способствовал тому, что постепенно все предшествовавшие сапиентным людям виды вымерли.

Таким образом, планета оказалась заселена людьми только современного типа, главной характеристикой которых стал, при многообразии расовых обликов, общий для всех разум. Появление именно разума у живых существ лежало в основе ответа на великий вызов Природы, обращенный ко всему живому и адекватно воспринятый только гоминидами, причем не всеми, но лишь наиболее продвинутыми из их числа. Чтобы это замечание не показалось голословным, следует обратить особое внимание на механизм процесса эволюции всего живого на Земле. Суть его, о чем уже кое-что было сказано, в постоянном воздействии на процесс двух важнейших факторов — мутации и метисации.

Посредством *мутации* реализуется эволюция живого, которая привела на нашей планете к столь очевидному его разнообразию. Метод сводится к постоянным и вызывающимся к жизни непредсказуемыми обстоятельствами генным изменениям в организмах. Начиная с древнейших простейших эти изменения способствовали тем или иным изменениям в организме (хорошо известный всем метод проб и ошибок), которые так либо иначе вели к его улучшению или ухудшению и, соответственно, к улучшению или ухудшению качества жизни потомства, что сказывалось на его успехах в борьбе за существование. В случае удачной мутации, что бывает, как упоминалось, сравнительно редко, может быть заложена основа для появления нового вида жизнеспособных живых существ.

Метисация с обязательным участием представителя удачной мутации (существует гипотеза, согласно которой мутации свершаются отдельно в женс-

ких организмах, где они передаются от матери к дочери) крайне важна. Так как мутация, как нечто уникально-феноменальное, редка, новый признак может быть передан потомству только при метисации, т.е. при скрещивании носителя мутации с тем, у кого ее, естественно, нет. Преимущество этого соединения в том, что, генная новация мутанта, переданная потомству в процессе метисации, способствовала успешной эволюции потомства, а затем подчас и вида, нередко возникавшего в результате именно этого. Эволюция видов шла именно таким образом, и только тем самым мир всего живого, и в первую очередь животных, а затем, по мере успехов процесса антропогенеза, и людей, оказывался все более разнообразным.

Если же иметь в виду только процесс антропогенеза, то очень важно заметить, что роль мутаций и метисации по мере совершенствования вида *Homo* и с возникновением *Homo sapiens* быстро сходила на нет. Когда главная цель эволюции — возникновение обладающих разумом людей, невзирая на все модификации, связанные с их расовым обликом, — была достигнута, в дальнейшем акценте на этом нужды более не было. Адекватный ответ на вызов, занявший миллионы лет, был дан, угроза серьезного дисбаланса была *временно* — что стоит постоянно держать в памяти — устранена. И только когда возникал какой-либо новый серьезный дисбаланс в жизни людей, а также их социумов и создававшихся ими политических структур, следовали новые вызовы, вплоть до того, который — уже сравнительно недавно — начал настоятельно призывать человечество к некоторым ограничениям в процессе модернизации.

Социогенез. Ответ сапиентного человечества на первый вызов

Ранние виды предлюдей жили, как и подавляющее большинство других человекообразных, небольшими стаями, о половозрастном характере которых едва ли можно судить с полной уверенностью. Но, скорее всего, они генетически восходили к прошлому и были сходны с небольшими стадами гоминид из числа человекообразных во главе с сильным самцом-вожаком. Однако с появлением сапиентных людей с их развитым разумом появились новые формы социума. И хотя возникавшие в процессе антропогенеза люди, с их многообразными расовыми типами и некоторыми соответствовавшими им признаками, формировавшиеся в различных климатических и природных условиях, не были во многих отношениях равными друг другу, все они в конечном счете принадлежали к одному виду, так что число обретенных ими от Природы бонусов, отличавших их от более примитивных вымерших гоминид, было у всех примерно одинаковым. Для нашей темы это означает, что перед лицом генеральных законов эволюции сапиентные люди почти не различались. На этом этапе

эволюции процесс адаптаций к последствиям перемен, вызванных активностью неравновесной системы, представленной сапиентами, был завершен.

Практически это означает, что очередной вызов, импульсы которого призваны были *содействовать движению вперед в виде формирования нового типа социума*, отличного от стад и стай млекопитающих, включая приматов и гоминид, был теперь, на уровне нового звена цепи адаптаций, направлен всему сапиентному человечеству. Этому соответствовало и то немаловажное обстоятельство, что численность сапиентов в описываемый период их существования была небольшой и на протяжении нескольких десятков тысячелетий измерялась, скорее всего, лишь немногими десятками тысяч. Как выглядели или, точнее, могли — по предположениям современных антропологов — выглядеть такие социумы?

Отвергнув примитивные теории XIX века, вроде предлагавшейся некогда Ф. Энгельсом так называемой трудовой теории («труд создал человека»), обратимся к тем много более серьезным выводам, которые были сделаны специалистами в результате изучения наиболее отсталых социоэтнических общностей. Немалый вклад в такого рода исследования внес французский ученый К. Леви-Стросс. Ознакомившись с образом жизни отсталых коллективов бразильских индейцев в бассейне реки Амазонки, в частности индейцев намбиквара, он пришел к выводу, что в основе социокультурного процесса, приведшего ранних сапиентов к становлению организованного общества в противовес примитивному стаду, были сексуальные ограничения, в первую очередь запрет на инцест. Это несвойственное стаям предлюдей, как и животных, добровольное и жестко соблюдавшееся ограничение породило систему упорядоченных брачных связей и сложные формы счета родства, в принципе основанные на дуализме¹. Все подобные новации были основаны на генеральном принципе обязательного (реципрокного, т.е. взаимного и эквивалентного) обмена между двумя (чаще всего) либо несколькими родственными группами, превращавшимися в роды, обычно по мужской линии.

Почему и как ранние сапиенты пришли к необходимости упорядочить родственные связи и тем заложить фундамент подлинно человеческого — в полном смысле этого слова — общества? Этот вопрос практически обходится в антропологии. Однако решение его следует искать в воздействии на людей тех же законов эволюции. На сей раз, вполне возможно, оно было ориентировано на участие в принятии решения человеческого разума. Попытаемся представить, как это могло происходить, хотя сразу стоит оговориться, что это сделать непросто. Можно было бы, например, предположить, что был осознан

¹ См.: Levy-Strauss C. The Social and Psychological Aspects of Chieftainship in a Primitive Tribe: The Nambiquara of Northwestern Mato-Grosso // Comparative Political Systems / R. Cohen, J. Middleton (eds.). L., 1967. Более обстоятельно обо всем этом см.: Леви-Стросс К. Структурная археология. М., 1983.

вред потомству от инцеста. Но такое мнение легко опровергнуть, ибо видимого вреда от этого в стадах животных и предлюдей никто никогда не замечал, а древнеегипетские фараоны безо всяких нежелательных последствий тысячами брали в жены сестер и даже дочерей. Что же еще могло побудить сильных самцов отказаться от принадлежавших им всегда прав на всех самок их стаи? Или, если продолжать строго придерживаться начатой в данной работе линии суждений, какой вызов мог побудить их к этому?

Очень похоже на то, что новый вызов был направлен на стимулирование желательного во имя эволюции укрупнения социумов и усиления значения родственных сообществ сапиентных людей. Возможно, что то и другое, ведя к созданию связанных родственными узами социоэтнических общностей сородичей, должно было создать систему престижных связей. Имеются в виду как осознанное уважение по отношению к старшим, опытным и умелым, так и престиж лучших из других поколений. Это должно было означать, что в новом, эгалитарном по многим параметрам социуме следует ценить как силу, что бывало в стаде всегда, так и мудрость. Тем более что значимость мудрости возрастала именно по мере увеличения роли разума в жизни людей. А поскольку основанный не на инстинкте, а на осознанном опыте разум приходил, скорее всего, с возрастом, то есть основания предположить, что с инициативой в длительном процессе формирования социума нового типа выступали именно старшие, умудренные годами.

И это практически легко понять. Если прежде в мире животных и, видимо, предлюдей ослабевших самцов-предводителей свергали с пьедестала в их же стае, а, быть может, в ритуальном раже кое-где и торжественно съедали, то теперь все изменилось. Те же старики, ослабевая с возрастом, сами, быть может, сочли за благо так изменить формы привычного общежития, чтобы на смену мощи силы пришло величие ума. Разумеется, это могло случиться не сразу. Вообще, стоит заметить, что никогда не бывает — не может быть — одновременного и однонаправленного движения в рамках разных коллективов, хотя пример одних легко мог быть учтен другими. Впрочем, как раз для этого требовалось хотя и небольшое, но все же время. А начиналось все впервые кем-то и где-то.

Рассуждая в этом направлении и в таком смысле, мы вправе предположить, что где-то когда-то *впервые возникла идея экзогамии со строгим табу по отношению к нарушителям*. Как и когда, где и почему это случилось, наука, насколько пока что известно, с уверенностью сказать не может. Можно высказывать предположения, смысл которых в том, что, откликаясь на объективный вызов, проявлявшийся в форме импульса (импульс вполне мог длиться достаточно долго, особенно учитывая темпы тех далеких времен), кто-то где-то некогда под его воздействием выступил со своего рода инициативой, или, иначе, содействовал процессу, который разделил близкородственную группу

на части, предписав ее членам искать своих половых партнеров за пределами группы, которая с этого момента и именно по этой причине переставала быть группой (т.е. обитающими совместно индивидами) и трансформировалась в несколько абстрактно воспринимаемый нами, но вполне конкретный и очень важный тогда для всех его членов род. Они, мужчины и женщины, ведшие свое происхождение от одного из двух своих родителей, чаще всего от отца (мужской род), были связаны между собой *кровным* родством. Мужчины из данного рода брали жен из другого или других родов и отдавали своих сестер и дочерей замуж в тот же или в те же чужие роды.

Принцип оказался удачным — адекватным — ответом на вызов, так что в конечном счете спустя множество поколений он был заимствован и позволил тем, кто успел сделать это раньше других, получить определенные преимущества. Они сводились к тому, что в итоге возникавшие новые социумы — локальные группы из парных семей с детьми или без них и с бессемейными — оказались значительно крепче и намного жизнеспособнее. Они могли более эффективно в случае нужды постоять за себя. А складывавшиеся брачные связи между представителями экзогамных родов¹, восходящих каждый к своему тотему, вели к существенному сближению между собой связанных брачно-семейными узами заново возникавших социоэтнических коллективов. За счет чего это происходило?

Не следует преувеличивать значение рода. Сила и сплоченность его членов была ограниченной, ибо в реальности родовые связи, о которых идет речь, лишь строго определяли брачные возможности, но не вели не только к совместному проживанию всех членов рода, но и к повседневной общности их жизненных интересов. Не вели потому, что в результате описываемых перемен в формах социума место прежней группы-стаи в качестве основной социальной структуры занял не род во главе с его уважаемыми старшими. Это место заняла другая социальная организация, хотя и строго руководствовавшаяся теперь именно родовыми запретами и вытекавшими из них брачно-семейными связями. Имеется в виду парная семья, создаваемая представителями разных родов. Речь об уже упоминавшихся локальных группах охотников и собирателей. Однако дело не только в этом. Гораздо важнее результат: в жизни людей появилось нечто новое и очень существенное, сильно укрепившее взаимосвязи между ними, — между родами возникли брачно-семейные связи и, как следствие, тщательно разработанные системы родства.

¹ Уточним: *род* — это экзогамный коллектив людей, связанных друг с другом кровнородственными связями, т.е. детей, внуков и более отдаленных прямых потомков одного определенного человека, чаще по мужской линии. С разрастанием рода имя предка обычно превращалось в тотем. *Тотемизм* — одна из ранних форм религии, суть которой сводилась к представлению о происхождении всех членов рода, кровных родственников, от какого-нибудь животного, даже растения или неживого предмета. *Экзогамия* — строго табуированный запрет на брачные связи между членами рода. *Табу* — жесткий, религиозно санкционированный и потому непрерываемый запрет на половые связи, использование некоторых предметов, включая пищу, и т.п.

Локальные группы создавались из парных семей с детьми и не имевших еще семьи молодых людей, которые, как правило, принадлежали к тем двум-трем, реже большему числу, родам, между которыми сложились традиционные брачные связи и члены которых, поколениями притираясь друг к другу, постепенно, по мере их численного роста, формировали более крупные и внутренне сплоченные социоэтнические общности. Именно такого рода общности стали четко делить внешний по отношению к ним мир на *своих* и *чужих*. Конечно, подобное членение существовало, в принципе, задолго до появления на планете людей и даже гоминид. Оно свойственно было и миру животных, во всяком случае млекопитающих. Однако только и именно теперь такое строгое членение стало, во-первых, осознанным и, во-вторых, основанным на строжайших запретах, уходивших корнями — стоит особо об этом сказать — не столько в традицию или в решение старших, сколько в подкреплявшие то и другое формировавшиеся в рамках новых социумов ранние религиозно-этические требования.

Религиозно-этические представления и связанные с ними строгие нормы повседневного поведения, начиная с рода и табу, стали тем цементирующим составом, который безо всякого видимого принуждения побуждал людей вести себя так, как этого от них ожидал коллектив¹. И именно в результате этого возникало, принимая описанные уже устойчивые формы, то самое длительное время созревавшее общество, в состав которого входили члены близких друг к другу родов и — реже — адаптированные одиночки-чужаки. При этом четкие экспектации коллектива были непреложным законом для людей, не мысливших себя вне своего коллектива и, более того, не имевших шансов выжить без него.

Теперь еще несколько слов о локальных группах. Фундаментальной основой как формировавшейся социоэтнической общности в целом, так и всех составлявших ее неотъемлемую часть, но функционировавших в течение определенного срока, обычно ограничивавшегося недолгими годами, локальных групп во главе с избранными членами группы лидерами были элементарные экономико-организационные проблемы. Все дело в том, что разраставшаяся общность дольше существовать как некое совокупное единое целое практически просто не могла. Для этого не было материальных условий. Выжить в пределах данной и достаточно значительной территории имела шансы только небольшая часть данной социоэтнической общности, та самая в зна-

¹ Очень важно упомянуть о том, что свойственная разуму работа мысли находила свое наиболее полное отражение именно в развитии ранних мировоззренческих представлений, религиозных и тесно связанных с ними этических норм. Нет сомнений в том, что именно на этом этапе эволюции сапиентов религия как форма осознания человеком своего места и роли в мире всегда играла первостепенную роль. Собственно, в определенном смысле именно она, религия, опираясь на возможности отвлеченных мировоззренческих рассуждений, сделала человека человеком.

чительной степени случайно сплотившаяся вокруг потенциального лидера локальная группа — небольшой коллектив в 20–30, подчас 50 человек. Все остальные должны были каждые несколько лет, а то и каждый год создавать для себя новые такие же группы. 20–30 человек, хотя бы только взрослых, — это была оптимальная численность группы, имевшей, как правило, закрепленную за ней зону обитания и, соответственно, пропитания. Система добычи пищи и ее потребления в таком коллективе была фиксированной, причем господствовал принцип уравнительности, который функционировал при подчеркнутом приоритете ролевых функций. Иными словами, первыми имели право на пищу группы охотники-добытчики — им всегда лучший кусок, ибо от их силы и активности зависело благосостояние всей группы, затем все остальные: дети, женщины и старики, т.е. люди старше 40 лет.

Эгалитарность как господствующая и обязательная норма проявляла себя прежде всего в том, что каждый вносил в общий котел группы все то, что был в состоянии добыть, и каждый получал из этого котла все то и столько, чего и сколько было ему положено в соответствии с полом, возрастом и выполняемыми в группе ролевыми функциями. Этот социально-экономический аспект отношений антропологи именуют принципом упомянутого уже реципрокного, т.е. обязательного, обмена. Будучи универсальным и удобным как для группы, так и для социоэтнической общности, в рамках которой все ее группы — *свои* — существуют, такого рода обмен сыграл решающую роль в эволюции. Проще говоря, без такого основополагающего принципа распределения социум на том уровне развития просто не сумел бы выжить.

И наконец, заслуживает особого внимания проблема роли во всем этом законов эволюции. Место первого из них в ходе процесса социогенеза понятно: для успешной эволюции сапиентных людей следовало как-то подтолкнуть их к разумной переоценке традиционно складывавшихся взаимоотношений в стае человекообразных и предлюдей. Ощущая необходимость этого и прилагая усилия именно в этом направлении, старшие самцы (скорее всего, вначале был все-таки кто-то из них), опираясь на возникавшие среди разумных людей примитивные, но жесткие религиозно-этические представления, сделали свое важное дело. Они сориентировали эволюцию коллективов в сторону от жившей еще в основном инстинктами стаи к роду и пока еще рыхлой социоэтнической общности с ее небольшими локальными группами *своих*, что было огромным шагом вперед. А второй генеральный закон — баланса — внес в этот процесс жизненно важные коррективы, крайне нужные для успеха. Суть корректив, как легко заметить, свелась к тому, чтобы отрегулировать всю заново складывавшуюся ситуацию и прежде всего ограничить объем и функции рода и социоэтнической общности из связанных брачно-семейными узами своих родов. Это ограничение оказалось необходимым именно потому, что на планете еще не было условий для стабильного существования в той либо иной

местности большого и быстро разрастающегося коллектива, который сумел бы регулярно обеспечивать себя пищей.

Воздействием этого закона на общество сапиентных людей объясняется очень многое, и в частности преобладание и роль локальных групп с их лидерами. При этом важно принять во внимание, что лидер был обязан постоянно заботиться о благоденствии группы, щедро делиться с ее членами своей охотничьей добычей в обмен на высоко ценившийся престиж и обладал лишь одной привилегией — он мог иметь, в отличие от других мужчин группы, более чем одну женщину. К слову, этот факт многозначителен не только потому, что положил начало принципу многоженства, который могли теперь реализовывать далеко не все. Это также проявление воздействия на возникавшее общество закона баланса: лучшие сохраняют право на бонус, на преимущественное воспроизводство потомства, что было нормой и в стае.

Говоря о процессе социогенеза, существенно не забыть, что действие его проявилось и в лидерстве в социальных группах. Если прежде, в стае, безусловным главой бывал обычно сильный самец, то теперь все более определенно на авансцену выходят наиболее умные и способные, как мудрые старшие, так и умелые молодые, избиравшиеся — что стоит особо подчеркнуть и что обстоятельно изучено антропологами, тем же Леви-Стросом, — самими членами групп. Важность перемены вне сомнений, так как в ней проявлялась все та же регулирующая сила, которая была призвана уравновесить руководство социумом. В этой связи заметим, что, как ни парадоксально, именно в локальных группах охотников и собирателей, построенных на эгалитарных принципах, о чем специалисты не забывают напоминать, шел, пусть не слишком быстрыми темпами, противоположный эгалитаризму процесс формирования социального неравенства. Эгалитарность стала уходить в прошлое, когда ранний этап социогенеза в основных своих чертах уже завершился, а сосуществование локальных групп и объединявших их более крупных — хотя пока еще и крайне рыхлых — родовых и социоэтнических общностей (имеются в виду роды, два или более, связанные брачными обязательствами, т.е. обменом женщинами) стало нормой.

Конечно, применительно к обществам людей, как, впрочем, и к стаям животных и предлюдей, о серьезном равенстве говорить не приходится. И если в локальных группах всегда заботились о том, чтобы каждый получил свой кусок (собственно, это и считается основой эгалитаризма в потреблении), то связано это было просто с тем, что иначе наиболее слабые члены группы, женщины и дети, просто не выжили бы. Это привело бы социум к печальному концу. А ведь и в этой группе лучший кусок предназначался, напомним, мужчинам-охотникам, обеспечивавшим всех добычей и имевшим потому высокий престиж. Вообще же, и в стае, и в обществе всегда и везде кто-то живет лучше остальных. Одни особи и коллективы находятся в более благоприятных

условиях, и потому их развитие идет успешнее и быстрее, чем у других. Преуспевшие ускоренно воспроизводятся и численно возрастают за счет тех, кому повезло меньше или не повезло совсем, чаще всего оттесняя их.

Есть основания заключить — отметим еще раз, как ни прискорбно это фиксировать, — что именно так проявляет себя неумолимый, даже безжалостный объективный закон, с которым в последующем изложении нам еще не раз придется столкнуться: *за счет оставших нужно очистить дорогу для успешной эволюции лучших, более приспособленных*. Против этого восстают все лучшие человеческие чувства и качества, это противоречит высшему достижению человечности — гуманному отношению к нуждающимся в помощи. Тем не менее факт остается фактом. Более того, если достигшее высокого уровня развития человечество, движимое гуманистическими идеалами, пойдет против объективного закона, что, в общем-то, мы и наблюдаем сегодня, это может привести к практически неразрешимым проблемам. Разумеется, стоит попытаться противопоставить закону баланса крепнувший разум сапиентных людей, что само собой в наши дни и происходит. Но совсем не ясно, к чему такое противостояние приведет. Собственно, автор потому и выдвигает в своей концепции законы объективной эволюции на передний план, что сегодня есть все основания обратить на них особое внимание. Ведь едва ли кто-нибудь из специалистов станет спорить с тем, что человечество сейчас находится на своеобразном перепутье. А можно выразиться и жестче: мир подошел к какой-то суровой грани, за которой вершина происходящей на планете эволюции в рамках цикла грозит быстрым, очень быстрым переходом к нисходящей части цикла. Хорошо, если это *еще* не так. А если *уже* так? В свое время, на явно восходящих этапах (или, если это более подходящее слово, звеньях) цепи адаптаций человечество находило выход, о чем далее и пойдет речь. Но всегда ли будет так?

Новый вызов: «неолитическая революция»

Продолжим развитие темы и обратимся теперь к следующему этапу эволюции уже вполне разумного человеческого общества. К нему, ко всему существовавшему тогда человечеству, т.е. ко всем разумным землянам без исключения, был обращен очередной вызов. И в этом была своя логика: все локальные группы, немало сделав во имя эволюции, заслужили от Природы бонусы примерно в равных количествах. Но в мире сапиентных людей возникла новая и совершенно иная по сравнению с равенством или неравенством очень существенная проблема. Какая же?

Этап существования ранних и примерно одинаковых по уровню развития многочисленных эгалитарных общностей и входивших в каждую из них ло-

кальных групп охотников и собирателей сменился периодом так называемой неолитической, т.е. земледельческой, революции¹. Именно эта «революция» когда-то поставила человечество перед очень важным для решения дальнейшей его судьбы выбором. Для одной его части это был путь вперед, к земледелию. Для других, тех, кто стал вести кочевой образ жизни, новый путь оказался затруднен и привел к остановке в эволюции, если не к стагнации. А для третьих очень надолго (для кого-то — навсегда) исчезла всякая надежда на развитие. На их долю выпало вымирание, в лучшем случае стагнация. Но почему людям, прежде развивавшимся примерно одинаково и шедшим вперед как бы единым строем, был брошен столь суровый, разделивший их вызов?

Если исходить из того, что процесс эволюции объективно обусловлен тем, что цепь успешных адаптаций находится под контролем закона баланса, за которым стоит Природа, сама не обладающая ни разумом, ни творческими потенциями, зато крепко связанная с этим законом, стоящим на страже строго регулируемой нормы, то объяснить ситуацию не слишком сложно. Суть ее в том, что на описываемом этапе эволюции человечества оба закона, смысл которых в заботе о постоянном стимулировании эволюции и в необходимости регулировать и контролировать ее итоги, снова оказались вынуждены активно действовать. На сей раз это было вызвано тем, что возраставшие в числе разумные и потому оказавшиеся сильнейшими на планете существа проявили способность вскоре уничтожить на Земле все живое и хоть сколько-нибудь пригодное для пищи. Природа, объективно заинтересованная в стимулировании эволюции в соответствии с законами вызова и баланса, что одно только и является гарантией ее благополучного существования, *была не в состоянии мириться с тем, что все растущее и живущее на ней оказалось под угрозой уничтожения*. Ведь вся жизнь на планете в таких условиях была поставлена под вопрос.

Как и прежде, импульсы были восприняты не всеми. Наиболее чутко реагировали на них наиболее продвинутые в развитии. Их общности, и ранее уже двигавшиеся в сторону все той же эволюции, были подготовлены к тому, чтобы своим разумом воспринять ситуацию. Они, разумеется, не занимались статистикой и отнюдь не были готовы рассуждать о том, что количество людей непрерывно растет, а объем всего того, что необходимо для их пропитания, катастрофически сокращается. Но им было понятно, что людям всерьез угрожает голод и потому следует что-то предпринять. Это и было их реакцией. Стоит заметить, что новый вызов, как и предыдущий (по меньшей мере, от-

¹ То, о чем теперь пойдет речь, на самом деле не неолитическая и не революция. Неолит (новый каменный век, более качественные орудия из камня) фиксирует лишь примерное время, когда начался очередной радикальный процесс преобразования человеческого общества. А революция имела место лишь в том смысле, что процесс сыграл колоссальную роль в истории человечества. Он привел к важнейшему перевороту в образе существования всего мира. Однако достигнуто это было в ходе обычной медленной эволюции, занявшей тысячелетия, а ни в коем случае не в результате быстрого и тем более силового преобразования.

части), был ориентирован на разум и воспринимался именно им. Реально это означало, что обладавшие разумом люди должны были поразмыслить над сложившейся тревожной ситуацией и поискать из нее оптимальный выход.

Результат хорошо известен: люди научились производству пищи. Напряженный разум человека, вооруженного орудиями труда, восходившими к глубокой древности, но постоянно совершенствовавшимися, — теперь неолитическими — помог в этом тем, кто обитал в более благоприятных для жизни местах. Разумеется, не сразу. Вначале некоторые из наиболее продвинутых и удачливых, в частности женщины, которые срезали созревшие колоски дикорастущих злаков в предгорьях ближневосточных Анатолии, Палестины и Загроса, рядом с Междуречьем, обратили внимание на то, что упавшие на землю зерна через некоторое время прорастают. Это ценное наблюдение привело со временем к определенным выводам и в конечном счете к практике искусственного выращивания в большом количестве на хорошо возделанных полях злаков, да и не только их.

Выращивание злаков и иных сельскохозяйственных культур на специально для этого возделывавшихся полях, равно как и разведение домашнего скота и птицы (все, как можно предположить, начиналось с приручения оставшегося без родителей молодняка), побудило прежние локальные группы охотников и собирателей трансформироваться. Они, которые до того вели бродячий образ жизни, начали закрепляться близ возникших полей и тем самым превращаться в оседлых земледельцев. Строительство домов и составленных из них поселков, изготовление из мягкой обожженной глины не пропускавшей воду твердой керамики, что позволяло хранить продукты и готовить горячую пищу, появление прядения и ткачества с последующим выделыванием из ткани различной одежды, как и другие аналогичные изобретения и нововведения, — все это коренным образом изменило образ жизни тех, кто ранее других и наиболее адекватно ответил на вызов. А главными результатами длительного, протекавшего примерно 14–8 тыс. лет назад, а быть может, начавшегося и значительно раньше аграрного или сельскохозяйственного переворота стали три важнейшие новации.

Во-первых, что наиболее существенно, сама оседлая жизнь, регулярный достаток пищи и одежды, а также надежные жилища на одном месте, без постоянных и, вообще-то, небезопасных перемещений способствовали резкому увеличению фертильности женщин и выживаемости детей. Все это, вместе взятое, обеспечивало оседлым земледельцам ценную возможность выращивать обильное потомство, которое, не потребляя вокруг себя дикорастущую пищу, могло спокойно расселяться на подходящих для земледелия соседних территориях без угрозы для существования всего живого на планете.

Во-вторых, постоянное производство достаточного количества съестного и всего прочего привело к появлению так называемого избыточного продукта,

что в свою очередь позволило освободить некоторую часть населения от необходимости заботиться о производстве пищи — вместо этого люди получили возможность заняться иными делами. Так начался важнейший для эволюции человечества процесс разделения социальных функций и выделения носителей некоторых из этих функций из прежней, единообразной массы. Именно из таких отделившихся от основной части производителей или хотя бы получивших потенциальную возможность обособиться постепенно вырастали будущие мастера-ремесленники, администраторы, торговцы, жрецы или профессиональные воины.

В-третьих, резко изменились привычные формы организации социума. На смену бродячим локальным группам с их подчеркнутым эгалитаризмом пришли семейно-клановые ячейки земледельцев и скотоводов. Особенно важную роль сыграла эта перемена в жизни оседлых земледельцев. Семья, получив в собственность дом, поле, скотный двор и вообще все сложное хозяйство эпохи земледельческого неолита, не могла остаться на уровне легкомысленной парной ячейки. Она была вынуждена, естественно, численно возрастая, структурно меняться. А точнее, на смену ей пришла семейно-клановая ячейка из двух-трех разросшихся поколений во главе с отцом-патриархом с женой (а то и с двумя), взрослыми женатыми сыновьями, их женами и выводком внуков.

В приходившей на смену локальной группе семейно-клановой организации социума земледельцев формировалась власть отца-патриарха. Он не был выборным, но выполнял прочно закрепленные за ним функции руководства и управления всеми повседневными делами спаянного родством коллектива. Дочерей такая семья выдавала замуж в соседние дома представителей чужого рода. В рамках семейного клана, к которому подчас прибивались и бездомные чужаки, отец обладал и властью, и авторитетом, которые учитывались в деревенской общине, особенно в момент выбора общинного главы или совета. Кандидатами были обычно наиболее крепкие хозяева, а крепость их хозяйства проверялась в момент семейных праздников, когда семья выставляла щедрое угощение для всей деревни. Действовал классический принцип обязательно-реципрокного обмена: кто больше потратил — у того наибольший престиж, наилучшие шансы на выборах, кто не смог в свою очередь много выставить, считался клиентом-должником более зажиточного. В конкурентной борьбе патриархов, усложнявшейся патронажно-клиентными отношениями, наиболее зажиточные и щедрые, обладавшие наивысшим престижем и поддержкой наибольшего количества клиентов, обычно одерживали победу.

Следствия всех этих новаций были необыкновенно важными. Первая привела к быстрым темпам воспроизводства потенциальных земледельцев, которые в поисках новых мест для оседания сначала освоили долины великих ближневосточных рек Нила, Тигра и Евфрата, а затем проникли и в более от-

даленные регионы Евразии. Вторая и третья создали базовую основу для политогенеза, о котором пойдет речь далее.

В результате земледельческого обустройства прежних собирателей дикорастущей пищи и охотников за животными за исторически короткий срок жизнь на нашей планете сильно изменилась. Люди начали энергично ее заселять, причем не только всю пригодную для этого территорию Старого Света, но и Новый Свет, куда земледельцы добирались через Берингов перешеек примерно 20–10 тыс. лет назад. На всех пригодных для того территориях упрочился новый образ жизни. Речь о жизни разумных людей, оседлых земледельцев, не потреблявших одни лишь дикорастущие продукты природы и не убивавших подряд всех попадавшихся им диких животных, но научившихся производить вполне достаточное и даже несколько избыточное количество необходимой им пищи, да и иных продуктов сельского и не только сельского хозяйства. Это и был адекватный ответ, это и следует считать успешной адаптацией на данном этапе.

Для тех, кто жил в ту далекую пору в местах, для земледелия непригодных, существовала, как о том уже упоминалось, альтернатива, которая сводилась к производству пищи в виде выращивания скота. Понятно, что этот ответ на вызов был не вполне адекватным, ибо для выращивания скота в достаточном для пропитания кочевников количестве требовались обильные пастбища, число которых не могло быть беспредельным. Кроме того, такой способ жизни не создавал тех благоприятных возможностей, которыми обладали земледельцы, тоже, к слову, разводившие домашний скот. Поэтому по сравнению с оседлыми земледельцами ограниченные во многом кочевники (достаточно обратить внимание на отсутствие в их образе жизни главного завоевания неолитического переворота — оседлости и всего того, что с ней связано) начинали заметно отставать в развитии.

И только агрессивная активность, сводившаяся, как правило, к очень легкому для них завоеванию земледельческих регионов, могла позволить им, используя суждение древних китайцев, более других страдавших от набегов северных кочевых племен, слезать с коней и, вливаясь в ряды земледельцев, тем самым давать свой запоздавший ответ на вызов. Те же из кочевников, кто оставался на привычных для них степных просторах, платили за это очень заметным замедлением темпов и уровня развития. Остальные, кому не повезло еще больше и чьи условия существования по разным причинам не были подходящими ни для земледелия, ни даже для кочевого скотоводства, вообще не могли — по крайней мере, при том уровне техники и технологии, который соответствовал описываемому этапу существования сапиентных людей, — дать ответ на вызов. Они, по большей части оттесненные обстоятельствами и удачливыми конкурентами в наиболее отдаленные и неблагоприятные для обитания людей места, были обречены не только на стагнацию, но и на вымирание.

Однако по причине того, что на планете сложилась принципиально новая ситуация, далеко не все оттесненные вымирали. Дело в том, что если для большинства людей собирание дикорастущих растений и охота на диких животных перестали быть жизненно важными, то объективно это означало, что живая природа могла спокойно вздохнуть, а те, кто был оттеснен или просто оставался жить там, где другие жить не желали, — эти люди получили возможность беспрепятственно продолжать существовать за счет регулярного потребления тех убитых ими животных и той дикорастущей растительной пищи, которые до неолита потреблялись абсолютно всеми.

В свете предлагаемой читателю концепции важно обратить внимание на крайне важную деталь описываемого процесса. Речь о том, что мы не знаем и никогда не узнаем, насколько велика была доля неудачников в населении планеты в те отдаленные времена, когда шли очень важные для эволюции сапиентов процессы антропо- и социогенеза. Но можно не сомневаться, что в ходе вынужденного естественного отбора она была более чем внушительной. Скорее всего, тех, кто тогда не дал адекватного ответа и не выжил в новых условиях существования, было подавляющее большинство. Понятно, что со временем вымершие оказались с лихвой замещены теми, кто преуспел. Но дело ведь не в этом, во всяком случае не только и не столько в этом. Гораздо важнее зафиксировать, что, насколько можно предположить, огромное большинство не сумевших адекватно ответить на вызов просто исчезло с лица земли. В ликвидации этой части населения проявился закон баланса. Дисбаланс был преодолен за счет тех, кто тогда оказался слабым и отсталым, не был готов к радикальным переменам, не сумел приспособиться к новым условиям существования и потому не смог ответить на вызов.

Теперь же, на этапе перехода большинства к производству пищи, ситуация кардинальным образом изменилась. И здесь уместно сделать отступление и обратить внимание на некоторые важные особенности взаимоотношений нашей планеты и, в частности, сапиентных людей с объективными законами эволюции.

Первая из них заключается в том, что законы эволюции, сами не имеющие и никогда не имевшие отношения к чему-то вроде разума — на этом стоит еще раз сделать акцент, — *перестали быть абсолютно всесильными*. По мере прохождения нашей явно крайне необычной для Вселенной планеты с ее живыми существами и разумными людьми через основные этапы эволюции внешние силы понемногу утрачивали силу своего воздействия на людей благодаря тому, что те становились все более интеллектуально развитыми и оттого все более могущественными. Это проявлялось прежде всего в том, что слабые и отсталые общности по мере продвижения человечества вперед все чаще и во все большем количестве выживали. Досапиентных людей на планете давно уже нет. Насколько известно, нет и таких, кто не был бы знаком с процессом

социогенеза и с социумами, свойственными этому этапу эволюции (род и локальная группа). Но зато, как было отмечено, осталось много тех, кого не коснулись преобразования, связанные с производством пищи. Правда, эти люди обычно застывали на том уровне, на каком они находились в тот момент, когда не сумели дать адекватный ответ на вызов. Но они все же остались, причем жили и сегодня живут так, как привыкли. Это касается и жителей тропиков, и обитателей приполярных районов, и тех, кто оказался заброшен судьбой в далекие необитаемые регионы вроде прежней Австралии или обширной вполне современной, но практически недоступной для современной цивилизации сельвы реки Амазонки. И как правило — о чем немаловажно всегда помнить, — все они вполне довольны своей жизнью.

Вторая важная особенность изменившихся взаимоотношений в том, что *сроки между очередными вызовами постепенно, но зримо изменялись*. Они постоянно сокращались, и чем дальше, тем заметнее. Вспомним, что жизнь на Земле появилась в незапамятные времена, когда нашей планете был сделан некий самый ранний вызов, который привел к возникновению создавшихся на ней уникальных условий жизни. Об этом вызове в начале книги было сказано лишь вскользь. Однако он сыграл колоссальную роль, обеспечив свойственное именно Земле с создавшимися на ней благоприятнейшими для этого возможностями то разнообразие живых существ, которое способствовало постоянному усовершенствованию тех, кто был наиболее пригоден для этого в процессе эволюции.

Между первым и в определенном смысле решающим вызовом, импульсы которого активно содействовали эволюции живых существ, и следующим, обращенным уже ко много более развитым представителям земной жизни, к млекопитающим, приматам, гоминидам, и стимулировавшим процесс антропогенеза, прошли многие сотни миллионов лет. А очередной вызов, обращенный уже в некоторой степени к разуму сапиентных людей и призвавший их к созданию оптимальных форм социума, отстоял от предыдущего всего на несколько сотен тысяч лет. Это, в свою очередь, существенно отличается от срока, отделявшего тот вызов от нового, вызвавшего к жизни производящую систему хозяйства — промежуток здесь исчислялся уже десятками тысяч лет. А путь от первых земледельцев эпохи неолита до возникновения наиболее ранних форм политогенеза, о котором сейчас пойдет речь, оказался еще короче. Он был равен примерно пяти тысячелетиям.

Сокращение длительности промежутков между вызовами очень важно принять во внимание. Оно свидетельствует о том, что по мере продвижения от одного этапа эволюции к следующему ситуация на планете менялась все быстрее. Причина в том, что сапиентные люди с их постоянно и во все ускоряющемся темпе развивающимся разумом ускоряют шаги истории. А если это было именно так, то нет ничего удивительного и в том, что обе только что зафик-

сированные особенности неизбежно оказались взаимосвязанными. Или, иначе, *некоторое отстранение интеллектуально вооруженного человечества от Природы с ее вызовами и импульсами компенсировалось более частым появлением новых вызовов*, все определеннее связанных с необходимостью корректировки.

Такого рода вывод, пусть пока и предварительный, не может не тревожить. Он заставляет вспомнить о шагреновой коже из романа Бальзака. Той самой, обладание которой позволяло выполнять любые желания при условии, что за каждое из них владелец платил сокращением срока своей жизни. Правда, в романе все зависело от желания самого владельца, субъекта процесса, тогда как в нашем случае людей никто не спрашивает, так как они все еще не столько субъекты, сколько объекты процессов, инициируемых бросающей им вызов некой высшей силой. Тем не менее, если на этом остановиться, вполне может показаться, что конец человечества ужасающе близок. Всё вперед и вперед, всё быстрее и быстрее — а что дальше? Людям, которые сумеют, если адекватно ответят на все вызовы, все-таки выжить — о прочих нет речи, — вроде бы останется лишь успеть перед этим самым концом получить от улущающейся жизни максимум того, что она в состоянии им дать. А остальным просто придется уйти с дороги, исчезнуть. Но взглянем, пока еще далеко не все потеряно, на ситуацию несколько с иной стороны.

С каждым очередным шагом вперед человек разумный становился и тем более становится в наши дни интеллектуально все более могущественным. Его разум преодолевает одну высокую планку за другой. И он оказывается в состоянии сам вносить нужные коррективы в процессе формулирования ответа на очередной вызов или в противостояние регулирующим акциям закона баланса. Важно и то, что его интеллект, этические ценности и обретаемый им достаток не делают его равнодушным к заботе о слабых (пусть еще далеко не всегда и не везде). Это вошло в фундамент христианской религии — и не только ее одной — и, по меньшей мере, с эпохи Ренессанса стало нормой для всех процветающих, например важным элементом социальной политики развитых буржуазно-демократических стран.

Конечно, это мало утешает тех, кто вынужденно оказался в положении облагодетельствованных. И вполне возможно, что в такой ситуации кто-то готов сделать вывод, что не следовало раньше и никак не следует теперь спешить с эволюцией, потому что неизвестно, чего от нее ожидать. Но, во-первых, суровый объективный закон естественного отбора являет собой реальность, с которой трудно спорить. Хочешь жить — иди вперед. Если не пойдешь, рискуешь не просто отстать, но и уйти в небытие. А во-вторых, какова альтернатива? Отставшим либо помогают, либо... они живут столь далеко и в таких условиях, что помощь им трудно предоставить. Взгляните на тех, кто живет сегодня в дебрях Амазонки, в наиболее отсталых районах Тропической Африки или в приполярных широтах. Сами эти общности и даже локальные груп-

пы, которые изучались антропологами, как правило, своей привычной жизнью, о чем уже упоминалось, удовлетворены, ибо иной не знают. Но вам хотелось бы так жить? Вопрос далеко не столь прост, как может показаться. Да, за прогресс приходится платить. Все за всё всегда чем-то платят — таков закон баланса. А без этого было бы лучше? И, что тоже более чем существенно, где предел лучшего? В деревне эпохи земледельческого неолита? В стойбище кочевников, без воды и многих иных удобств? Или в группе охотников и собирателей в густых лесах? Быть может, вообще на уровне неандертальцев или предлюдей, а то и австралопитеков? Стоит поразмыслить.

Правда, в наши дни темп жизни ускоряется настолько, что некогда задуматься над неотвратимым будущим, которое с ужасающей скоростью надвигается и, похоже, не сулит людям, учитывая безудержный их численный рост на нашей ограниченной в размерах и ресурсах планете, ничего хорошего. Однако остановимся пока на этом и примем во внимание, что с появлением у людей разума ситуация все же заметно изменилась в их пользу. Разум, постоянно крепнувший, смело вступил в противостояние с законом баланса. Разумный человек мог и все еще может, во всяком случае пока, и постоять за себя, и помочь отставшим, втягивая все большее их число в сферу воздействия высоких современных жизненных стандартов. Неизвестно, однако, до какого предела — а предел этот, безусловно, существует — успех будет сопутствовать человечеству и что его ждет потом. Честно говоря, надежд на счастливое стечение обстоятельств не слишком много.

Вперед, к политогенезу

Новый этап эволюции (очередное звено в цепи адаптаций), начавшийся достаточно скоро после неолитической революции, свелся к решению проблемы политогенеза. И здесь опять-таки движение — вне зависимости от того, был ли ощутимый вызов или обошлось без него, — нельзя не считать вполне обоснованным. Быстро увеличивавшееся население все чаще оказывалось в состоянии междоусобных конфликтов. По мере расселения по планете коллективов разных, в том числе и по расовому признаку, социоэтнических общностей столкновения между ними в ходе борьбы за наилучшие места обитания повсюду становились нормой. Они не только учащались, создавая обстановку определенной дисгармонии, но и оказывались чреватými устойчивым дисбалансом. Это объективно угрожало планете потенциально возможным возвратом к прошлому. Почему?

Дело в том — хотя документально это невозможно доказать (впрочем, гипотетически есть немало оснований предположить именно такой ход событий), — что в ходе столкновений обычно одерживали верх вовсе не продвину-

тые земледельцы. Напротив, как то хорошо видно из событий более позднего времени, в частности на примере первых русских княжеств, оказавшихся завоеванными полчищами татаро-монголов, энергичные и легкие на подъем кочевники имели явное преимущество, что в итоговом результате вполне могло привести к тому, что были бы уничтожены возделанные поля, а вместе с ними и чуждые кочевникам оседлые поселения и дома земледельцев. Тем самым все преимущества земледельческого производящего хозяйства могли быть поставлены под сомнение и оказаться забытыми. Любой интересующийся историей и знакомый хоть немного с текстами древних источников легко может узнать об аналогичных нашествиях кочевников на плодородные древнеегипетские либо месопотамские долины и о том, что за этим обычно следовало. А если спроецировать зафиксированные в записях события на то время, когда ни записей, ни ведших их писцов, ни содержавших этих грамотеев государств еще не было, ситуация представляется еще более мрачной.

Таким образом, от людей, от размножившихся этносоциальных общностей, все чаще оказывавшихся в состоянии взаимных конфликтов, объективная обстановка настоятельно требовала быстрой и решительной реакции, направленной на изменение положения вещей. Эта реакция, собственно, и должна была быть воспринята как ответ на вызов. А так как ответ давался существами, обладавшими разумом, вполне понятно, что он был не только механической реакцией, но и чем-то более или менее, в зависимости от обстановки, хорошо продуманным и имеющим шансы быть практически реализованным.

Проще говоря, если пользоваться введенной в корпус данной книги терминологией, новый вызов требовал движения во вполне определенном направлении. Этот вызов, требовавший от владевшей бонусами и имевшей основание рассчитывать на них и далее передовой части человечества ускоренной реакции, может быть сформулирован таким образом: люди, постарайтесь организовать свое социальное существование таким образом, чтобы передовые, миролюбивые общности не оказывались жертвами неспровоцированной агрессии. Это в ваших интересах!

От оседлого общества с его полями и деревнями, земледелием и домашним скотоводством, а также от всех тех, кто был знаком со многими искусными ремеслами в разрастающихся и умножавшихся поселениях, требовалось то, что в наши дни специалистами именуется *политогенезом*. На практике это означало энергичное и ускоренное обстоятельствами движение в сторону возникновения государства. Это было необходимо во имя сохранения достигнутых уже передовых стандартов существования на планете. Основательно продвинутые представители разумной жизни должны были создать новую систему самоорганизации общества, которой следовало бы прийти на смену старым родовым и семейно-клановым формам.

Конечно, автор может получить упрек в том, что этот вывод притянут, что называется, за уши. Какое, мол, дело ей, Природе, до того, есть в обществе что-то вроде государства или нет? Такие сомнения небеспочвенны, причем многое зависит от того, как в принципе отнестись к проблеме вызова, помещенной автором чуть ли не в самый центр создаваемой им концепции. Что ж, пусть каждый придерживается той точки зрения, которая кажется ему наиболее резонной. Точка зрения автора заключается в том, что объективно планета воспринимает и оценивает то, что на ней творится. Больше того, она способна реагировать на это, особенно когда резко нарушен приемлемый баланс и тем более если такого рода творчество принимает заметные масштабы и потому просто не может так или иначе не ощущаться.

Забегая чуть вперед, скажем, что есть основание пойти еще дальше и предположить, что внимание Природы к тому, что творят на ней люди, становящиеся с каждым этапом эволюции увереннее в том, что именно они здесь полные хозяева, соответственно возрастает и становится более чутким. Это и определяет характер и облик ситуации на каждом очередном этапе эволюции человечества. Это же обуславливает и озабоченность Природы всем происходящим, ее объективное равнодушие в связи с проблемой сохранения необходимого баланса. Так оно или не так, решать каждому, оглянувшись сегодня вокруг себя, предоставляется самостоятельно. А пока продолжим начатый разговор и вернемся к вызову, стимулировавшему процесс политогенеза.

Не следует полагать, что путь к нему был легким. Напротив, все было крайне сложно. И дабы облегчить читателю понимание того, о чем пойдет речь дальше, напомним, какова была объективно сложившаяся в те времена ситуация. Сохранявшиеся кое-где локальные группы охотников и собирателей были временными и объединяли как не очень прочные парные семьи с детьми (семейные пары могли легко распасться, причем заботу о детях в этом случае брала на себя группа), которые поддерживали тесную связь со своими матерями, так и не имевших семей молодых людей. Их, таких групп, еще было много, и существовали они чаще всего по-прежнему на основе равенства в потреблении. Однако мест для их обитания становилось меньше, что неминуемо вело к их вытеснению в наименее благоприятные регионы и нередко к постепенному вымиранию. Объединявшие эти группы родовые социоэтнические общности вынуждены были приучаться к скотоводству, как то было, например, с оленеводами северных широт, и таким образом выживать.

В кочевых обществах роль родовых связей была наиболее высокой, как и значимость обладавших престижем старших в роде и глав семейно-клановых коллективов. Но здесь, особенно учитывая мобильность и воинственность кочевников, очень большую роль играли храбрые и щедрые воины, которые распределяли боевую добычу. Они пользовались огромным уважением. На

уровне патриархов, старейшин, глав родов или воинов престиж всегда мог конвертироваться, принимая форму богатого жилища, поля большого размера либо пастбища с многочисленным скотом, а также различных хозяйственных строений, которые иногда создавались путем безвозмездных добровольных усилий всего поселения. Это, к слову, можно считать провозвестником будущих трудовых повинностей, которые, впрочем, на том уровне развития никогда не воспринимались как принудительная обязанность.

С течением времени все разного рода преимущества старших в различных, уже совсем не эгалитарных коллективах обретали облик обязательств коллектива по отношению к избранному им главе. Он, глава, распределитель совокупного достояния, а также всего текущего и тем более избыточного продукта, превращался если не в хозяина земли — порой использовали и такое словосочетание — либо пастбищ, то в авторитетного руководителя, чье решение обычно никем не оспаривалось. От этого оставался лишь небольшой шаг к трансформации общинного лидера в субъекта власти. Понятие «власть» в такой ситуации (власть положения) — это возможность лидера осуществлять свое решение при согласии коллектива подчиняться его воле. И поскольку собственности как феномена и понятия, включая, естественно, и частную собственность, в описываемое время еще не существовало, все достояние семейно-клановой группы земледельцев, деревенской общины либо родового коллектива кочевников, как и плоды их труда, были тем, чем они владели по праву традиционного присвоения. *Но распоряжаться общим достоянием и распределять его мог и должен был только глава коллектива*, опиравшийся на престиж и признание его положения, включая и соответствующий авторитет.

В раннем обществе, где сознание всегда имело религиозную основу, была чем-то само собой разумеющимся также постепенная сакрализация лидера, что особенно заметно на примере вначале всегда выборного предводителя второй ступени. Это не значит, что старейшина общинной деревни либо стойбища кочевников был религиозным главой и тем более колдуном или знахарем. Но это означает, что социальный статус делал его религиозным авторитетом не в меньшей степени, нежели субъектом власти. Словом, постепенное и вполне естественное, даже закономерное слияние власти и религиозной сакральности в одном лице должно было быть и бывало, как то хорошо видно на примере чуть более развитых общностей, вполне нормальным и естественным. При этом в процессе институционализации власти и сакрализации лидера тот, кто был избран главой коллектива (речь об уровне выше патриарха семейно-клановой группы), должен был регулярно подтверждать, реабилитировать свое право на руководство. Автоматического права на выборную должность и возможности передать ее по наследству еще не было, хотя к этому дело постепенно шло. А пока закрепления власти не произошло, открывавшаяся порой вакансия лидера привлекала внимание умных и способных лю-

дей, а то и просто честолюбцев, активность и амбиции которых — что стоит учесть — обычно способствовали эволюции любой общности.

Теперь, имея в виду сказанное, обратим внимание на то, что весь этот важный процесс становления земледельческого хозяйства и связанного с ним комплекса необходимых перемен шел долго. Понемногу обретали устойчивые формы быт и хозяйство скотоводов-кочевников. Заметная эволюция социума, начатая столь радикальными переменами в принципе ведения хозяйства, шла своим чередом. Зримый и значимый эволюционный процесс был, однако, далеко не только результатом спонтанного движения вперед. Вызванное внутренними потребностями развитие в немалой степени определялось и внешними факторами, т.е. теми объективными воздействиями со стороны среды — а это в конечном счете и есть Природа, — которые как раз и придавали этому процессу облик ответа на вызов. Ответа не резкого и решительного, но, напротив, постепенного и поэтапного. Теперь несколько слов о том, как конкретно это могло и, скорее всего, должно было происходить.

Обратимся к фактам, которыми располагает современная наука. Согласно специальным исследованиям, связанным, в частности, с именем французского социолога Э. Дюркгейма, в XIX веке хорошо известные антропологам отсталые африканские этнические общности Нигерии, жители Тропической Африки, существовали примерно на том уровне развития неолитического земледельческого общества, который нас сейчас интересует. Изучая их, специалисты обратили внимание на некоторые закономерности, свойственные такого рода общностям. Речь идет в первую очередь о том, что Дюркгейм назвал механической солидарностью¹. В чем суть этого феномена?

Множественная на протяжении века-двух сегментация многочисленных семейно-клановых групп различных родственных кланов первоначально единого общего происхождения (со всего, предположим для упрощения, двумя родами, обменивавшимися женщинами) в условиях относительной изоляции, т.е. отсутствия частого и крупномасштабного смешения с другими общностями, ведет к стабилизации некоей большой разросшейся общности, спаянной единством языка и культуры, включая прежде всего ритуально-обрядовые нормы и легендарно-мифологическую традицию, но также пищу, одежду, строения и т.п. В рамках этой общности и функционирует та самая солидарность, которая именуется механической в противовес более развитой органической, организованной, социальной, свойственной протогосударству.

Механическая солидарность реализуется как бы автоматически, т.е. является чем-то вроде врожденной реакции на любое раздражение извне. Она проявлялась в момент внешней угрозы, особенно со стороны сильного противни-

¹ Подробнее см.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 256–309.

ка. В таком случае вся до того рыхлая общность мгновенно спланивалась в нечто мощное и цельное, а рождавшийся при этом консолидирующий ее импульс вел к тому, что из среды старейшин или молодых воинов выделялся харизматический лидер, который был способен организовать необходимый отпор врагу. Если после этого проблема снималась (а иначе общность вообще могла погибнуть), то спланивавшийся ее консолидирующий импульс сразу же исчезал, а временно сплоченный коллектив распадался на свои привычные составляющие. Что же касается добившегося успеха лидера, то он в лучшем случае обретал престиж и запечатлевался в легендах, а чаще всего просто возвращался в свой общинный коллектив.

Перед нами типичное примитивное переходное общество. Оно еще не превратилось в протогосударственную структуру, но уже стоит на пути к этому. Для него характерен, помимо прочего, заметный принцип убывающей социэтнической солидарности. Суть его в том, что сила и энергия реакции на внешнюю угрозу убывают с увеличением дистанции, как родственной, так и территориальной. Иными словами, за члена своей группы семейно-клановый коллектив выступает с наибольшей энергией, в том числе при споре с любым из близких соседей или даже с родней. С соседями, тем более родственниками, группа выступит вместе в случае конфликта с более отдаленными соседними группами, за всю свою общину — в случае ее конфликта с соседней, а за соседнюю тогда, когда она будет не в ладах с более отдаленной. Этот феномен убывающей солидарности, с точки зрения антропологов и социологов, свидетельствует о том, что данная общность находится на самом раннем этапе политогенеза и к структурированию в племя еще не созрела. Убедительным доказательством именно этого как раз и является распад ее на первоначальные составляющие после ликвидации внешней угрозы и исчезновения импульса, способного консолидировать всю общность.

Можно предположить, что социэтнические общности подобного типа в далеком неолитическом прошлом преобладали и более того — были нормой. При этом постепенно растущая внешняя угроза со стороны либо кочевников, готовых безжалостно разрушить земледельческое хозяйство, вновь превращая бывших земледельцев из производителей в потребителей, либо, скажем, преуспевших соседей, которые сумели в процессе развития обогнать общности, основанные на принципе механической солидарности, вела к расширению зоны социального напряжения. Мало того, она представляла опасность для едва нормализовавшегося баланса на планете. И этим следует объяснять то обстоятельство, что в подобной крайне неустойчивой обстановке, когда проблема движения в сторону дальнейшей эволюции мыслящих людей далеко еще не была решена, новый вызов со стороны Природы оказался уместным и даже необходимым. Более того, внешнее воздействие совпадало по своей направленности с процессом, который диктовался внутренними потребностями раз-

раставшихся социоэтнических общностей, спаянных пока лишь уходящими корнями в прошлое принципами механической солидарности. Это были односторонние импульсы, чье воздействие от совмещения векторов могло лишь возрастать.

В любом случае для дальнейшего движения по пути поступательной эволюции от общностей прежнего рыхлого типа требовалась большая и вполне осознанная работа. Работа, направленная на формирование много более серьезной и хорошо организованной крепкой сплоченности, связанной с заново возникавшей политической общностью, внутренне спаянной новыми нормами существования. Или, другими словами, все земледельцы неолита объективно нуждались в политогенезе и субъективно были к этому готовы. Проблема заключалась лишь в том, как реализовать то, что для наиболее продвинутых становилось необходимым.

Формы политогенеза и первичность власти

Итак, политогенез — как и кардинальное переустройство в системе ведения хозяйства, т.е. переход к производящей экономике, — был вызван к жизни внутренними потребностями, а также воздействием на разные социоэтнические общества извне, со стороны среды, т.е. все той же Природы. Более того, роль осознававшихся человечеством потребностей, вкупе с ощущением необходимости дать ответ на внешние импульсы по мере повышения интеллектуального уровня принимавшей соответствующие решения социальной элиты на описываемом этапе политогенеза заметно возрастала. Естественно, что при этом исследование процесса эволюции несколько усложняется. Усложняется не только из-за того, что в новой ситуации некоторые из тех общностей, что не смогли дать не только адекватный, но и вообще какой-либо ответ на вызов Природы, продолжали как-то существовать и дожили, пусть в небольшом количестве, до наших дней¹. Усложнение оказывается результатом того, что процесс шел неодинаково и в немалой степени зависел от наличия либо отсутствия тех преимуществ — бонусов, — которыми обладали разные общности.

Таким образом, был вызов со стороны внешней среды, обращенный к коллективам людей, уже в какой-то мере готовых к реализации процесса полито-

¹ Произошло это — как и в случае с социогенезом и производящей экономикой, причем по сравнению с ними в возрастающем размере, — из-за того, что, как о том уже шла речь, сапиентные люди с каждым очередным вызовом со стороны Природы во все большей степени учились приспосабливаться к изменявшейся обстановке. И хотя закон баланса отнюдь не прекращал действовать, сфера его функционирования в какой-то мере сокращалась. Разум людей становился соперником бесстрастного регулирования. Впрочем, применительно к описываемому времени соперничество еще было едва заметным. И все-таки оно уже возникало, что следует иметь в виду.

генеза, но какими могли быть и были зависевшие в основном от объективно сложившейся ситуации конкретные формы ответа? Следует сразу же сказать, что число их более чем ограничено, хотя, на первый взгляд, в силу многочисленности и разнообразия общностей, оказавшихся перед необходимостью дать ответ на вызов, количество вариантов такого ответа может показаться неисчислимым. На деле это не так. Суть процесса в конечном счете сводится лишь к трем (включая античность) основным формам. Обратимся к их описанию и оценке.

Эгалитаризм, как система первобытного равенства в ранних обществах, постепенно трансформировался, как было упомянуто, в стратифицированную иерархическую систему, хорошо знакомую с социальным неравенством, от которого лишь шаг к неравенству политическому. Но этот шаг был сложным и, главное, никак не соответствовал хорошо известному у нас марксистскому тезису о первичности производства и возникновении частной собственности с разделением ранних обществ на «классы», ради господства одного из которых будто бы только и возникло государство. Современная наука убедительно доказывает, что процесс политогенеза был инициирован отнюдь не мифической «борьбой классов» — он был запущен в результате благоприятного стечения ряда важных обстоятельств. Причем, что очень важно не забывать, происходило это *задолго до появления представлений о собственности вообще и частной собственности в особенности.*

Но коль скоро было именно так, возникает немаловажный вопрос: почему это происходило? Конечно, свою роль сыграло то, что разраставшиеся социумы были уже в состоянии консолидироваться и выдвигать умелого лидера в случае грозившей им опасности. Внутренний импульс к процессу политогенеза был обусловлен разумом людей, заставлявшим их действовать так, а не иначе. Однако, при всей мистике, связанной с проблемой высшего вызова, именно он был, во всяком случае по мнению автора, движущей силой эволюции всего сущего. И он делал свое дело. Политогенез во всех его формах был в конечном счете ответом именно на этот вызов, причем с учетом его бонусов. В противном случае этот процесс не был бы столь объемным, результативным и практически всеобщим. Что-то же — если не частная собственность — влияло на политогенез!

Разумная и хорошо в социальном плане организованная часть населения планеты начинала испытывать жгучую и частично осознаваемую потребность найти формы более прочной, надежной, обладающей административной и военной мощью организации. Организации прежде всего политической. И ответом на этот вызов — реализацией вынужденной и осознанной потребности — стали основные известные науке *формы самоорганизации разраставшихся и усложнявшихся общностей, являвших собой первоначально рыхлую сумму родственных общин.* Общности этого усложнявшегося типа уже находились на

границы политогенеза. Но в них, незнакомых еще с институтом племен и племенных вождей, возникновение временных и по традиции, как правило, выборных надобщинных лидеров означало прежде всего движение к *трибализации* с последующим превращением в племена во главе с вождями. Именно это и было, насколько можно судить, первой, *наиболее ранней и самой примитивной формой политогенеза*.

Трибализация сводилась к появлению в неумолимо разраставшемся надобщинном коллективе теперь уже постоянно функционирующего лидера, племенного вождя. Как убедительно показал американский антрополог М. Фрид, *без вождя не бывает, не может быть племени*. А без племени, т.е. без успешно завершившейся трибализации с появлением вождя, не мог быть реализован элементарный первичный политогенез¹. Возникновение племен было в определенный момент велением времени. Неудивительно, что этот процесс, как можно предполагать, со временем осуществлялся наподобие цепной реакции. Он и не мог быть иным, потому что оформление племен у одних общностей являлось реакцией на аналогичный процесс у других, особенно близких соседей. Ускоренная трибализация становилась тогда естественной и даже само собой разумеющейся. Она была очень ранней и простой формой ответа на вызов.

На начальных стадиях политогенеза преобладали племенные протогосударства. Возможно, некоторые из них, возникавшие в результате трибализации, не сразу оказывали воздействие на соседей, которые долго еще могли продолжать жить в привычных условиях и — пока не срабатывал импульс, связанный с угрозой извне, — не заботиться о создании собственного племенного протогосударства. Но по мере усиления воздействия на них таких импульсов от соседних племен, особенно тех, что возглавлялись амбициозными вождями, равно как и от воинственных кочевников, все те, кто еще только находился в процессе трибализации, должны были принимать меры, и в частности спланировать вокруг харизматического лидера. Именно в этом проявлялся цепной характер реакции и именно это было в конечном счете ответом на внешний вызов.

Правда, едва ли такой ответ следует считать полностью адекватным, хотя в тех условиях и на том этапе политогенеза, особенно на первых его порах, ничего иного и быть не могло. Но в любом случае важно обратить внимание на то, что возникавшие племена, т.е. трибализованные общности, появившиеся в результате первичного элементарного политогенеза, *не имели внутренних потенций для эволюции*. Почему?

Прежде чем ответить, еще раз обратим пристальное внимание на то, что процесс трибализации и возникновения ранних племенных протогосударств

¹ Подробнее см.: Morton H. Fried. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N. Y., 1967. P. 153–174.

ственных образований уходит в эпоху неолита. Его можно считать хоть и стимулированным опасностью со стороны внешних врагов, но пока еще чем-то производным от внутреннего спонтанного развития (вспомним о превращавшихся в племена и даже, возможно, в союзы племен нигерийских общностях у Дюркгейма). В этих условиях процесс как бы застревал на давно уже известном этапе консолидации. Что из этого следует? То, что пока не происходило ничего принципиально нового. В это время, конечно, очень сильно укрепилась прежде рыхлая общность, что было важным шагом в сторону политогенеза. Можно сказать и определенной: в лице складывавшегося и тем более сложившегося племени мы уже встречаемся с протогосударством. Но все-таки именно с *прото-* (еще не так давно специалисты в таких случаях говорили о феномене *чифдом*, *chiefdom*, т.е. о чем-то вроде своеобразного «вождества», явно имея в виду неадекватность его государству), не более того. Самой ранней модификацией племенного протогосударства-чифдом стоит считать и те случаи, когда в результате соперничества ряда общинных старейшин какой-либо социоэтнической общности брал верх один из них, обладавший амбициями сильнейший, подчинявший остальных. Примеры такого рода фиксируются применительно к недавнему времени некоторыми антропологами на примере ситуации на островах Океании. Возможно, в неолитическом прошлом подобные ситуации встречались чаще и в разных местах.

Как бы то ни было, это значит, что племя, племенное протогосударство еще не государство в полном смысле этого слова. Разумеется, это шаг к государству, большой шаг вперед. Но одного такого шага недостаточно. А прямым свидетельством этого следует считать тот несомненный факт, что в племени, в племенном протогосударстве нет аппарата администрации, чем оно сходно с общинной деревней, лишь несколько более крупной и структурно усложненной. И именно поэтому в племенных протогосударствах, с которыми антропологи постоянно встречаются и сегодня, от индейцев Северной Америки до маорийцев Новой Зеландии, не говоря уже о народах иных континентов и многих архипелагов Океании, нет видимых потенций для эволюции. *Без влияния извне сделать очередной шаг вперед по пути к государству в полном смысле этого слова они не в состоянии.*

Нечто подобное характерно и для кочевников, социоэтнические общности которых, даже разрастаясь, оставались на уровне протообщностей вроде арабо-бедуинской при пророке Мухаммеде или монгольской при выборах предводителем Чингис-хана. Вообще, говоря о кочевниках и полукочевниках, важно всегда иметь в виду, что их бытие, даже обретая заметный агрессивный акцент, вполне могло стимулироваться воздействием со стороны земледельцев, завершивших процесс трибализации. Племенное протогосударство у тех и других было одинаковым по структуре и уровню развития. Но при контактах, в принципе довольно частых, преимущества земледельческого стандарта

не могли не сказаться. И поэтому, несмотря на то что энергичная общность кочевников, подчас похожая на ватагу легких на подъем воинов, а то и просто разбойников, готовых крушить все, что попадет под руку, была очень опасна для земледельцев, это не исключало ее аккумуляции. Ведь, даже если кочевники возвращались после набегов в свои степи, они вполне могли много чего заимствовать у соседних земледельцев, включая и племенную протогосударственную структуру¹.

Если говорить о структуре племен, то есть основания считать, что на первых порах, когда трибализация стала привычной, вожди племенных структур избирались чаще всего из числа тех, кто обладал высшим престижем. При этом племенные вожди со временем, о чем свидетельствуют данные антропологов, обретали немалую, а то и очень большую степень сакральности. Однако племенные протогосударства, как самые ранние, так и более поздние, могли приобрести потенции для эволюции только под влиянием уже существовавших рядом с ними государств иного типа, возникших на основе очагов *урбанизма*. Феномен урбанизма — это вторая и много более совершенная форма политогенеза. Именно ее следует считать вполне адекватным ответом на вызов.

Изучение процесса формирования древнейших очагов городской культуры, чем ранее других специально занимался британский археолог Г. Чайлд², важно для понимания значимости феномена *завершенного вторичного политогенеза*. Имеется в виду возникновение в условиях урбанизации городов-протогосударств (городов-государств), которые затем плавно перерастали в ранние и развитые государства. Начнем с того, что урбанизация — это появление в некоторых обществах крайне немногочисленных (в Старом Свете вначале лишь в двух регионах, явно связанных между собой, египетском и месопотамском; в Новом Свете — тоже считанных и близких друг к другу) и расположенных в максимально благоприятных условиях городских центров. Разумеется, сами регионы, о которых идет речь, вначале тоже были знакомы с племенными протогосударственными структурами. Но, в отличие от подавляющего большинства первичных примитивных структур такого типа, именно в этих местах сложились условия, *способствовавшие формированию потенций для эволюции в сторону возникновения городов*. И как следствие — к появлению центров урбанистической цивилизации с последующим возникновением государств.

Наиболее ранними из таких государственных образований — во всяком случае, среди зафиксированных наукой — являются упомянутые шумерские

¹ Имеются в виду кочевники, у которых до того еще не возникла собственная протогосударственная структура.

² См., в частности: Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 193 и след.

и древнеегипетские. Эти очаги древнейшей городской культуры возникли в пределах Старого Света на основе достижений неолитической революции в ходе расселения земледельцев, искавших наиболее удобные места для поселений, в которых и проходил или завершался процесс первичного их политогенеза. А появление этих очагов на карте древнего мира в качестве центров урбанистической цивилизации было новацией огромного значения. Ведь шумеры, как и египтяне, не случайно первыми появились в долинах великих рек, где после приведения в порядок прибрежной полосы оказалось возможным вести интенсивное земледельческое хозяйство, пригодное для существования на компактной территории достаточно многочисленного населения.

Конечно, очень трудно в деталях проследить, как именно и почему на рубеже IV—III тыс. до н. э. в долинах Нила, Тигра и Евфрата возникли первые городские центры. Сыграли свою роль, несомненно, предельно благоприятные условия среды и связанные с этим плотность населения, компактность территории поселков и уровень хозяйственного развития, а также постоянный приток новых мигрантов, что создавало полезный для ускоренной и полноценной эволюции эффект этнического смешения населения. Имело значение и максимально возможное для того времени развитие техники и технологии, и идейные импульсы, связанные с религиозным осмыслением величия обожествленных сверхъестественных сил. Быть может, оказали свое воздействие также некоторые иные важные факторы. Но, как бы то ни было, именно здесь возникли первые из известных истории большие поселения, города, элементы урбанизма в которых прежде всего обретали облик не виданных до того возведенных с применением камня огромных, порой даже многоэтажных храмовых комплексов, иногда — погребальных строений типа пирамид, призванных увековечить правителей, о сакральном статусе которых уже упоминалось.

Подобные комплексы принципиально отличались от прежних строений, помимо всего прочего, тем, что создавались прежде всего *для возвеличения могущественных божеств-покровителей, защитников урбанистического очага*. Город с храмом как основной своей частью являл собой крупное сооружение. Помимо этой основной части, с весьма обширными помещениями, предназначенными для обрядово-культурных действий, а также с разными храмовыми святилищами, в нем существовало множество других помещений, пристроенных к основному. Это были жилища жрецов, воинов, ремесленников, разного рода служащих, в том числе торговцев-тамкаров, даже слуг и рабов из числа пленников, а также многочисленные постройки явно технического характера. Среди них обширные продовольственные и иные склады, амбары, ремесленные мастерские, арсеналы и многое другое. К храмовому комплексу лепились и небольшие жилища тех, кто призван был обсуживать земли храма. В целом

именно этот гигантский и столь непохожий на деревенские хижины комплекс являл собой город, пока еще, как правило, не обрамленный стеной.

Каждый урбанистический очаг был центром небольшой сельской округи, где проживало тяготевшее к нему окрестное население, воспринимавшее главу комплекса скорее как первосвященника храма, нежели как светского правителя. Стоит, однако, подчеркнуть, что главой был уже не патриарх семейно-клановой группы или старейшина общины, даже не вождь племени и предводитель племенного протогосударства, но именно обладавший мощной сакральной аурой *первосвященник — правитель города-государства*. Он в представлении коллектива урбанистического протогосударства — в отличие от племенного — находился, в соответствии с его общепризнанным статусом, как бы посередине, между обычным профанным миром и величественным миром потустороннего. Там, вне земной среды, жили покровительствовавшие данному обществу божества или хотя бы одно из них. *Величие первосвященника-правителя и могущество покровительствовавших ему божеств были той очень важной гранью, которая весомо отделяла город от окружающих его общинных деревень*. И неудивительно, даже более чем понятно, что за это сакральное величие, служившее выражением могущества божеств и правителя, а также всей военной и опиравшейся на религию духовной силы урбанистического города-государства, очага возникающей цивилизации, земледельцы-общинники с готовностью платили. Платили как частью производившегося продукта (избыточным продуктом, о котором уже упоминалось), так и отработками на строительстве очередного престижного сооружения.

Эти первые и наиболее древние из известных науке вторичные государственные образования урбанистического типа, очень небольшие вначале города-государства с их божествами и храмовыми комплексами, возникали обычно рядом и почти одновременно, сосуществуя, а то и соперничая друг с другом. Каждое из них, как правило, возглавляли сменявшие один другого правители-первосвященники. И разница между такими очагами урбанистической цивилизации и первичными племенными протогосударствами была для современников вполне очевидной, как и различия в потенциях тех и других.

Племена, т.е. племенные протогосударства без урбанизма — а он стоил дорого и потому мог оказаться достоянием далеко не всех и не везде, — в отличие от городов-государств оставались на уровне первичного политогенеза. Однако это не относилось, например, к тем, кто жил по соседству с центрами урбанизма. Ведь очаги цивилизации довольно быстро расширялись за счет неуклонного сокращения неолитической периферии. Это означало, что все возраставшее количество обитавших по соседству с городами-государствами ранних социоэтнических общностей, в том числе и племен, оказывалось в сфере воздействия урбанизма с его развитой инфраструктурой и впечатляющими достижениями в про-

изводстве и культуре. А оказаться в зоне такого рода политического напряжения означало приобрести постоянно действующий фактор внешнего влияния. Результатом же этого влияния могли быть как движение земледельцев в сторону урбанизма, так и набеги кочевников на города урбанистических очагов цивилизации. И потенции для вторичного урбанистического политогенеза кочевники обретали — если такое случалось, — как правило, не столько после знакомства с очагами урбанизма, сколько в результате оседания на территории, отвоеванной у земледельцев с их более или менее развитым урбанизмом (могло иметь место и завоевание кочевниками всего оседлого государства земледельцев).

Таким образом, в конечном счете перед нами пока два основных процесса и всего две формы политогенеза. Одна из них, первичная и элементарная, возникающая, скорее всего, намного раньше другой, имела отношение к социоэтническим общностям неолита. Эти общности, приходившие в движение под влиянием внешних импульсов и явственно искавшие ответ на вызов, ощущали потребность в самоорганизации. Именно это с ними и происходило в ходе трибализации. Неудивительно, что, *став протогосударствами во главе с вождями, они успешно реализовывали потребность в самоорганизации по мере представлявшейся им возможности, но в ограниченных пределах, без урбанистических излишеств.* Другая форма политогенеза, вторичная, давно уже знакомая с процессом трибализации, но при этом оказавшаяся и тесно связанной с храмовыми очагами урбанистической цивилизации, обладала нужными потенциями для ускоренной эволюции в сторону много более развитого государственного образования. Но при всем этом, очень существенном различии между двумя ранними формами политогенеза было в них нечто, что их объединяло. А именно *приоритет власти.*

Власть, которая постепенно превращалась в нечто гораздо большее, чем воля общинного лидера, была на уровне и племенного и урбанистического протогосударства *уже не только волей, но и строго фиксированным правом владения.* При этом регулярная практика централизованной редистрибуции (перераспределения) всего достояния коллектива, племени или урбанистического города-государства становилась неотъемлемым атрибутом власти. Более того, она уже на уровне племени оказывалась много более значимой функцией, нежели то было прежде свойственно патриархам семейно-клановых групп либо общинным старейшинам. *Собственности как института, что необходимо подчеркнуть, еще не существовало. Но постепенно формировавшаяся наиболее ранняя ее модификация — владение — обрела облик коллективной собственности, право распоряжаться которой, право редистрибуции, было как у вождя племени, так и у правителя города-государства.* На это очень важно обратить внимание, ибо именно приоритетом власти объясняется все то, что было связано с генеральной структурой власти-собственности, о которой теперь пойдет речь.

Объективная потребность, обращенная в форме призыва ко всем социоэтническим общностям трансформироваться с целью создания основ государственности, была сформирована и обусловлена необходимостью продолжать процесс эволюции. Не все общности это ощущали. Но те, кто воспринимал соответствующий импульс и был в состоянии ответить на него, делали это. Создание более крупных и устойчивых политических образований, которые гарантировали бы стабильность в обществе, подверженном постоянным конфликтам в связи с увеличением разраставшегося населения планеты, было *необходимостью*. Только адекватный ответ на вызов позволил бы сделать важный шаг вперед. Но каким могло быть государство в то время, когда ни понятия о собственности, ни самой собственности не существовало? В какой форме могло оно возникнуть, если эквивалентом собственности было лишь представление о владении коллектива и о праве руководителей последнего распоряжаться этим совокупным владением, равно как и всем тем, что коллектив мог еще вырастить и создать?

Ответ, в общем-то, очевиден. Как племенные протогосударства и урбанистические города-государства, так и много более поздние и развитые восточные государства, неизбежно должны были обрести облик той структуры, описание которой было разработано и введено мной¹ в научный обиход, по меньшей мере в отечественном обществоведении, под наименованием «*власть-собственность*». Речь о той самой форме владения и распоряжения коллективным достоянием, истоки которой уходили далеко в глубь веков и суть которой поэтому всем была хорошо знакома. Так что же такое *власть-собственность* как понятие?

Если *власть* — воля лидера, а право его на владение и распоряжение общим имуществом (право редистрибуции, перераспределения) возглавлявшегося им коллектива вне сомнений, ибо это право формировалось в рамках разных групп и общностей на протяжении многих тысячелетий, если она, такая *власть*, безусловна и никем никогда всерьез не оспаривалась, то понятно и даже само собой разумеется, что по мере постепенной ее институционализации *возникало представление о коллективной собственности как о более четком и оформленном совместном владении*. Иными словами, *собственность* как понятие рождалась в рамках усложнявшейся общности, во главе которой стоял вождь племени или правитель города-государства. И когда мы говорим о ней, мы должны иметь в виду именно то, чем высший субъект власти и его аппарат администрации бесконтрольно и всевластно распоряжались.

¹ См.: Л.С. Васильев, Феномен власти-собственности, — «Типы общественных отношений на Востоке в средние века», М, 1982, с. 60–99. В последующие десятилетия это понятие уточнялось и разрабатывалось в других моих публикациях.

Из этого следует вывод, что *в тандеме власти и собственности именно власть была главной. Власть была первична, а собственность — еще не частная, но коллективная — вторична.* Это, конечно, отнюдь не означает, что собственность как нечто материальное мало ценилась. Напротив, она, приняв форму не столько даже коллективной, сколько верховной, стала экономической основой власти, неотделимой от нее. Стала, по сути, функцией высшей власти. И в этом состоянии структура власти-собственности восточных государств, основы которой в ее фактически завершенном виде сложились на рубеже IV—III тыс. до н. э., практически *застыла на несколько тысячелетий.* Вскоре, однако, выяснилось, что плата за эту стабильность оказалась с точки зрения высших законов эволюции несоразмерно высокой. И функционировавший в качестве постоянного генерального регулятора со стороны Природы закон баланса вынужден был энергично вмешаться в становившуюся тупиковой ситуацию. Почему это произошло и в чем проявилось?

Государства, в которых была первична власть, оказались *eo ipso* склонны к стагнации. Стимулы для дальнейшей эволюции в них постепенно отмирали. Стагнация традиционных обществ и государств Востока (он воспринимается и будет иметься в виду как понятие не географическое, но историко-культурное, традиционное именно в социополитическом плане) означала немыслимое для продвинутой эпохи замедление процесса эволюции. Потому нет ничего удивительного в том, что примерно через два тысячелетия, т.е. в сравнительно скором времени после появления первых очагов цивилизации и урбанистических центров, принципиально новых по сравнению с прежними деревенскими общинами земледельцев, мир разумных людей оказался перед необходимостью дать ответ на очередной вызов Природы.

Целью была существенная корректировка не так уж давно сложившейся, но оставшейся, по сути, традиционной структуры, которая не отвечала задачам эволюции. Более того, грозила энтропией. *Это и был вызов модернизации.* А адекватный ответ на него появился в несколько неожиданной форме, в виде возникновения на окраине государств ближневосточного региона новой и принципиально иной, очень развитой — третьей — формы политогенеза. Имеются в виду античные полисы древних греков. *Именно античность стала зародышем той самой модернизации, апогей и, похоже, конец которой переживает все человечество в наши дни.* Собственно, об этом в основном дальше и пойдет речь. Но начать рассказ следует с того, как и почему вышло так, что, сделав, казалось бы, немыслимое, полноценных результатов — если иметь в виду модернизацию — античные греки и римляне достичь так и не смогли. Почему после их ухода с исторической арены многое началось как бы заново и, несмотря на то что именно античные новации и были адекватным ответом на вызов и стимулировали процесс энергичной протобуржуазной модерниза-

ции, ждать результатов пришлось довольно долго. Подлинная и всей планетой ощутимая *радикальная модернизация* первобытных обществ и традиционных консервативно стабильных восточных очагов цивилизации и государственности *началась только в процессе активного развития западноевропейской городской предбуржуазии* спустя почти тысячелетие после крушения Римской империи.

Собственно, именно этот немаловажный факт объясняет, почему авторская концепция, подчеркивающая это очевидное обстоятельство и в немалой мере опирающаяся именно на него, воспринимается ныне многими как новация, кое для кого, возможно, отнюдь не бесспорная. Что же мешало миру, познакомившемуся с великим комплексом античных прав и свобод, легших в основу отсутствовавших на Востоке представлений о собственности и гражданском обществе, т.е. с появившейся в результате социополитической мутации новой антично-буржуазной структурой в ее ранней антично-протобуржуазной модификации, более быстрыми темпами двигаться вперед? Что воспрепятствовало начавшейся было в античном мире модернизации? Ответ на этот вопрос потребует обстоятельного рассмотрения проблемы.

ГЛАВА 2. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО ДО РАСЦВЕТА МОДЕРНИЗАЦИИ

Причины замедления реакции на вызов модернизации в условиях, когда темпы эволюции последовательно и все заметнее вроде бы ускорялись, а от преобразований неолита до очагов урбанистической цивилизации прошло всего около пяти тысяч лет, нуждаются в особом к себе внимании. Это важно, если учесть, что процесс модернизации, уже звучно заявивший о себе в эпоху античности, затянулся затем, включая полуторатысячелетнюю ее историю, более чем на два тысячелетия. Из-за чего человечество так откровенно не горюпилось с ответом на вызов? Причины для этого были, и анализ их требует должной аргументации. А начать нужно с обращения еще раз, теперь в подробностях, к характеристике государств традиционного Востока.

Специфика всех их, не исключая и древние очаги урбанистической цивилизации Нового Света, была в том, что генеральная структура власти-собственности, если иметь в виду ее основные параметры и учитывать несомненные достоинства с точки зрения обеспечения жизнеспособности в условиях мира и спокойного существования, оказалась вполне адекватным ответом на прежний вызов. Тот самый, что требовал от конфликтующих общностей крепких организационных форм, обеспечивавших их уверенное постоянное существование и хотя бы некоторую гарантию от хаоса бесконечных конфликтов в гигантской массе возраставших и, как правило, враждебных друг другу многочисленных социоэтнических общностей. А раз адекватный ответ был сравнительно недавно все же дан и возникшие на базе очагов ранней урбанистической цивилизации государства оказались вполне прочными и, более того, склонными к сохранению статус-кво, главное дело было сделано.

Человечество в форме традиционного восточного государства нашло вполне приемлемую форму устойчиво-стабильного существования. И хотя оно не ликвидировало ни угроз опустошительных набегов со стороны кочевников, ни кровопролитных войн между самими разраставшимися и усиливавшимися древневосточными государствами, то и дело конфликтовавшими друг с другом, некоторому, пусть даже крайне замедленному развитию это не мешало. Структура власти-собственности с ее откровенным приоритетом власти и приниженностью подданных имела небольшие, но все же вполне определенные потенции для самоусовершенствования. Поэтому в серьезной корректировке со стороны закона баланса на первых порах ее существования особой нужды не было. А если какие-то проблемы в этом смысле и возникали, то благодаря разумным мерам со стороны властей с ними удавалось достаточно долгое время пусть даже кое-как, но справляться, не обращая до поры до времени внимания на все то, что, объективно вело к серьезному

конфликту с законами эволюции. Вот этому, собственно, мы теперь и уделим внимание.

Начнем с того, что разберемся, в чем была суть нового конфликта. Почему законы эволюции вступили в противоречие со сложившейся в конечном счете ситуацией с восточными государствами, для чего был сделан вызов, стимулировавший модернизацию, вызвавший к жизни феномен античности и способствовавший тому, чтобы античные идеи и институты инициировали решительное обновление принципов существования человечества, обеспечив мощный бросок его в сторону дальнейшей ускоренной эволюции.

Совокупный разум человечества, а точнее, правящей элиты развитых доантичных государств был удовлетворен достигнутым результатом. Разум людей, не стремившихся к переменам, играл уже очень заметную роль в развитии событий. Он как бы тормозил, если и не вполне осознанно, то основываясь на глубоких внутренних предпочтениях, любое стремление к ускорению эволюции. Примечательный сам по себе, этот факт свидетельствовал о возникновении своеобразного спора между стремлениями тех, кто был удовлетворен достигнутым и не желал двигаться вперед, и не слишком еще, похоже, осязаемыми вызовами Природы. И в этом противостоянии можно увидеть нечто новое во взаимоотношениях Природы с людьми.

Люди — разумеется, не все, а, повторим, в основном те, от кого многое зависело и кто отвечал за принятие важных решений, — впервые продемонстрировали склонность не внимать тому, что могло бы их — как они считали, напрасно — растревожить. Природа натолкнулась на сопротивление. Она, конечно, не остановилась и не перестала настойчиво реализовывать то, что являлось сутью и смыслом ее (как уполномоченного от Вселенной) существования, т.е. способствовать обеспечению эволюционного движения. Но сопротивление со стороны тех, кто прежде автоматически двигался в соответствии с вызовами и требованиями закона баланса, не было, разумеется, оставлено ею вообще без внимания. Во имя сохранения своего статуса Природа вынуждена была прибегнуть к чему-то новому. Это новое как раз и привело к рождению античности.

Однако, прежде чем снова приступить к разговору об этом, полезно было бы еще кое-что сказать о господствовавшей до того структуре власти-собственности. Она, как о том шла речь, долго формировалась и в качестве фундамента подавляющего большинства известных истории отнюдь не только древневосточных и вообще восточных государств просуществовала несколько тысячелетий, а в некоторых случаях, пусть без особых успехов и явно уступая новой соперничавшей с ней антично-буржуазной структуре в том, что касается как раз модернизации, дожила до наших дней. Возникнув в незапамятные времена как единственная форма взаимоотношений между управляемыми и управляемыми и приняв облик естественного права лидеров ранних социальных и социоэтнических коллективов распоряжаться совместным дос-

тоянием общества, прежняя и крайне примитивная модификация этой структуры с начала процесса политогенеза все-таки, несмотря на сильную тягу к консервативной стабильности, довольно существенно изменилась.

Во-первых, она со временем приняла более четкую и совершенную форму, существуя, о чем специально теперь пойдет речь, в двух основных вариантах — традиционном и раздробленно-феодальном. Во-вторых, со временем, далеко не сразу, но обогатилась за счет появления новых модификаций, включая ту, что сочеталась с искусственным подавлением возникавшей частной собственности, что впервые с наибольшей полнотой было реализовано большевиками в нашей стране. И в-третьих, что наиболее существенно, она не то чтобы оказалась вообще несовместимой с модернизацией, но никогда не стремилась — по крайней мере, самостоятельно, без энергичного воздействия извне — к восприятию модернизации в ее наиболее полном варианте, который на самом деле является единственно пригодным для серьезного движения вперед, для максимально возможных достижений. Так было начиная с эпохи колонизации и вплоть до сегодняшнего дня, за редчайшими, быть может, исключениями вроде, скажем, современной Японии, южной части Кореи, Тайваня и Сингапура.

Поэтому, обобщая сказанное, обратим пристальное внимание на специфику и органические пороки структуры власти-собственности, не забывая в то же время о необычайной ее живучести, о глобальности и фактически вневременном ее характере. Она была неизменной нормой в тех государствах, как очень ранних, так и вполне развитых, включая империи, которые не принадлежали к греко-римскому античному миру (об эллинизме следует говорить особо) и не успели превратиться в сколько-нибудь развитые буржуазные государства. На это следует обратить особое внимание хотя бы потому, что противодействие старой структуры новой вплоть до сегодняшнего дня играет очень существенную роль в жизни человечества. А для начала вспомним о наиболее важных ее характеристиках во всех известных вариантах и многочисленных модификациях.

Истоки структуры власти-собственности и ее трансформация

Существеннейшей характеристикой структуры власти-собственности в ее наиболее примитивной модификации, о чем уже шла речь, было незывлемое право старейшины (совета общины), как и патриархов в пределах их семейно-клановых групп, постоянно и разумно распоряжаться достоянием коллектива, который они возглавляли. Очень важно заметить, что это обычное право в древние времена отнюдь не сводилось к элементарному присвоению субъектами власти упомянутого достояния. Совсем напротив, оно проявлялось и в

спорадических щедрых раздачах имущества в виде праздничных либо страховых (в случае неурожая и иных невзгод) угощений, дарений и оказывалось главным способом необходимой постоянной реабилитации высокого престижа власть имущих (страховым фондом обычно ведали руководители общин). Разумеется, это не означает, что ничего из коллективного достояния не оставалось в их личном распоряжении и не способствовало их выделению среди других. Но существенно, что статус руководителя был дорог всем, а участие в его поддержании на высоком уровне *было вполне естественным, искренним и сакрально обусловленным общим делом и в конечном счете служило возвеличению коллектива в целом*. Ведь, к примеру, строения, принадлежавшие главе земледельческой общины, на складах которого хранился и страховой фонд коллектива, олицетворяли — еще до возникновения примитивных форм государства — уровень процветания всего деревенского поселения и служили своего рода его коллективной визитной карточкой.

С течением времени все упомянутые и многие иные преимущества, будь то высоко ценившиеся знаки достоинства, подношения или бесплатное участие коллектива в строительстве, обретали устойчивый вид привычных обязательств. Глава коллектива, обычно — кроме патриарха семейно-клановой группы — избиравшийся, пусть даже не всегда и не везде, из распределителя совокупного достояния и тем более избыточного продукта общины превращался в субъекта власти, чьи решения и распоряжения (власть положения), неукоснительно всеми выполнялись. При этом постепенная сакрализация главы коллектива в том раннем обществе, где сознание всегда имело религиозную основу, была чем-то само собой разумеющимся. А тот, кто оказывался во главе коллектива, обычно, как о том уже шла речь, был ее сакральным лидером в не меньшей степени, нежели субъектом власти. Иными словами, закономерное слияние власти и религиозной сакральности в одном лице со временем почти всюду происходило и по мере реализации процессов трибализации и политогенеза становилось чем-то вполне нормальным, естественным. При этом глава коллектива (нужна оговорка разве что по отношению к патриархам семейно-клановых групп) должен был щедрыми раздачами и разумными поступками регулярно реабилитировать свое право на руководство. До тех пор, пока закрепления права на власть в рамках общины и тем более племени либо урбанистического города-государства не произошло, время от времени открывавшаяся вакансия лидера, особенно в надобщинных социоэтнических коллективах наподобие тех, что были описаны Дюркгеймом на примере нигерийских племен, привлекала к себе внимание умных и способных конкурентов.

Процесс политогенеза привел к формированию на фундаменте прежних общин и рыхлых надобщинных социоэтнических общностей множества больших государств, подчас империй, которые — не затрагивая Новый Свет — бы-

ли тесно связаны с историей одного лишь Востока. Именно здесь, в странах Востока, закладывались основы государственности развитого типа, а также духовно-религиозной и интеллектуальной культуры, ключевые идеи и системы ценностей которой в разных странах существенно различались. Но, при всех очень важных отличиях в религиозно-цивилизационных традициях, генеральная структура власти-собственности повсюду была, по существу, одинаковой — различия были разве что в вариантах и конкретных модификациях. Обратимся теперь к ним.

Первый и основной — это вариант с *централизованной редистрибуцией*, суть которого сводилась к постепенному сложению инфраструктуры, включая аппарат администрации, на долю которого выпадало заботиться о шедшем из центра и определявшемся именно им распределении всего избыточного продукта и о привлечении к отработочной повинности подданных властителя. Этот вариант встречался и все еще встречается чаще всего и поэтому, в разных его модификациях, может считаться общепринятой нормой. Здесь верховный правитель при посредстве создаваемого им аппарата власти, в который включены на нижнем уровне местные управители (в частности, все старейшины общин и патриархи семейно-клановых групп), а на верхнем — в основном близкие к нему родственники и приближенные, перераспределял все достояние управляемого им государства, и прежде всего то, что стекалось в казну, амбары и склады государства в виде законных подношений или — позже — взималось с подданных в виде налогов и разного рода поборов и пошлин.

Все это распределялось в соответствии с должностью, степенью близости к правителю и ответственности каждого занятого в системе управления. Разумеется, в эту систему входили и те, кто обслуживал повышенные требования и претензии управителей, охранял коллектив от возможных противников, изготовлял все необходимое для жрецов, чиновников, воинов, ремесленников, их семей и т.д. и т.п. Следует напомнить, что простолюдины по-прежнему считались обязанными участвовать в необходимых для коллектива и его руководителей общественных работах. Обычно эта обязанность ограничивалась двумя-четырьмя неделями в году, причем преимущественно в свободное от сельскохозяйственных забот время, а содержание работников при этом обеспечивалось государством.

Вариант структуры власти-собственности с *децентрализованной редистрибуцией* встречался реже. Например, тогда, когда быстро разраставшееся, но внутренне еще слабое государственное образование, оказавшись в силу обстоятельств хозяином немалой территории, тем более с этнически разнородным населением, еще не имело сколько-нибудь отлаженного аппарата администрации со всеми его необходимыми уровнями и нужной для эффективного функционирования элементарной инфраструктурой. В таких случаях мог возникнуть феномен феодализма, хорошо изученный на примере Китая эпо-

хи Чжоу (XI–III века до н.э.)¹. Надежная система управления в таких обстоятельствах обеспечивалась наделением родственников, приближенных и заслуженных лиц, а также влиятельных соперников правителя, стоявших во главе рыхлых еще социоэтнических общностей, владениями типа феодалов. Формально эти властители, становившиеся наследственными, считались вассалами верховного правителя. Но фактически чаще всего, особенно вначале, бывало иначе, ибо в описываемых условиях жесткий контроль над вассалами был невозможен, а амбиции властителей оказывались более чем заметными.

Каждый из правителей крупных феодалов, царств или княжеств имел в чжоуском Китае собственных вассалов-*цинов*, управлявших пожалованными им уделами на правах наследственной знати. А у *цинов* были, в свою очередь, ненаследственные аристократы-*дафу*, спецификой которых было владение боевой колесницей. Эти *дафу*, своеобразные древнекитайские рыцари, составляли боевую силу царств, ведших друг с другом феодальные войны. При этом все в Поднебесной считались с формальной сакральной властью сына Неба, сидевшего в своем скромном домене и не имевшего почти никакой реальной власти. Любой хоть немного знакомый с историей легко заметит, как похожа эта система на тот классический франко-французский средневековый феодализм, который обычно наиболее старательно изучается школьниками как образец феодальной системы. Заметен, хотя и много более специфичен аналогичный вариант феодализма в богатой политическими событиями долгой древнеегипетской истории, где периоды централизованной власти перемежались так называемыми переходными периодами, длившимися по несколько столетий и сводившимися не столько к ослаблению, сколько к деградации власти центра. В процессе этой перемены власть логично перетекала в руки влиятельной знати на местах, прежде всего так называемых *номархов*, управителей прежних номов-провинций, которые вели себя как те же древнекитайские феодалы, разве что их подчиненные не обретали статуса вассалов, тем более рыцарей.

Особо стоит сказать в этой связи об Индии. После прихода в долину Ганга полукочевой общности индоариев процесс политогенеза затянулся на довольно длительное время, сохраняя свой изначальный неопределенно-рыхлый облик. Причиной этого была социальная структура общности индоариев, которые еще до появления в Индии в середине II тыс. до н.э. четко подразделялись на три социальных слоя-сословия, *варны*, которые, как правило, друг с другом не смешивались. Стоит напомнить, что это были две *варны* привилегированных воинов-*кшатриев* и жрецов-*брахманов*, тогда как все остальные, народ,

¹ Подробней см.: Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1–3. М.: Восточная литература, 1995, 2000, 2006.

входили в состав третьей варны, *вайшья*. Все три арийские варны считали себя «дважды рожденными» и противостояли местному населению, вообще всем тем, кто в их число по рождению не входил. Эти прочие со временем образовали четвертую и самую низшую варну шудр. Иными словами, начальный период сложения протогосударственной структуры у индоариев был не вполне обычен. Он не вел к возникновению сакрализованного правителя, но подразделял общность на три (затем четыре) социополитически неравноценные категории. Две высшие были призваны выполнять функции аппарата власти, остальные находились как бы под их управлением.

В итоге в Индии сложилась уникальная в своем роде ситуация, по отношению к которой трудно определить, возникло ли уже государство и стало ли оно прочно над обществом или само общество лишь разделилось на две части, управителей и управляемых. К числу первых относились не только те, кто думал и молился богам за остальных — это было во всех ранних очагах урбанистической цивилизации с их храмовыми центрами, — но и те, кто брал на себя функции воевать с врагами и управлять своими. И все это без общепринятых сакрализованных правителей, о которых нет упоминаний на протяжении долгих веков. Только где-то в первой половине I тыс. до н.э. и особенно с VI столетия до н.э. появились первые государства, правители которых — насколько о них что-либо известно — часто были из шудр, т.е. не из числа общности индоариев. Трактат «Артхашастра» дает некоторые основания для предположений о том, что древнеиндийские государственные образования возникали в результате довольно мирной интеграции разросшихся коллективов. Во главе их поэтому могли оказываться лидеры неарийского происхождения, каким был, например, в III веке до н.э. Чандрагупта, основатель династии и государства Маурьев, крупнейшего для той эпохи. Если резюмировать, то в Индии процесс политогенеза соответствовал складыванию структуры власти-собственности при очень слабой власти центра с отсутствовавшим долгое время верховным правителем и с постепенной институционализацией этой структуры с ее вначале, в эпоху Маурьев, а быть может, и несколько раньше, не очень заметной централизованной редистрибуцией.

Это обстоятельство сыграло свою роль в появлении в Индии системы княжеств, в чем-то близких к наследственным владениям феодального типа в рамках децентрализованной редистрибуции, но с существенной спецификой, которая стала особенно заметной много позже, после превращения страны в империю исламских верховных правителей. Во всяком случае, полноценной по ряду параметров феодальной системой, типа древнекитайской или древнеегипетской, Индия с ее княжествами так и не стала хотя бы потому, что эти княжества всегда бок о бок сосуществовали с территориями, находившимися под эффективной властью центра, и были лишь своеобразной модификацией тех же и, по сути, почти так же (разница чаще всего была лишь в наличии или

отсутствии права наследования) подчиненных верховному правителю территорий. Ни феодальных междоусобиц, ни иерархии, ни иных институтов, характерных для достаточно развитой системы феодализма в чжоуском Китае или в средневековой Европе, даже на Руси и в Японии времен сёгуната, в Индии не было. Все это, однако, не меняет главного, а именно существования или, что здесь случалось чаще, сосуществования двух основных модификаций структуры власти-собственности.

Важно учесть, что феодальный вариант структуры власти-собственности по сравнению с тем, что опирался на принцип централизации, был менее долговечным и обычно исчерпывал себя по мере существенного изменения внутрисполитической ситуации. В Китае уже в эпоху империи, т.е. с III века до н.э., от него почти ничего не осталось, хотя связанный с ним процесс дефеодализации, бывший результатом усиления центральной власти и создания необходимых для этого инфраструктуры и обширного аппарата чиновной бюрократии, потребовал еще одного-двух столетий. В древнеегипетской истории переходные периоды были все-таки лишь эпизодическими переходами от одного долгого периода крепкой централизованной власти к другому такому же. В Индии — ситуация, сходная с египетской. Особо можно говорить об упомянутых мимоходом средневековой Японии с ее князьями, чем-то похожими на индийских, и о Руси, но в конечном счете и в Японии, и на Руси бесспорный верх взял централизованный вариант структуры власти-собственности. Впрочем, оба варианта государств, основанных на принципе власти-собственности, были проявлением одной и той же генеральной структуры. Эта структура, что крайне важно отметить, задерживала развитие частной собственности, появившейся много позже, и потому была в состоянии строго ее контролировать и, по существу, оскотить. А это способствовало очень заметному замедлению темпов эволюции общества восточного типа и безусловному господству всегда высоко ценившейся на Востоке консервативной стабильности.

Правители и подданные на Востоке

Анализ проблем политогенеза и вариантов социополитической структуры власти-собственности исподволь подводит к важному и более общему вопросу о том, что же такое государство и для чего конкретно оно было, остается и всегда будет необходимо. Конечно, прежде всего смысл его появления заключался в том, что чрезмерно разросшееся общество нуждалось в определенных и со временем строго фиксированных нормах регулирования, обеспечения порядка и избежания ситуации хаоса. Собственно, к этому сводился и смысл вызова, стимулировавшего разраставшееся человечество, коллективы которо-

го являли собой мелкие рыхлые общности, к более жесткой политической интеграции. Ответом на этот вызов стали как племенные протогосударства, так и первые очаги ближневосточной урбанистической цивилизации, на основе которых с III тыс. до н.э. начали формироваться более или менее крупные государства, затем и империи. Для всех таких возникавших государственных образований была характерна практика конвертации существовавшего тысячелетиями обычного права в некую, вначале еще очень примитивную систему законодательства, обычно выглядевшую как сумма формальных административных регламентов. Это означало рождение чего-то наподобие того общественного договора, о котором в свое время много писали просветители XVIII столетия, особенно Ж.Ж. Руссо.

Суть договора в том, что общество вполне осознанно делилось на две неравные части. Одна из них, заведомо меньшая, брала на себя — не всегда, но часто, с общего согласия — функции по управлению коллективом в целом. Другая, численно неизмеримо большая, была призвана всегда подчиняться первой. *Речь, снова подчеркнем это, идет о делении общества на управителей и управляемых.* В принципе, такое членение не может считаться чем-то необычным. Отношения в локальных группах бродячих охотников и собирателей и в семейно-клановых коллективах неолитических земледельцев строились именно на том, что лидер локальной группы, патриарх клана и тем более избираемый старейшина общины с общего согласия концентрировали в своих руках всю власть над теми, кто находился в их подчинении. Это была власть тех же управителей, хотя тогда она не вела к материальному процветанию власть имущих. Лидеры локальной группы не имели никаких привилегий, если не считать права на нескольких женщин. Совокупный и даже избыточный продукт, который производился семейным кланом, управлявшимся патриархом, как и продукт общины, находившейся под властью старейшины, а то и совета старших, никогда не принадлежал именно им, не был их владением. Никакой собственности, тем более частной, как института в те времена не существовало. Но практически именно они, эти главы коллективов — каждый, разумеется, в пределах своих полномочий, — получали право распоряжаться общим достоянием.

Вот с этого и берут свое начало важнейшие институты возникающего государства, имеющие отношение к функциям управителей, прежде всего принцип власти-собственности и редистрибуция, централизованная и децентрализованная. Однако, несмотря на несомненное генетическое сходство, общественный договор, о котором только что упоминалось, был определенной и весьма значимой новацией, которая проявлялась в его жесткости и непререкаемой строго фиксированной определенности. Только в первом и наиболее распространенном первобытно-восточном и приходившем ему на смену более совершенном традиционно-восточном варианте

система организации власти была проще, так как администраторы во главе с правителем управляли, стараясь по традиции заботиться о благе и безопасности всех своих подданных, за что получали обусловленные сложившейся нормой подношения, соответствовавшие их квалифицированному и ответственному труду. Эта часть коллективного достояния со временем обретала тенденцию к непропорциональному возрастанию, что вело к постоянному возвышению всех причастных к государственной администрации над остальными, включая, что особенно важно учесть, появившихся со временем частных собственников.

При втором варианте структуры, с децентрализованной редистрибуцией, положение могло быть много более сложным и запутанным. Некоторые вассалы подчас становились сильнее сюзерена и даже воевали с ним, и к этой парадоксальной политической ситуации не оставались безразличными подданные. Кроме того, какие-нибудь незадачливые феодалы погибали в междоусобных войнах, а их подданные после этого присоединялись вместе со своими землями к владениям победителя. Но при всем этом суть взаимоотношений в рамках формировавшегося большого общества оставалась неизменной: подданные всегда оставались подданными, т.е. людьми, находившимися практически в полной зависимости либо от правителя и представителей его централизованной администрации, либо от его верного или бунтующего вассала. К слову, когда крупные восточного типа государства, о которых пока прежде всего идет речь, разваливались в силу различных обстоятельств на части, главы оказавшихся независимыми частей в условиях слабости центра могли автоматически становиться всевластными правителями заново созданных небольших государств. И при этом ничто во взаимоотношениях подданных с властью не менялось.

Особо стоит сказать в связи со всем этим о частных собственниках. Частная собственность на Востоке вместе с рыночными связями и всей системой товарно-денежных отношений появлялась везде на определенном этапе развития общества и государства. Но так как она в любом случае возникала и тем более укреплялась намного позже того, как в этих обществах и государствах складывались институты власти-собственности и редистрибуции, статус ее был не просто необычайно низким, но сознательно принижаемым властью. И для этого был серьезный резон. Ведь разбогатевший частный собственник клал в свой карман какую-то часть избыточного продукта, который до того целиком шел в казну и использовался для утоления все возраставших appetитов аппарата власти. Неудивительно, что собственников, не связанных с властью, т.е. появившихся из числа подданных, обычных простолюдинов, начальство не только не жаловало и не привечало, но напротив, всячески притесняло и облагало налогами. Подчас дело доходило до вымогательства, произвола администраторов и даже при случае до полной экспроприации собственности. И, как

правило, не было никакого строгого закона, который бы всему этому препятствовал.

Не любили богатеи и их соседи. Только родня и наемная стража могли защитить их, да и то не всегда, не в годы голода либо экономического кризиса, смены власти и прочих потрясений, когда грабили и жгли прежде всего богатых, т.е. чиновников и частных собственников. Но, как то ни покажется на первый взгляд парадоксальным, именно это существенное обстоятельство побуждало собственников не только не выступать открыто за свои права, но, напротив, стремиться к тому, чтобы существующий статус-кво не менялся. Ситуацию такого рода очень важно учитывать, чтобы понимать, почему немалые *средства, сосредоточившиеся в руках частных собственников на Востоке* (в городах средневековой Европы дело обстояло совсем иначе), *оказывались оскопленными, т.е. лишенными потенций для превращения в буржуазный капитал.*

Словом, древневосточный мир, развивавшийся ранее и быстрее других регионов планеты и первым достигший уровня возникновения очагов урбанистической цивилизации и государственности, обладавший потенциями для развития, выстроил свою жесткую схему существования общества и власти. Опираясь на древние традиции, эта схема выдвинула на передний план принцип господства причастных к власти, которые в подавляющем большинстве случаев довольно быстро и без особого сопротивления со стороны бесправных подданных (системы права возникли позже и отражали, как упоминалось, в основном интересы государства, все тех же управителей) полностью подчиняли себе общество. Государство с его аппаратом администрации в одном варианте или правитель с его вассалами в другом абсолютно доминировали, стояли высоко над обществом.

Таким образом, основным содержанием традиционной восточной структуры, обусловленной господством власти-собственности и присущей ей реди-стрибуции, был безусловный приоритет государства перед социумом. А этот социум, общество восточного типа по сравнению с властью обычно представляли в виде безликой массы, почти никак не дифференцированной ни по роду занятий, ни по уровню достатка. Конечно, на самом деле подданные делились на страты, имели различное по стоимости имущество и даже порой признаваемую законом неравную правоспособность, связанную с разницей в происхождении и юридическом статусе. Но и это было далеко не везде. В целом же социумы Востока, причем отнюдь не только в древности, *это коллективы бесправных или имевших очень ограниченные права подданных, полностью подчиненных власти.* Понятия «свобода» и «право» им были неизвестны, чужды и непонятны (зачастую продолжают таковыми оставаться и в наши дни). И так продолжалось до тех пор, пока не возникла принципиально новая форма организации общества и государства.

Общество и власть в античном мире

Из всего изложенного легко понять, почему правящая элита, концентрировавшая в своих руках все рычаги власти, была столь заинтересована в сохранении статус-кво. Для нее сохранение консервативной стабильности было делом жизни и смерти, так что нет ничего удивительного в том, что импульсы, которые объективно стимулировали модернизацию исторически сложившихся форм ведения хозяйства и принципов организации общества и государства, встречали с ее стороны вполне мотивированное сопротивление. Это, быть может, не до конца осознанное, но стойкое сопротивление объективно давало понять Природе, что ее требования неприемлемы, что правящей элите, в число которой входили и креативные личности того времени, даже выдающиеся интеллектуалы, перемены не нужны. Конечно, это касалось не любых перемен. В духовно-интеллектуальной, религиозно-цивилизационной сфере они могли иметь место и происходили. Возникали новые доктрины, которые воспринимались обществом, подчас влекли за собой радикальную смену элит, но при существенном условии: новое не должно было всерьез затрагивать ни социополитических, ни экономических основ сложившейся вполне жизнеспособной, хотя и не слишком пригодной для эволюции, тем более для модернизации структуры.

Это каким-то образом, похоже, было принято к сведению. Но хотя Природа — не устанем повторять — не мыслит, она всегда стоит на страже объективных интересов глобального процесса эволюции. И потому объективные ее интересы побуждали ее как-то реагировать на происходящее на планете с целью все-таки стимулировать необходимое движение вперед не тем, так иным способом. На сей раз, в процессе жесткого противостояния, обходным путем стало рождение новой структуры на обочине старой. Объективная озабоченность Природы оказалась связанной с генезисом античности, которая, как *третья форма политогенеза*, была вызвана к жизни необходимостью корректировки ситуации, сложившейся на Востоке после возникновения и укрепления там государств, основанных на структуре власти-собственности. В итоге откровенное нежелание Востока дать адекватный ответ на вызов модернизации привело к тому, что его дали маргинальные общности, которые не подвергались сильному и длительному воздействию со стороны старой структуры и не могли поэтому были заинтересованы в сохранении статус-кво. Именно такие общности стали фундаментом для нового и жизненно важного для человечества эксперимента Природы. В чем это выразилось и к чему свелось?

Начнем с того, что античный мир возник как-то очень неожиданно и в крайне неясной ситуации. Как говорится, ничто не предвещало... Феномен античности если и не родился, как богиня, из морской пены, то, во всяком случае, возник в результате не раз уже упоминавшейся социополитической

мутации. Ранние древнегреческие предполисы очень существенно отличались от прочих полупервобытных общин, состоявших из семейно-клановых коллективов во главе с патриархами, которые выбирали старейшин из числа наиболее зажиточных людей. Вообще-то, общины в древнегреческом мире на рубеже III—II тыс до н.э. были, как существовали в них и старшие типа старейшин, *басилеи*. Были крепкие родовые связи, роды-*филы* и их части, братства-*фратрии*. Патрилинейные роды, как и семейно-клановые группы, могли быть более или менее богатыми и известными. Они могли конкурировать, даже враждовать друг с другом. Но в случае внешней опасности — в этом явное сходство с поведением общностей африканско-нигерийского типа — все жители общины-предполиса, похоже, сплачивались, собирались воедино.

Общинная земля, как уже упоминалось, делилась на земельные наделы, *клеры*. В предполисах, стоит напомнить, жили и богатые общинники, *поликлерой*, обладавшие несколькими средними наделами, и владельцы одного клера, и даже *аклерой*, т.е. безземельные, батраки или арендаторы. Были знатные, *басилеи*, чей род обычно восходил к древности, и рядовые. Все они оставались связанными между собой принадлежностью к роду и к общине. В этих общностях сохранялась широко распространенная на сходном уровне развития практика избрания руководителей типа общинных старейшин и, быть может, даже членов совета старших в тех же общинах. Но вот о выборах патриархами старейшин сведений нет. Неясно и то, насколько крупными были семейно-клановые коллективы, если они — имеются в виду именно крупные — вообще существовали. То, что известно, свидетельствует о большой роли народных собраний, когда в выборах участвовали все взрослые мужчины. Это не стоит считать обязательно исключением (такое могло существовать и в других общинах древности, особенно первобытных), но большая роль народных собраний являет собой знаменательный факт, который стоит иметь в виду.

Возник древнегреческий полис в специфических условиях крушения критского и микенского очагов, которые были периферийно-восточными ответвлениями урбанистической цивилизации с ее храмовой основой. Эти сравнительно ранние по характеру очаги земледельческого населения греков-ахейцев в иных обстоятельствах, вполне возможно, могли бы трансформироваться в нечто очень близкое к древнему ближневосточному стандарту. Но ничего такого не произошло. Ахейцы при не вполне ясных обстоятельствах (существуют предположения о катастрофе, погубившей где-то в середине II тыс. до н.э. очаги ранней цивилизации на Крите и в Микенах) были вынуждены освободить место для пришедших с севера, скорее всего из Малой Азии, быть может, из северного Причерноморья, греков-дорийцев с их явно варварским уровнем бытия. Нашествие дорийцев привело к крушению всего того, что было создано урбанистической цивилизацией, включая городские строения и письменность. Затем последовал переходный период, исчисляемый несколькими *тем-*

ными веками (по терминологии специалистов — от тех времен почти ничего не осталось). Это и было тем, что автор считает социополитической мутацией. Вопрос в том, что стало с Элладой после темных веков. Полукочевники-дорийцы не пошли по пути создания ни привычного в таких случаях и, в принципе, заимствованного — речь об идее — у побежденных земледельцев племенного протогосударства, ни тем более нового очага, основанного на базе урбанистической цивилизации городской культуры. Они по не вполне понятным причинам (отчего это и мутация) избрали иной путь, сумев создать то, что именуется античным полисом. *Так была практически реализована третья, стадийно-самая высокая, непоставимая с первыми двумя форма политогенеза.* В чем ее суть?

Начнем с того, что дорийцы за несколько веков изменились. Восприняв от своих предшественников-ахейцев некоторые принципы жизни, как институциональные, так и культурные, они стали энергично развиваться в направлении, совсем не похожем на все то, что было где-либо и когда-либо до тех пор. Можно предположить, что уцелевшие ахейцы и адаптировавшиеся потомки дорийцев, прошедшие через длительный период аккультурации, реализовали потенции мутации, что и привело к появлению сперва предполисов, а затем и классических полисов древних греков. В итоге этого уникального по характеру и значимости процесса, ставшего ответом на вызов, возник античный полис, принципиальным отличием которого от двух других форм политогенеза стало то, что *возникновение политической структуры не было здесь результатом возвышения властных управителей*, давно привыкших господствовать над безвластными подданными. Привычные для первобытности выборы, как и созывавшиеся ради них народные собрания, не ушли быстро в прошлое, а *избиравшиеся всеми гражданами руководители* — за редкими исключениями тиранов, о которых, имея в виду их реальный статус и возможности в мире античных полисов, нужно говорить особо, — не становились, не стремились и, во всяком случае, *не могли стать пожизненными и наследственными управителями.*

В древнегреческих предполисах и особенно в полисах управляли гражданами — не правили подданными! — те, кого для этого выбирали. Выбирали — если не считать захватывавших власть тиранов, что бывало не часто, — на определенный, небольшой срок. Вообще же, дело в том, что *выборность как институт* неожиданно вышла на передний план. И именно этот вроде бы очень хорошо известный с глубокой первобытной древности незамысловатый институт сыграл первостепенную, решающую роль в возникновении того, что ныне привычно именуют демократией. Демократия — правление *демоса*, народа, полноправных граждан — родилась, в отличие от практики первобытных избраний, именно в предполисах, а развивалась и совершенствовалась в полисах античной Эллады. К слову, произошло это как раз потому, что выборы и избрание с последующей отчетностью избранных — *магистратов* — пе-

ред избиравшими их гражданами стали едва ли не наиболее уважаемыми институтами. По этой важной причине тираны долго у власти не удерживались. Их рано или поздно заменяли новые выборные магистраты, причем каждый избиравшийся высоко ценил эту возможность, как и тесно связанный с ней безразличный для любых и особенно древних обществ высокий престиж.

Словом, в античном полисе сложилась ситуация полной гражданской свободы, причем это свое достояние — свободу (*элефтерия*), проявлявшуюся прежде всего в ходе свободных выборов, гарантированных законами, которые эллины весьма уважали, — граждане полисов ценили выше всего. Все это, разумеется, не мешало находиться во главе складывавшихся в таких обстоятельствах полисов общинной верхушке, традиционно состоявшей из наиболее богатых и знатных членов общины, аристократов-басилеев, которые в случае нужды, имея надежное боевое снаряжение, возглавляли скромное войско полиса. Были в этом обществе западного типа и рабы, которые, впрочем, нередко переставали ими быть, переходя в статус вольноотпущенников. Были и неполноправные чужестранцы-*метеки*, не участвовавшие в выборах и прочих гражданских делах, но имевшие имущественные и экономические возможности наряду с гражданами. Но это не меняло главного: только в первобытно-переходной общности эллинов возникла принципиально новая система взаимоотношений, резко отличная от первобытно-восточной или традиционно-восточной, будь то древняя классическая или местная крито-микенская. Естественно, что вслед за тем ситуация в Элладе, а потом и во всем античном мире, более конкретно — в Риме и Римской империи, где продолжали сохраняться основные принципы и параметры общества западного типа¹, начала резко меняться.

Уже ранние полисы превратились в гражданские общества, до того никогда и нигде не существовавшие. Мало того, впервые в истории человечества граждане стали не только де-факто существующими, но и де-юре абсолютно доминирующими над избираемой ими и подотчетной им администрацией из числа упомянутых уже магистратов. Позже, в Риме, это касалось и многих иных чиновников, пусть даже назначавшихся высшими представителями власти, как избранной, во времена республики, так и превращавшейся в наследственную, хотя и с серьезными ограничениями во всем том, что касалось права наследования, в период империи. Короче, в самой системе привычных отношений между человеком и властью произошел крутой перелом. *Власть более не была, как до того всегда и везде, первичной. Первым и главным началом во всем античном обществе, вплоть до конца Западной Римской империи (в Византии дело обстояло иначе) стали граждане.*

¹ Подробней о сути обществ восточного и западного типа и переходных между ними см.: Васильев Л. С. Эволюция общества. М.: КДУ, 2011.

Получавшие власть — вначале, у эллинов, ограниченную годовым сроком, — приобретали вместе с ней только высоко ценившийся престиж. Все они — тоже новация колоссальной важности, — включая и тиранов, не могли получить от этого никаких материальных благ и преимуществ. Ничего похожего на редистрибуцию общественного достояния полисы Эллады не знали. Вообще, античное государство, как совершенно новая система управления обществом, стоявшая на службе интересов граждан, избравших своих управителей, не имело к экономике страны (это касается и Рима, включая период империи) прямого отношения. Оно лишь было обязано, опираясь на законы, принимавшиеся народным собранием, этим прообразом поздних парламентов, содействовать экономической активности граждан, как, впрочем, что стоит повторить, и чужестранцев-метеков, и даже обретавших волю рабов, обычно не имевших в полисе гражданских прав.

Эта политика сводилась к защите строго охранявшегося законом права на обладавшую разными привилегиями и гарантиями частную собственность и предпринимательство в системе открытого и всегда поощрявшегося властью рыночного хозяйства. Доходы полисов обычно состояли из добровольных пожертвований состоятельных граждан, тогда как остальные никаких налогов не платили. Позже, особенно в Риме, появились и налоги. Но и там магистраты по-прежнему чаще всего не получали вознаграждения за свой труд и, несмотря на это, делали все, что могли, дабы быть избранными, ибо это, тоже стоит повторить, считалось великой честью для каждого. Впрочем, важно не упустить из виду и то немаловажное обстоятельство, что по этой серьезной причине эллины избирали на должность, как правило, более или менее зажиточных граждан, что, впрочем, никогда и никак не вредило остальным, твердо стоявшим на страже своих гражданских прав.

Примерно с VIII столетия до н.э. в развитии античных полисов произошел существенный сдвиг. Земледельцы, не слишком много имевшие от своих владений в стране, не богатой ни хорошими землями, ни иными природными ресурсами, начали активно заниматься ремеслами и торговлей. Естественно, что в связи с этим они все более энергично требовали от власти полисов (а Греция, стоит постоянно иметь это в виду, была расчленена на множество таких небольших общин) гарантий своих собственнических и гражданских прав. Богатство и влияние обычных граждан начинали благодаря поощрявшейся и гарантировавшейся властью энергичной рыночно-предпринимательской деятельности быстро расти. А так как подавляющее большинство полисов имели выход к морю и их жители могли заниматься транзитной торговлей, это привело к тому, что демос стал претендовать на бóльшую долю влияния в рамках общин.

Противостояние большей части населения полисов аристократическому меньшинству, ускоренная кодификация норм обычного права, которые пре-

пятствовали угнетению сограждан (законы Солона и др.), а также деятельность время от времени захватывавших власть тиранов, сурово ограничивавших возможности соперничавших с ними аристократов, вели в подавляющем большинстве древнегреческих полисов к укреплению норм права и демократии. Быстрый конец периода существования тиранов, сделавших свое дело, т.е. ослабивших аристократию и усиливших позиции демоса, способствовал в конечном счете завершению процесса радикального преобразования античных общин, к тому же резко усилившихся в ходе важного для них процесса *синойкизма*, т.е. объединения групп мелких полисов в более крупные. Укрупненные полисы превратились в государства вторичного, уже урбанистического типа, имевшие необходимые потенции для очень быстрой и успешной социальной, экономической, политической, культурной и любой иной эволюции.

Смысл всех этих кратко охарактеризованных принципиальных перемен, далеко не исчерпывающих всей значимости того нового, что кардинально отличало античность, — если иметь в виду экономику и особенно развитое и не контролируемое властью рыночное хозяйство, опиравшееся на сеть необходимых для его процветания институтов и гарантий, — в конечном счете свелся к тому, что развитая частная собственность здесь возникла, вопреки прежней привычной пред- и внеантичной норме, до того, как в тех же полисах стала укрепляться власть. И благодаря этому власть, созданная гражданами-собственниками, выражала их интересы, интересы античных протобуржуа. Полисы античной Греции со временем оказались более городами, нежели общинно-деревенскими поселениями. Мало того, они становились — особенно на фоне окружавшего их традиционного Востока — именно *мировым городом*, тогда еще единственным в своем роде. Можно добавить к сказанному, что полисы, заинтересованные в получении выгод от торговли и предпринимательства, в значительной мере именно поэтому, а не только из-за перенаселенности, хотя и она сыграла свою роль, начали по примеру соседей-финикийцев быстро обрастать весьма многочисленными колониями на берегах Черного и Средиземного морей. Большое количество поселений располагалось и в Малой Азии, на западном побережье современной Турции, которое издревле было тесно связано сухопутными торговыми путями со всем Ближним Востоком.

В итоге рядом с единственной существовавшей до того структурой власти-собственности, представленной на традиционном Востоке (Новый Свет стоит оставить в покое) в двух ее основных вариантах, появилась новая, *антично-протобуржуазная структура*, главной характеристикой которой были развитые и имевшие первостепенное значение для всего населения рыночно-частнособственнические связи, равно как и переплетающаяся с ними торгово-предпринимательская активность. Энергия и инициатива, свойственные всем предпринимателям, приходили в действие под влиянием естественных стимулов, сводившихся к получению выгод, которые не только в большом количе-

стве проистекали из торговли и предпринимательства, но и ревностно, заинтересованно патронировались администрацией, чьи представители принадлежали к числу наиболее влиятельных и зажиточных граждан полиса. А это значит, что *власть здесь не только не противостояла подданным, как то было в остальном мире, но, напротив, идентифицировала себя с ними, жила их интересами.*

Учитывая все сказанное, казалось бы, не могло быть никаких сомнений в результатах соревнования античной структуры с прежней, восточной, и последняя вроде бы не имела никаких шансов на победу. Однако на деле все оказалось много сложнее, ибо в ход исторического процесса вмешались различные приводящие случайности и неожиданные обстоятельства, которые в истории человечества всегда были важнейшими факторами эволюции, как содействовавшими, так и препятствовавшими ей. Вначале события развивались вполне предсказуемо. Всего через два-три века после оформления системы античных полисов скромная и численно небольшая Эллада сумела выиграть войну с могущественной персидской империей Ахеменидов. Чуть позже, в начале IV века до н.э., Александр Македонский, воспитанник величайшего древнегреческого мудреца Аристотеля, решительным натиском уничтожил эту империю. На Ближнем Востоке наступила эпоха эллинизма, которая характеризовалась длительным сосуществованием и соперничеством обеих структур.

В ходе этого соперничества превосходство городской культуры античного типа (речь идет о прежних ближневосточных городах, трансформировавшихся под влиянием многочисленных мигрировавших туда эллинов и македонцев, и о созданных этими мигрантами новых городах, начиная с нескольких очень известных построенных завоевателем Александрий) стало очевидным для всех. Преимущество античной структуры, с ее нормами общества западного типа, гражданским обществом, правами, свободами, гарантиями и привилегиями, демократическими институтами и процедурами, с частной собственностью, которая патронировалась пусть не всегда избиравшейся и сменявшейся, но всегда ощущавшей себя ответственной перед электоратом властью, было вне всяких сомнений. В рамках ближневосточного эллинизма античные по типу города задавали тон и определяли ход эволюции. В последующий период господства Римской империи, завоевавшей многие ближневосточные страны, превосходство античности оставалось все тем же непреложным фактом. Однако в годы кризиса и крушения империи и тем более после экспансии в VII столетии исламского войска арабских бедуинов ситуация резко изменилась.

Великое переселение народов в Западную Европу после крушения Рима (конец V века) или всплеск неслыханной энергии ревнителей ислама в забытых богами песках Аравии (начало VII века) создали то неблагоприятное сте-

чение обстоятельств, которое привело к упадку и гибели античного мира. Восточная Римская империя, Византия, утратила свои древнеэллинские традиции, засохшие в объятиях восточно-православного христианства. А традиционный и застывший Ближний Восток умело воспользовался сложившейся ситуацией для некоторого укрепления своих позиций. Сумев опереться на инерцию хранившей древние традиции провинциальной хоры, которая всегда противостояла эллинизированным, а затем подвергшимся романизации ближневосточным городам, он смог быстро восстановить потесненную, но вовсе не исчезнувшую привычную структуру власти-собственности. В то же время и в Западной Европе появилась наполненная молодыми силами мигрантов из числа восточных по происхождению кочевников и полукочевников та же структура в ее очень примитивной полупервобытной форме социоэтнических обществ и племенных протогосударств.

Это было концом блистательной античности, более тысячелетия задававшей тон в развитии мировой культуры. Одно время даже могло показаться, что соревнование двух принципиально разных структур было проиграно той из них, которая, казалось бы, имела объективные шансы на успех, и что античная эпоха закончилась, не оставив серьезного следа. Но вышло по-другому. Античные традиции не были стерты. Ведь вся новая структура, в отличие от прежней, обладала могущественными потенциями модернизации, великолепно проявившими себя, если коснуться техники, например, в изумительных механизмах, создававшихся мастерами египетской Александрии, или в архитектурно-строительном искусстве греков и римлян, от величественных храмов до мощеных дорог и монументальных водопроводов и виадуков. Античность потому и оказалась адекватным ответом на вызов Природы, призывавшей человечество к радикальному изменению издревле складывавшегося и ставшего привычным для всех образа жизни.

Рыночно-частнособственническая торгово-предпринимательская, протобуржуазная античная структура имела перед своей предшественницей немало несомненных преимуществ, и эти преимущества просто не могли остаться не востребованными человечеством. Правда, античность была замещена на востоке Византией, которая утрачивала древние традиции и постепенно ориентализировалась, а на западе — той же структурой власти-собственности в ее втором, ослабленном, феодально-варварском западноевропейском варианте с децентрализованной редиистрибуцией. Феодализм в этой модификации стал на долгие века главной социополитической системой (ни в коем случае не марксистской формацией!). Тем не менее процесс эволюции пошел в Западной Европе таким образом, что здесь сложились наиболее пригодные условия для возрождения и торжества антично-протобуржуазной структуры с ее либеральной демократией и рыночно-частнособственническими отношениями. Попробуем разобраться, как, когда и почему это произошло.

Власть-собственность в средневековой Западной Европе

Феодальная социополитическая система, как то ни покажется странным специалистам-медиевистам, обычно мало знакомым с Востоком, была родственной именно восточной власти-собственности. Мало того, сходной с ней по очень многим основным параметрам. В варварских королевствах раннесредневековой Европы, сложившихся на фундаменте Западной Римской империи, власть была, как и на Востоке, первичной, причем вне зависимости от того, иметь ли в виду королей, их представителей-*графов* на местах или мелких вассалов. Все они обычно властвовали безраздельно, тогда как население полностью зависело от них, представляя собой безликую массу послушных подданных. Общество как социум, за исключением разве что носителей власти и военной силы, на которую власть опиралась, было с самого начала подчинено не очень быстро складывавшейся и неторопливо институционализировавшейся власти. А государства долгое время не просто возвышались над приниженным обществом, но и поднимались все выше как за счет увеличения ступеней иерархической лестницы, так и по мере развития инфраструктуры и постепенного совершенствования аппарата администрации.

Однако в отличие от Востока ситуация в раннесредневековой Западной Европе все же была принципиально иной. Дело в том, что примитивные этнические общности и племена, осевшие на обширной территории Европы, сами — о чем следует всегда помнить — не были в состоянии создать что-либо напоминающее развитую урбанистическую цивилизацию. Они не знали городов и вообще не имели, о чем специально шла речь, спонтанной потенции к созданию чего-либо большего, нежели племенное протогосударство. Да они к этому и не стремились, во всяком случае вначале. Но, оказавшись на пепелище Римской империи и имея дело с потомками римских колонистов, численно намного превосходившими их, они вольно или невольно все время сталкивались с более высоким уровнем жизни и не могли оставаться к этому равнодушными. И если вначале, в ходе варварских войн и крушения империи, их предки, наподобие дорийцев, безжалостно рушили и сжигали все, что казалось им вычурным и не соответствующим привычным для них формам обитания, то спустя немногие века ситуация в этом смысле, как в свое время в Элладе, решительно изменилась.

Потомки осевших (для кочевой жизни в лесистой тогда Западной Европе условий не было) варваров начинали воспринимать те сохранившиеся античные традиции, которые лежали в основе очагов высокой античной урбанистической культуры потомков римских колонистов. Правда, эти очаги тогда едва тлели, но они все же продолжали как-то функционировать на занятой варварами территории, включая и Италию с Римом. А энергично про-

водившиеся аккультурация и особенно миссионерская христианизация (западный римский католицизм, впитавший в себя античную традицию, тем и отличался от восточно-православного византийского христианства) постепенно вели дело к тому, что в условиях слабости не успевавшей институционализироваться феодальной системы античные традиции понемногу возрождались и укреплялись. Они прежде всего способствовали успешному развитию городов с их принципом самоуправления по античному стандарту. Являясь торгово-предпринимательскими центрами, города формировались в рамках этих традиций, что не могло не способствовать активизации торгово-ремесленной деятельности. Дело шло к тому, что на севере Италии, в Ломбардии, горожане достаточно рано стали проявлять свои специфические предбуржуазного типа устремления и демонстрировать связанные с ними производственные, предпринимательские и торгово-финансовые возможности.

Уже с X столетия в первых возрожденных городах Западной Европы, прежде всего в тех, которые не были столичными центрами и потому не очень ощущали на себе сильное давление феодальных порядков, стали зримо проявляться новые явления. Они заключались в стремлении горожан освободиться от помех со стороны окрестных феодалов, добиться уважения своих прав, демократических выборов в системе самоуправления, защиты и покровительства частной собственности. Все это незаметно, но вполне ощутимо, особенно по мере развития средневековой городской культуры, влияло на складывавшиеся формы отношений между горожанами и феодалами. Этому в немалой мере способствовали и короли, которые в те времена усиления феодальных властителей, включая и подчиненных Риму епископов (те и другие часто выступали в качестве формальных хозяев городов), очень нуждались в поддержке и справедливо усматривали ее в привлечении стремившихся к самостоятельности городов в качестве союзников. Города со своей стороны охотно шли на это. Сотрудничество горожан с королями проявлялось в том, что монархи, тяготившиеся всесилием феодалов, содействовали стремлению городов поскорее и во все большей степени освобождаться от их опеки и тем самым обрести свободу.

Конечно, стать полноценными гражданами античного типа сразу было невозможно, но достичь этого статуса с каждым веком оказывалось все реальнее. Разумеется, в разных странах процесс шел неодинаково, но кое-где, особенно в итальянской Ломбардии, позже в Швейцарии, Нидерландах и Англии, — достаточно быстро. Нет смысла напоминать о его деталях, существенно лишь понять, что локомотивом, приводившим в движение экономику в каждой стране — как то было и в античности, — оказывались именно города. И в этом нет ничего странного. Ведь частная собственность предбуржуа, свободная от давления извне и опиравшаяся на уважавшееся в Европе по

античной традиции право, аккумулировалась здесь, в городах (*собственно, в этом всегда, на протяжении всей истории человечества, и был смысл того, что можно именовать мировым городом в противовес восточной мировой деревне, где города никогда не имели тех прав и свобод, которые они приобрели на Западе или благодаря Западу*). Что же касается частной собственности противостоявших им феодалов, то она, напротив, ни в чем таком не нуждалась. Эта собственность никогда не была предназначена стать *капиталом*. Объем ее зависел от сбора налогов и повинностей с подданных и от превращения собранного в доход, который можно было с удовольствием истратить на любые приятные текущие нужды.

Разница между частной собственностью будущих буржуа, с одной стороны (стоит напомнить, что слово «буржуа» происходит от корня «город»), и феодалов — с другой, как раз и объясняет многое из того, с чем столкнулись европейцы на заключительном этапе западного средневековья. Для первых важно было, чтобы власть защищала их интересы, а вторым необходимо было укрепление своей власти над подданными, дабы без особых усилий пополнять за их счет свой карман. Собственно, именно с этого и началась жестокая борьба предбуржуа, а затем и буржуа с феодалами. И борьба эта была связана не с решением вопроса о том, кому теперь пришла очередь эксплуатировать разных несчастных трудящихся, как то вытекает из теории марксизма о так называемых *формациях*, а именно со стремлением буржуа возродить античные традиции кооперации общества с властью. Смысл же этих традиций, столь нужных европейским частным собственникам из числа горожан-предбуржуа, а затем и обычных буржуа, был абсолютно ясным: они стремились поставить интересы общества, в котором рыночно-частнособственнические связи, развитые торговля и предпринимательство, опирающиеся на идейно-институциональный фундамент античного типа, могут приносить всем очень большие выгоды, над интересами государства.

Возвращаясь теперь к проблемам модернизации, можно констатировать, что активность западноевропейских буржуа на исходе средневековья была очень ярким знаком того, что достижения античного мира не только не канули в Лету, но напротив, ожили, даже, если угодно, засияли ярким светом. И этот факел осветил буржуа путь к победе. Дорога оказалась нелегкой. Но главное было сделано, движение вперед намечено, и вопрос был теперь только в том, сколько времени и сил займет достижение цели. Одно вне всяких сомнений: модернизация как цель и западноевропейские буржуа, столь охотно и энергично использовавшие успехи древних греков и римлян как средство достижения цели, отныне являли собой единое целое. И это оказалось настолько важным, что определило все последующие успехи европейского Запада.

Предбуржуазная Западная Европа и трансформация структуры власти-собственности

Следует обратить особое внимание на то, что европейская система судопроизводства, как и вся проблематика прав человека, достаточно рано стала ориентироваться на развитые античные стандарты, причем наибольшего развития правовая система достигала именно в городах, где уже в XII–XIII столетиях римское право, систематизированное, в частности, в кодексе ранневизантийского императора Юстиниана, играло очень заметную роль. Это не удивительно. Ведь городское население, занимавшееся по преимуществу торгово-предпринимательской деятельностью, в очень большой степени зависело от того, насколько эффективно защищались его права. И западноевропейские горожане отлично понимали, как именно и почему это для них столь важно. Понимали и то, сколь большую роль в обеспечении этого играли права, свободы и реальные возможности, связанные с системой выборного самоуправления, чего они с таким трудом и со столь большими затратами времени и средств понемногу добивались, оттесняя от городов зарившихся на них могущественных феодалов.

Впрочем, иногда города, казалось бы вопреки только что сказанному, сами привлекали в качестве своих защитников кого-либо из тех же феодалов, заключая с ними своеобразный общественный договор в стиле незабвенного Руссо. Договор этот был писаным — а подчас, быть может, и неписаным — соглашением, уважать которое во избежание больших неприятностей должны были обе стороны, но прежде всего приглашенный аристократ. Это являлось весьма существенной спецификой европейского городского устройства жизни, хотя такое происходило не везде. В любом случае нельзя не согласиться с тем, что воздух города, особенно в позднесредневековой Европе, делал человека свободным (*Stadtluft macht frei* — этот текст часто размещался над воротами европейских городов, например ганзейских). Эта свобода была едва ли не наивысшей ценностью в глазах горожан — точно так же, как когда-то в древнегреческих полисах.

Разумеется, население городов, особенно больших и давно сложившихся центров, известных торговыми связями и богатством, играло немаловажную роль и на Востоке, где торгово-предпринимательская деятельность была лишь терпимой и нередко напрямую зависела от степени давления на нее со стороны чиновной бюрократии, администрации сильного государства. Но там никогда не было ничего похожего на антично-предбуржуазную свободу и неотъемлемые от нее права. Неевропейские города обычно существовали в условиях полного отсутствия прав и свобод, которые пришли в средневековую Западную Европу из античной традиции. Здесь, в том числе в немалой мере и в Византии, не говоря уже о России (можно с оговорками выделить лишь немногие и недолгие исклю-

чения вроде Новгорода), города были иными. Главным и принципиальным их отличием было отсутствие какого-либо реально функционирующего права, правовой защиты и вообще сколько-нибудь значимой правовой культуры.

Свобода и право, как каждый легко может заметить и в наши дни, всегда были и остаются очень тесно взаимосвязанными, причем их связь, предполагающая наличие вполне определенных демократических институтов и процедур, как раз и является убедительным показателем для оценки ситуации. А ситуация в позднесредневековой предбуржуазной Западной Европе понемногу изменялась. В период, еще не отмеченный дыханием гуманистического Ренессанса, которое только-только начинало ощущаться, для нее была характерна трансформация структуры власти-собственности. Эта трансформация заключалась в ускорявшемся превращении феодального варианта структуры во много более крепкий централизованно-административный вариант, опиравшийся на вполне развитую инфраструктуру и надежный аппарат администрации. В рамках такого рода разветвленного по древневосточному стандарту чиновно-бюрократического управления страной возникало устойчивое, понемногу обуздывавшее все прежние вольности феодальных вассалов территориально-административное членение того либо иного из давно уже устоявшихся государств, создавались разные министерства и ведомства. В некоторых наиболее продвинутых в этом плане государствах, прежде всего в Англии, возникали такие представительные учреждения, как парламент, и принимались документы типа Великой хартии вольностей.

Переход структуры власти-собственности от феодального к централизованно-древневосточному по типу ее варианту, т.е. к варианту, в рамках которого не оставалось места феодализму, не был в условиях предбуржуазной Западной Европы каким-то шагом назад, как то может показаться. Напротив, это было движением вперед. Однако сложность ситуации заключалась в том, что, с одной стороны, трансформация, о которой идет речь, была безусловным признаком зрелости старой структуры как таковой, а с другой стороны, сама эта старая структура в условиях энергичной эволюции заимствованных Европой античных традиций и широкомасштабного вызревания в ней предбуржуазии шла к неумолимо приближавшемуся ее концу. Долгое время сосуществовавшая и успешно соперничавшая с ней новая либерально-демократическая рыночно-частнособственническая антично-буржуазная структура, с характерным для нее обществом западного типа, постепенно набиравшая силу и укреплявшаяся в основном в городах, начинала энергично ее теснить. И теперь очевидные преимущества новой структуры весомо подкреплялись тем, что ее фундамент — это города, в которых складывался влиятельный социальный слой буржуа, занятых предпринимательской деятельностью, включая уже с рубежа XV—XVI веков и освоение колоний, заметно выходили на передний план и активно демонстрировали свои возможности.

В этой принципиально новой ситуации *безусловное превосходство предбуржуазной и сформировавшейся стопроцентной буржуазной рыночно-частнособственнической структуры проявлялось в том, что она предполагала многократное и качественно несопоставимое со всем тем, что было прежде, ускорение эволюции всего человечества*. Тем самым человечество в лице наиболее передового его отряда адекватно отвечало на вызов модернизации, давно уже сделанный как всему ему в целом, так и отживавшей свое структуре власти-собственности с излюбленной ею консервативной стабильностью в частности. А *дефеодализация* в условиях столь явного превосходства потенциально неизмеримо более богатой антично-буржуазной структуры Западной Европы была *долгожданным устойчивым признаком такого ответа*.

Феодалы и феодализм как система были обречены. Они не могли более способствовать укреплению власти-собственности. Само их существование вело к ослаблению и постепенному исчезновению отжившей структуры, непременной составной частью которой в Европе они были почти тысячу лет. Словом, становилось совершенно очевидным, что феодализм как социополитическая система и основа распространенного в Западной Европе варианта структуры власти-собственности отмирает. Эта структура могла без потрясений существовать лишь в неантичных и добуржуазных обществах. В переходные периоды она вполне успешно сосуществовала с альтернативной ей античной либо предбуржуазной структурой. Но стоило начаться неумолимому процессу превращения предбуржуазного общества в развитое и полноценное буржуазное, как все стало решительно изменяться.

Какие новые принципы существования организованных в государство социальных и национально-политических коллективов шли на смену как структуре власти-собственности в целом, так и отмиравшей системе феодализма в частности? И едва ли не самое в конечном счете основное: как выглядел этот очень непростой процесс в передовой Европе с ее буржуазией, постепенно достигавшей все более высокого уровня развития и резко ускорявшей темпы эволюции, и как это выглядело — коль скоро вообще имело место — на отстававшем и уже в немалой своей части колониальном Востоке, все еще продолжавшем отдавать дань привычной структуре власти-собственности? Попытаемся ответить и на эти вопросы.

ГЛАВА 3. ОТВЕТ АНТИЧНОЙ И БУРЖУАЗНОЙ ЕВРОПЫ НА ВЫЗОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Начнем, естественно, с Европы, имея в виду всю ее историю, начиная с античной древности. Следует подробнее остановиться на том, почему адекватный ответ на вызов в его эллинском и римском вариантах, включая переходные эпохи эллинизма и романизации на Ближнем Востоке, раннесредневековую Европу, а также очень долгое существование Восточной Римской империи, Византии, привел не к явной или сколько-нибудь заметной победе антично-протобуржуазной структуры, а, напротив, к ее гибели. Ведь греки и римляне явно и долго шли впереди в ходе ожесточенного соперничества. Имеется в виду конкуренция отсталых и передовых с точки зрения раскрытия потенций человека (подданного или гражданина?) форм организации общества и государства: власть-собственность или либерально-демократические идейно-институциональные основы с твердо опирающимися на них рыночно-частнособственническим, протобуржуазным по его сущности хозяйством. Так в чем же дело?

Как уже отмечалось, Греция с ее скудными каменистыми почвами была не слишком удобным местом для земледелия. Хорошо росли в подходящих для этого климатических условиях и при тщательной обработке виноград и маслины, много хуже получалось с зерном. Более того, нехватка хлеба часто становилась серьезной проблемой, а великая колонизация во многом была результатом именно этого. Сложности с землей и сельским хозяйством способствовали развитию внешней торговли и акценту на разные ремесла и связанные с этим нововведения. Искусные изделия из металла, драгоценного и другого, начиная с железа, были широко известны на территориях, которые осваивались колонистами. Обычно эти изделия, вместе с вином и оливковым маслом, высоко ценились местным населением многочисленных колоний и служили предметом выгодной торговли. Развитое кораблестроение укрепляло регулярный обмен с обширной периферией и служило основой торгово-предпринимательской деятельности эллинских частных собственников, протобуржуа по роду занятий и условиям хозяйства. Не забудем и о созданных для них свободах и правах, которые гарантировались законами и властями. Практически все это означало, что, хотя собственность на клер ценилась выше всего, ибо только она формально — и достаточно долго — давала право на статус гражданина, общество эллинов в целом, особенно по мере его развития и роста численности населения, значительная часть которого перебиралась на жительство в колонии, переставало быть аграрным. Полисы становились городскими центрами с огромными роскошными строениями, мастерскими и верфями, развитыми портами и налаженными торговыми связями, площадями и театрами, с понемногу расцветавшей предпринимательской деятельностью.

Все это, как и многое другое, включая высочайший для своего времени расцвет культуры — литературы, театра, религии, мифологии, философии, — как раз и было *адекватным ответом на вызов*. Тот неимоверной важности вызов, *который предполагал старт сложного и длительного пути ускоренной буржуазной эволюции, принимавшей облик постепенной модернизации* мира разумными людьми, хорошо организованными в достойных уважения гражданских сообществах. И хотя равенства и свободы для всех (имеются в виду прежде всего рабы), а также прав для женщин в античном мире не существовало, что было характерно, впрочем, и для остальных обществ того, да и более позднего времени, стандарт, о котором идет речь, был передовым. Он служил символом прогрессивного развития, мог восприниматься в качестве образца успешного движения вперед.

Здесь очень важно сделать оговорку. Читатель, знакомый хотя бы в общих чертах с историей и с историческим процессом, знает, что античность как феномен исчезла после крушения Римской империи. И этот сам по себе печальный факт обычно воспринимается как свидетельство того, что все связанное с достижениями греков и римлян, безвозвратно ушло в прошлое. А вместо этого возникло что-то новое и другое. Это привычное, но ложное восприятие укоренилось потому, что в отечественных построениях, основанных на дискредитированной теории формаций, между античной древностью и средневековой Европой в свое время осознанно создавался нужный для теории разрыв. Но во всем таком построении справедливо только одно: античный мир действительно был уничтожен, однако это отнюдь не означает, что от него ничего не осталось. Напротив, осталось не только очень многое, но и практически все то, что сегодня лежит в основе благополучия, достигнутого современным буржуазным Западом. Что же касается причин, которые привели этот мир к гибели, то о них можно говорить особо, и многое давно уже сказано. Вкратце дело сводится к тому, что неблагоприятное стечение обстоятельств и различные случайности обусловили выпавшие на долю греков и римлян невзгоды, приведшие их — но не их античные традиции — к гибели.

Неудачи и великие достижения античного мира в процессе модернизации

Впервые неудачи проявились в тот момент, когда, казалось бы, все играло на руку эллинам. Нельзя сказать, что греки проиграли из-за каких-либо силовых неурядиц, характерных для небольших по территории и численности населения стран. Напротив, несмотря на то что Эллада не была единым государством и всегда отличалась обилием междоусобиц, в том числе и войнами между Афинами и Спартой, крупнейшими ее полисами, она с удивительной

легкостью брала верх над своими внешними врагами, которыми в то время были персы, империя Ахеменидов, покорившая все страны ближневосточного региона. Во время войн эллины обычно объединялись, что и приносило им успех. А завоевания великого Александра привели к тому, что эллины, в состав которых в то время органично вошли и жившие чуть к северу от них македонцы, оказались властителями всего разгромленного блестящим полководцем Ближнего Востока со всеми его древнейшими традициями и привычными нормами существования — но не граждан, а подданных. Сама ситуация, казалось, должна была способствовать тому, что более продвинутая рыночно-частнособственническая структура, к тому же ускоренными темпами энергично развивавшаяся, приведет к незамедлительной трансформации региона, давно застывшего и уставшего от неподвижности стандарта его существования.

И действительно, вначале эллинизация региона, осуществлявшаяся силами большого количества мигрировавших туда эллинов и македонцев, как и оставшихся там воинов Александра, приводила к появлению многочисленных новых городов и к существенному изменению привычного облика старых, начиная с великого Вавилона. Города, которые — стоит повторить — были центрами торгово-предпринимательской и рыночно-частнособственнической деятельности, становились типично античными, с характерной для них внутренней самоорганизацией, свободами и правами не подданных, но граждан. Даже говорить в некоторых ближневосточных городах начинали по-гречески, хотя в ряде случаев там сохранялись прежние формы типично восточной администрации. Беда в том, что городов в регионе было все-таки мало, а основная часть его населения жила на территории периферийной *хоры*, в стороне не только от городов с их торгово-предпринимательской активностью, но и от эллинов и македонцев, чей образ жизни столь отличался от местного стандарта.

Процесс шел таким образом, что эллинизованная часть региона вела свою жизнь, а обширная хора — свою. Конечно, некоторые — очень немногие — предметы городского обихода становились известными, как частично и греческий язык, жителям хоры, а горожане охотно потребляли продукты с деревенских полей и пастбищ. Но ни инфраструктура, ни идеи и институты эллинов достоянием хоры не становились. Напротив, решительно ею отвергались. А ставшая на рубеже старой и новой эры итогом постепенного ослабления Эллады ее фактическая деградация, вызванная как причинами внутреннего характера, так и завоевательно-наступательной политикой столь много заимствовавшего у нее Рима, поставила точку на так и не достигшей сколько-нибудь внушительного успеха эллинизации хоры. Ослабление Эллады сыграло свою роль и в постепенном упадке тех государственных образований эллинистического типа, которые после смерти Александра поделили между собой регион, подлежавший эллинизации, но так и не поддавшийся ей. Неудачей вос-

пользовался Рим, быстро набиравший силу после удачных войн со своими соседями.

Начиная со II и особенно в I столетии до н.э. античный Рим, становившийся великой империей, стал завоевывать бывшие эллинистические или частично эллинизированные страны Ближнего Востока. С этого времени ведет отсчет период романизации того региона, в котором потерпели неудачу эллины и бывшие рядом с ними македонцы. Наступил новый этап все того же переходного периода, в процессе которого судьба как бы предоставляла античному миру еще один очень серьезный шанс одолеть социополитическую структуру власти-собственности с ее давно сложившимся аппаратом администрации, не только жившим за счет централизованной редистрибуции продуктов и труда подданных, но и, что необходимо принять во внимание, с поразительным успехом управлявшим всеми этими многочисленными подданными, даже если те переходили из одних рук в другие.

Риму, особенно на первых порах, сопутствовала удача. Но она была весьма обманчивой и недолговечной. Политика империи по отношению к завоеванной ею огромной территории с многочисленным населением отличалась от того, чего хотели добиться эллины, которые, с их колонизацией городских центров, могли, даже принимая во внимание существование инертной консервативной хоры, рассчитывать на успех. У Рима не было оснований надеяться на это. А раз не было притока колонистов и античного капитала в города обширного региона Ближнего Востока, великая империя могла рассчитывать только на свою мощь. Государственные образования этого и соседних с ним регионов — Римский Восток, — хотя они обычно, пусть не все и не всегда, считались провинциями империи либо формально входили в ту или иную из них, на деле находились под властью местных правителей. Это значит, что они, как правило, сохраняли возродившуюся после эллинизма старую структуру власти-собственности, быстро восстановившуюся в своих правах благодаря влиянию хоры. Разумеется, это не означало, что местные правители всюду были всевластны. Напротив, немалое их число оказывались просто марионетками под реальной властью наместников Рима, как то хорошо всем известно из легендарной библейской истории о Понтии Пилате. Тем не менее ничего похожего на античную демократию и гражданское общество, весьма заметные в ближневосточном регионе в эллинистическое время, на Римском Востоке уже не было. Разве что кое-где усилилось значение частной собственности античного типа.

Означает ли все это, что ни эллины, ни римляне так ничего и не добились за почти тысячелетие своего политического господства в регионе? И да и нет. Да — потому что к концу этого срока слабевший Рим раскололся на две части, причем ближневосточный регион, начавший в ту пору энергично христианизоваться, остался под властью Восточной Римской империи, в свою очередь

постепенно ориентализовывавшейся. В итоге от античных корней и традиций ни в регионе, ни в самой Византии почти ничего не осталось. Нет — потому что именно в годы эллинизации и романизации ближневосточного региона идеи и институты античности и особенно все то, что имело самое непосредственное отношение к процессу модернизации, продолжали некоторое время там все-таки еще существовать. Правда, недолго. В начале VII столетия, после исламизации почти всего Ближнего Востока воинственными арабами, от этого мало что сохранилось. Но, во-первых, кое-что все же уцелело, о чем свидетельствует довольно высокая по сравнению с раннесредневековой Европой культура Кордовского халифата на территории Испании. А во-вторых, расцвет в Египте эллинистической Александрии, навеки прославленной хитроумием создававшихся там механизмов, строительными и иными сооружениями и блестящими умами мудрецов вкупе со знаменитейшей древней библиотекой, говорит сам за себя. А кроме того осталось еще множество изобретений и усовершенствований, которые внесли в сокровищницу мировой духовной и материальной культуры сами эллины и римляне.

Таким образом, эпоха эллинизма и романизации Востока не исчезла бесследно, что до сих пор вызывает восхищение ценителей. И другой несомненный вывод: *именно античность, несмотря на сложности и неудачи, успешно начала этап ранней модернизации древнего общества*. Здесь очень важно, приостановившись на мгновение, сосредоточиться на том, что мы имеем в виду, когда говорим о модернизации. Принято считать — особенно в среде экономистов, которые чаще других используют данный термин, — что это прежде всего экономический, точнее, даже технико-технологический, индустриально-инфраструктурный переворот, который был осуществлен западными буржуа и активно сотрудничавшими с ними учеными и изобретателями в основном в XVIII—XIX веках, частично и позже, вплоть до наших дней.

Нет слов, именно такой переворот и примерно в то время стал решающим для человечества. Он оказался более чем весомой гранью, которая отделила прошлое от совершенно нового стремительного рывка всего населения планеты в неведомое для него будущее. И поэтому мало кто сознает — и еще реже об этом пишет, — что начался период модернизации задолго до эпохи мощного рывка индустриализации и многих великих изобретений XIX—XX столетий. А признать это и помнить об этом важно не только из уважения к историческому вкладу предшественников. И не потому, что вызревание буржуазии Запада — иной и не было — заняло длительное время, шло не по прямой, стимулировалось многими факторами и находилось под влиянием внешних импульсов. А потому, что модернизация являет собой отнюдь не только индустриальный технико-технологический переворот. Важно всегда иметь в виду, что этот переворот не мог быть осуществлен никем, кроме как буржуазией с ее капиталами, высокоразвитым умением и опытом предпринима-

тельской деятельности, и, что не менее важно, он никогда бы не произошел, если бы в него не внесла свой величайший вклад античность с ее протобуржуазией, предпринимательством и неудержимым интересом к модернизации как социополитическому фундаменту общества. Следует учесть также созданные позже западными предбуржуазными городами с сформировавшимися в них условиями для промышленно-инфраструктурной модернизации.

И вот здесь в связи с только что сказанным необходимо снова вспомнить о том, что античность, возникшая в период темных веков и потому имеющая основания считаться не просто позитивной мутацией, но одной из наиболее важных для человечества, была не только очередным шагом вперед по пути эволюции. Связанный с нею шаг должен рассматриваться и оцениваться как великий старт процесса модернизации, как гигантский по последствиям источник всесторонней прогрессивной эволюции практически во всех сферах жизни людей и формах их организации. Имеются в виду — стоит перечислить — прежде всего, даже главным образом совершенно новые институты: гражданское общество, свободы и права личности, демократия и связанные с ней процедуры. Эти идеи и институты стали фундаментом модернизации, ее, если пользоваться марксистской лексикой, базисом. А на таком гигантской важности фундаменте — причем только и именно на нем, поскольку без него нечто подобное просто не имело шансов появиться на свет, — формировалось и то, что имело и имеет отношение к экономике и технике... Развитая торгово-предпринимательская деятельность с ее основой, протобуржуазной частной собственностью и успешно зарождавшимся капиталом, возникла потому, что для этого были созданы необходимые условия. Новая инфраструктура, изобретения и прочие новации технико-технологического характера *были вызваны к жизни благодаря тому, что граждане и избиравшаяся ими власть заложили для них соответствующий идейно-институциональный фундамент.*

Подводя итоги вкладу античности в процесс модернизации, необходимо обратить внимание и на проблему баланса. Объективно античные греки и римляне, с их ускоренным движением к новой структуре, противостоявшей структуре власти-собственности с ее стабильностью и стагнацией, были, бесспорно, фаворитами. Но случилось так, что стечение обстоятельств сыграло против античности, а традиционный Восток, мобилизовав свои немалые возможности, от энергии кочевников Великой степи до впечатляющих идей ислама, пошел в контрнаступление. Опиравшийся на незаурядные потенции элиты, заинтересованной в сохранении статус-кво, Восток успешно тормозил начинавшийся в античном мире и затронувший регион Ближнего Востока процесс модернизации. А нашествие на Рим варваров, как затем и победоносное продвижение мусульман, резко усилили противостояние прошлого будущему.

Закон баланса в этой ситуации едва ли чем мог помочь, чтобы поддержать усилия фаворитов. Стоит иметь в виду, что все происходило в то далекое вре-

мя, когда Природа была еще не очень обеспокоена тем, что происходит на Земле. Античность как феномен состоялась. Быть может, не все сложилось удачно, но и не все еще было потеряно. Модернизация тоже начала как-то себя проявлять, а добиться резкого перелома в ее пользу в условиях ослабления и деградации сначала Эллады, а затем и Западной Римской империи было далеко не просто. Ведь законы эволюции в процесс развития, как правило, активно, тем более силовым образом не вмешиваются. Они могут лишь с помощью не всегда даже улавливаемых импульсов пытаться откорректировать замешкавшийся процесс, призванный способствовать эволюции, но явно не справлявшийся с этой важной задачей. Что еще можно было тогда сделать?

Можно предположить, что, при всей сложности создавшейся ситуации, так либо иначе, прямым или окольным путем закон баланса не перестанет функционировать. Реализующая его импульсы Природа, во взаимодействии с уже высоко развившимся разумом человечества, сделает все возможное для того, чтобы способствовать сохранению уже достигнутого, т.е. завоеваний античности. Имеется в виду прежде всего духовная культура, система сформировавшихся ценностей, а в конечном счете и новая принятая античным Римом великая религия. Вот о ней стоит сказать особо.

Христианство как ответ на вызов

Все религиозные системы ближневосточных государств древности — их справедливо считают стадияльно ранними — были политеистическими. И хотя они тем не менее исправно делали свое дело, способствуя должной сакральности структуры власти-собственности и особенно ее высшего руководства, обожествленного правителя, это не вызывало в массах подданных ничего, кроме священного трепета и готовности к послушанию. Осознанное чувство причастности к величию божественного начала и тем более строгие нормы социальной этики не были еще великим императивом, способным подвигнуть верующих на подвиги. Для этого должна была появиться принципиально новая религиозная система, *ориентировавшая людей на истовую веру и готовность к самопожертвованию*. Такая система появилась сравнительно поздно, не ранее рубежа II—I тыс. до н.э., причем не в мире античных греков или римлян. Они были политеистами, но в отличие от восточных народов воспринимали многочисленных своих богов прежде всего как человекоподобных существ, постоянно общающихся с людьми и чаще всего активно им содействующих. Большую роль в их мифологии играли герои, считавшиеся потомками богов, лишенными в отличие от них бессмертия.

Только одна религия в те времена была *другой*, а возникла она у очень небольшого и сравнительно отсталого полукочевого социума, не создавшего да-

же своего очага урбанистической цивилизации. Имеется в виду религиозная система иудаизма — одна из трех великих монотеистических, так называемых авраамических религий, т.е. возводивших свои истоки к легендарному патриарху Аврааму. Он, как о том повествует иудейский Ветхий Завет, эта первая и наиболее интересная часть Библии, бескрайне поверил в единого Бога и не смел ему ни в чем противоречить. Библейская легенда гласит, что за великую преданность Господу — Авраам был готов принести Ему в жертву своего единственного долгожданного сына — он был вознагражден тем, что его племя, потомки этого сына, Исаака, получило благословение, обеспечившее иудейскому народу, несмотря на все выпадавшие на его долю невзгоды, бесконечное процветание.

Но сейчас для нас важны не иудаизм и не судьба евреев, которые за свои страдания получили — надо полагать, от благоволившей к ним высшей силы, — в качестве компенсации выдающиеся интеллектуальные потенции, а лишь один из них, наиболее известный человечеству и вот уже свыше двух тысячелетий почитаемый огромной частью последнего. Речь о мессии (Христе), богочеловеке Иисусе, рожденном, по преданию, еврейской девой (правда, замужней) от самого Господа в результате непорочного зачатия. При этом тесная связь иудаизма с христианством не только не случайна, но более чем закономерна, ибо именно на высокоинтеллектуальном иудейско-ветхозаветном фундаменте возникло христианство как вторая авраамическая религия (третья — ислам). Но почему именно этот момент — интеллектуальная насыщенность великой религии, обретенная в результате включения обновленных по сравнению с иудаизмом догматов в ветхозаветную традицию древних евреев, — столь важен, чтобы специально об этом напомнить, чего обычно ни евреи, ни христиане не делают? Не делают главным образом потому, что их родство ни тем, ни другим не нравится и не нужно.

Великая религия Христа потому и велика, что высокоинтеллектуальна, а такова она прежде всего — если не исключительно — потому, что принадлежит к числу авраамических. И важно учесть еще одно обстоятельство. Только та часть человечества, которая, с одной стороны, была причастна к этой религии с ее истовой верой и готовностью к самопожертвованию, но с другой — была пропитана веками укоренившейся в ней античной традицией¹, оказалась

¹ Здесь стоит обратить внимание на принципиальное отличие западного христианства, чьи корни уходят в многовековые глубины римской античности, от ислама, в котором истовая вера сочеталась с крайне поверхностным знакомством с древнегреческой античностью. Более того, разница в интересующем нас смысле в данном случае важна и при сопоставлении византийского комплекса, в рамках которого та же древнегреческая античность имела вроде бы шанс успешно взаимодействовать с православным христианством, с западноевропейским. В Византии древнегреческая античность, не контактировавшая в свое время на протяжении веков с отсутствовавшим тогда в Греции христианством и не имевшая, в отличие от римского комплекса, серьезных контактов с высокоинтеллектуальным иудаизмом, оказалась не в силах активно противостоять ориентализации, тогда как в Западной Европе все было иначе.

пригодной для того, чтобы оказать влияние на судьбы человечества. И отнюдь не только потому, что новая адресованная всему миру религия, для которой, по словам апостола Павла, не было «ни эллина, ни иудея», имела много достоинств по сравнению с прежними, включая и национально ограниченный иудаизм. Суть в том, что влияние внешней среды — имеется в виду Великое переселение народов, сыгравшее решающую роль в крушении Западной Римской империи, — объективно сыграло великую роль закона баланса. В данном случае импульс закона баланса, на котором, если до конца оставаться верным гипотезе о вселенских законах эволюции, лежала ответственность за соблюдение нормативного порядка, все-таки в конечном итоге возымел гигантскую преобразующую силу, способную содействовать активизации процесса эволюции в условиях деградации античности при кажущемся торжестве восточной традиции. И для этого ему потребовалась (казалось бы, только-то!) соразмерная столь огромной задаче интеллектуальная мощь.

Как бы то ни было, в итоге именно христианство, эта уникальная монотеистическая религия, сыграла свою преобразующую роль в наиболее трудный для уже начавшегося процесса модернизации момент, когда на европейском Западе после крушения Рима все висело буквально на волоске. Западная Римская империя рушилась под ударами наводнивших Европу варварских кочевых и полукочевых социэтнических общностей и племен, которые на своем пути уничтожали и жгли наследие греко-римской античности. Решалась судьба великих преобразований. Казалось, уже ничто не могло спасти созданное эллинами и римлянами. Но сыграло свою роль то неизмеримой важности обстоятельство, что император Константин в IV веке преобразовал политеистический Рим в монотеистический. Его решение привело к тому, что старых богов в приходившей в упадок империи сменило христианство, к тому времени уже несколько веков существовавшее в Риме, вначале официально жестоко преследовавшееся, но со временем постепенно набиравшее силу.

Что сумело сделать римское христианство, которое с крушением Западной Римской империи в конце V столетия и особенно после начала победоносного шествия ислама и мощного удара по Восточной Римской империи, Византии, в VII веке осталось единственной силой, способной противостоять энергично заповолившим Западную Европу варварам с их примитивным политеизмом, язычеством? Если быть внимательным, то окажется, что именно оно сумело добиться очень многого, практически почти всего того, что нужно было для сохранения и последующего возрождения достижений античности. При этом основную, важнейшую преобразующую роль в оживлении погибшей было античной традиции сыграло восприятие потомками варваров представления о христианском Боге как о Высшем Начале в виде Всемогущего Творца, пусть даже в модификации не вполне ясной для верующих Троицы.

И роль эта — если оставить самого Творца с Троицей в покое — была очень существенной частью тех усилий, которые опосредованные внешней средой, Природой, объективные законы приложили к тому, чтобы содействовать ускоренной эволюции всего человечества в эпоху модернизации. Но как оказались союзниками две столь, в общем-то, непохожие идеологические системы ценностей, как античность и христианство?

Многие специалисты, интересуясь этой проблемой, ставят рядом Афины и Иерусалим как символы обоих начал. И в этом сравнении-сопоставлении есть определенный резон, особенно если заместить Афины Римом. Конечно, Иудея с Иерусалимом были по отношению к Риму, и в частности к римскому наместнику прокуратору Понтию Пилату, лишь небольшой частью зарубежных ближневосточных владений великой империи. Мало того, это был все-таки Восток. Но Иерусалим, с его единственным и неповторимым храмом в честь Бога (а его, Господа, одного только для иудеев и христиан, стоит писать с большой буквы, как имя собственное), был не вполне обычным городом Востока. И дело не только в том, что царь Ирод имел не очень много власти, а проблемы религиозно-духовные, основные для иудеев, решал — как то известно из библейских повествований о распятии Христа — и вовсе не он, а синедрион, совет жрецов, игравший в этой небольшой стране роль сената. Гораздо более существенно, что для иудеев самым важным в период напряженного ожидания мессии были именно проблемы сохранения основ подвергавшегося эрозии иудаизма, ради чего, собственно, Иисус и был распят, тогда как осужденного параллельно с ним разбойника от казни освободили.

Разумеется, это не значит, что возникшее на фундаменте иудейских сект и созданное евреями во главе — если верить Новому Завету — с Иисусом новое учение было косвенно виновно в ликвидации иудаизма и разрушении храма. Это сделали не христиане, а римляне после нескольких восстаний иудеев в середине II века. *Иудеи же сыграли неоценимую роль в институционализации христианства.* Они заложили его фундамент, были первыми апостолами и проповедниками этого учения, в том числе и в первую очередь в самом Риме. Сделанное ими привело к тому, что восходившая к интеллекту иудаизма новая авраамическая монотеистическая религия обошла старую и, что очень существенно, вступила в тесный и длительный контакт с античной — уже римской, но не греческой — традицией. А после уничтожения римлянами иерусалимского центра иудаизма именно она стала главной и наиболее распространенной в мире.

Оказавшись в империи и ознакомив со своим учением всех на ее территории, христиане — уже не иудеи, а люди любого происхождения — несли в себе не только восходивший к иудаизму высокий уровень интеллекта с истовым рвением и готовностью к самопожертвованию, но и близкие к античному стандарту чувства исходного равенства (пусть даже в основном во грехе), ува-

жения к человеку, пусть даже «рабу божьему», а также строгое соблюдение норм правовой культуры и повседневного поведения. Видимо, можно найти и иные точки соприкосновения, как, разумеется, нельзя не заметить и того, что отличало античность от христианства. Но, соединенные судьбой, обе традиции оказались чрезвычайно сильны и в итоге способствовали тому, что передовая часть человечества совершила один из важнейших в его истории качественных рывков.

Христианство и античность в раннесредневековой Западной Европе (второй этап модернизации)

Сила эта проявилась именно тогда, когда она была более всего необходима. Необходима для многого, но главным образом для ускоренного движения человечества по пути эволюции и, в частности, той же модернизации. А сводились эволюция и модернизация на втором ее этапе в те времена и в том регионе к постоянному противостоянию восходивших к античности новаций и возникшей и в Европе застойной первобытно-восточной варварской структуры власти-собственности с ее тягой к консервативной стабильности. И в этом очень непростом противостоянии роль христианства, по меньшей мере на первых порах, была основной, ведущей. У христианства есть своя большая история, некоторые страницы которой, связанные, в частности, с инквизицией, с преследованием католической церковью под патронажем римского понтифика всех заподозренных в ереси, заслуживают безусловного и гневного осуждения. Но при всем том трудно переоценить роль именно раннего христианства. Ведь широкое поле его деятельности было связано не столько с официальными церковными соборами, которые один за другим проходили в весьма благополучной в то время Византии, сколько с тем, что было тогда на западе Европы.

Имеется в виду огромная и малозаметная повседневная работа с потомками осевших в Западной Европе варваров. Именно благодаря этому неутомимому и, по сути, неопенимому труду не столько даже видных иерархов римской церкви, сколько многочисленного корпуса рядовых проповедников и миссионеров, прежде всего монахов, варварские королевства, до того имевшие слабое представление о развитых религиозных системах (оно существовало разве что у потомков римских колонистов, численность и значимость которых постепенно сходили на нет), одно за другим довольно легко становились христианскими. А вместе с христианством потомки кочевников не только вынужденно превращались в земледельцев, но и охотно перенимали у живших рядом с ними потомков римлян традиции давно почившей античности. И таким образом античные стандарты не просто, будучи как бы орошены сказоч-

ной живой водой, заново оживали, но, оказавшись в благоприятной для них ситуации, становились ведущим интеллектуальным и, что намного важнее, институциональным началом в массе раннесредневекового населения Западной Европы. Об этом убедительно свидетельствуют тексты так называемых *правд*, начиная с наиболее известной и содержательной Салической. В них процесс трансформации варварских норм существования отражен достаточно наглядно.

Существенно и то, что свой немалый вклад в этот важный процесс внесла Византия, бывшая в то время не только христианской, но еще и связанной с античностью Восточной Римской империей, чье осязаемое влияние на раннесредневековую полуварварскую Западную Европу было тогда очень значимым. Знаменитый Юстиниан, правивший этой империей в 527–565 годах и прославившийся кодификацией классического римского *частного* права, не только построил в Константинополе знаменитую Софию, но и сумел на некоторое время отвоевать у варваров северную часть Африки и почти всю Италию. Практически это означало, что лучшие традиции античности — а частное право следует считать ее золотым фондом — стали тем достоянием варварских королевств, которое ускорило процесс и придало ему явный привкус усвоенных достижений римского права. Показательно в этом смысле, что, хотя — по утверждению специалистов, в частности Ж. Ле Гоффа, — христианские проповедники не слишком жаловали античность, воспринимая ее, похоже, как конкурента, они тем не менее читали книги античных авторов (других в то время почти не было, как, впрочем, мало было и читателей). И этот факт тоже не мог не сказаться на некотором сближении христианской религии и античной традиции, действовавших в то время, в общем-то, заодно в серьезном и требовавшем немалых усилий деле аккультурации потомков варваров.

Важно также иметь в виду, что склонность к античному стандарту проявляли и правители королевств, начиная с наиболее могущественного из них, Карла Великого, возглавлявшего государство франков с 771 по 814 год (христианство стало официальной религией франков еще при Хлодвиге тремя столетиями раньше). Карл, сам в конце жизни едва одолевший латынь, высоко ценил интеллектуалов-книжников и даже создал нечто вроде кружка знатоков древности, что позволило некоторым специалистам говорить о «каролингском Ренессансе», имея в виду опять-таки движение за некое возрождение античных традиций.

Но самым наглядным проявлением и подтверждением упомянутого процесса стали формировавшиеся на фундаменте древних римских стандартов многочисленные города. Ведь их на обширной территории Западной Европы, исключая собственно Рим, т.е. Италию, практически не было. А никаких иных, кроме античных с их традиционными правами и свободами, с основанными на процедуре выборов формами организации администрации, с ремеслами, торговлей,

устремлениями к модернизации и протобуржуазным предпринимательством, Западная Европа просто не знала. Хранителем же этих важных знаний была античная традиция, конкретно — чаще всего потомки римских колонистов, чьи старые поселения, вроде Кёльна (лат. *colonia*), и становились городами. Впрочем, новые города возникали и в иных местах, на пересечении наиболее интенсивно используемых дорог, близ известного монастыря или ставки правителя, его наместника-графа или вассала. Но как бы то ни было, именно в западноевропейских городах, о чем уже шла речь, в силу множества обстоятельств наиболее энергично шел процесс трансформации.

Это был новый — второй — этап модернизации, теперь уже постантичный. Важной его частью была активная рецепция римского частного права, нужная именно городам, отстаивавшим свою независимость в борьбе с претендовавшими на них феодалами, как светскими, так и церковными. Проявлялось это в ходе разработки правовых статусов в различных городских центрах практически всех европейских регионов. Любекское право было типичным для Ганзы, Магдебургское — для городов Восточной Европы. Ведущим началом при составлении правовых статусов было частично вынужденное единство устремлений античных традиций и идейно-институционального давления христианства на местное население в процессе его эволюции и явственного, хотя и далеко не сразу выявившегося курса на новый этап модернизации. Взятый таким образом курс следует рассматривать как продолжение процесса модернизации и в то же время, быть может, как плодотворную реализацию бонусов, полученных за успехи в деле эволюции.

Разумеется, можно было бы об импульсах, как и о связанных с ними бонусах не вспоминать, а считать, как то обычно и делается, что процесс эволюции всегда шел сам по себе. Но тогда нужно согласиться и с тем, что, в принципе, он вполне мог бы и не идти. Так ведь и было на подавляющей части земного шара. Однако из практики хорошо известно, что те, кто застывает в развитии, превращаются в вымирающих маргиналов, о чем уже немало было сказано. Остальные же не остаются, не могут остаться на месте, даже если их структура — имеется в виду традиционная и почти вездесущая власть-собственность — не предполагает никакого заметного движения вперед.

Движение, пусть крайне замедленное, все же ощущается, с чем историки Востока и тем более России хорошо знакомы. Но достаточно ли этого движения, с его постоянным оглядыванием и явно выраженной установкой на сохранение консервативной стабильности, для того, чтобы считать подобную ситуацию эволюцией и тем более модернизацией? Стоит только поставить вопрос именно так, как сразу станет понятно: что-то все-таки мешало и всегда мешает спокойному существованию человечества в застывшем режиме, ибо остановка в развитии, даже просто резкое его замедление означает постепенный упадок, приближающийся конец. Словом, если есть желание оставаться

живым, двигайся, иди вперед. Но если и когда мы будем вынуждены с этим согласиться, окажется вполне вероятным, что вызовы и некая целеполагающая корректировка со стороны закона баланса, являясь чем-то внешним по отношению к жизни, включая социополитические организмы, влияют на них. Это внешнее, как представляется, должно было существовать, ибо именно давление и корректировка извне только и могут объективно влиять на то, чтобы был сделан мощный, причем с возникновением разума более всего идейно-институциональный, толчок в ту сторону, в какую по меньшей мере передовому отряду человечества следовало идти, дабы избежать энтропии. И если хотя бы часть разумного человечества идет вперед, все становится на свои места. Так, в частности, институты античности и глубокие, входившие в души людей христианские идеи и идеалы средневековой Западной Европы сливались воедино и делали свое великое дело.

Суть его, как всегда, заключалась не только в решительном и твердом стремлении идти вперед, но и в ускорении движения. Это стало лейтмотивом всех тех радикальных перемен, которые были связаны с эволюцией Западной Европы в важное, переломное и переходное время, когда средневековая предбуржуазия активно продолжила процесс модернизации. Именно с обретенным заново потенциалом передовая с точки зрения эволюции часть человечества вырывалась еще дальше вперед, резко увеличивая разрыв между собой и остальной частью населения планеты. Разрыв этот проявился в трех величайших событиях, имевших всемирно-историческое значение. Речь о Ренессансе, Реформации и Великих географических открытиях, следствием которых стало наступление эпохи колониализма и началось силовое втягивание отставшей от Европы периферии планеты в движение в сторону ускоренной модернизации, принявшей — речь о мире вне Запада — форму вестернизации.

Ренессанс и Реформация

Прежде чем перейти к этим трем огромного значения событиям, приходившимся на переходный период в истории Западной Европы, вернемся на мгновение к периоду объединенного нажима античных традиций и раннего христианства на варварское население европейского Запада. Главным направлением в связи с переходом к земледелию было тогда заимствование у античности основ агрокультуры, норм оседлого образа жизни, а также уважения к праву и давно сложившимся формам общественного устройства. Параллельно с этим в городах же укреплялись, пусть далеко не полностью, свойственные античному миру — в противовес восточным деспотиям — традиции свободы личности и самоуправления, принцип неконтролируемой властями частной собственности и связанных с ней ремесла, торговли и предпринима-

тельства. Эти идейно-институциональные и производные от них хозяйственно-экономические заимствования были крайне важны, ибо они ложились в фундамент второго этапа модернизации, обеспечивая тем самым все более полный и адекватный ответ на объективный вызов Природы.

Но все то, что имело отношение к высокой культуре, к книгам, поэзии, философии, изобразительному искусству, архитектуре и т.д., шло в ранне-средневековой Европе в основном от христианства. Ведь оно тогда отличалось не стяжательством, но искренним стремлением нести более высокую культуру тем, кто в ней нуждался. И в этом плане религия Христа была не слишком чужда достижениям античности, хотя такого рода утверждение воспринимается не без оговорок. Отмечается, что нормы христианства с его специфической книжной культурой, богословскими построениями, устными проповедями, величественной архитектурой соборов и красочными изображениями на библейские темы имели мало отношения к античности. Действительно, религия воспитывала паству в ином направлении, чем то было свойственно античному миру. И истовая вера прихожан, столь наглядно проявившаяся во время крестовых походов (XI—XIII века), была обусловлена вовсе не экстраординарной обстановкой. Она была воспитана христианством и превратилась в норму. А от античности в религии была разве что небольшая, хотя и весьма ценная и — что существенно заметить и что разительно отличало западное христианство от восточного православия — заметная доля уважения к личности. Это проявлялось, в частности, в том, что в храмах были сидячие места для прихожан, а вне храма не имевшие права на брак священники (принцип целибата для всех служителей церкви) более внимательно следили за бытовой культурой своей паствы.

Второй этап в процессе модернизации обозначился в средневековой Европе, повторим, далеко не сразу. Лишь на рубеже I и II тысячелетий и особенно после неудач крестовых походов начали проявляться первые его признаки, причем вызваны они были, по крайней мере в осязаемой степени, трансформацией католической церкви. Она за тысячелетие с небольшим своего существования в Европе и особенно как претендовавший на господство в обществе институт сильно изменилась. Жестокость инквизиции и стяжательство, наиболее наглядно проявившееся в продаже индульгенций, стали тормозом, мешавшим движению вперед. А падение престижа римских понтификов грозило церкви превращением в рассадник мракобесия. И вот на этом становившемся все более мрачным фоне идейно-интеллектуальной сферы жизни североитальянская Ломбардия, с ее процветающей городской предбуржуазией, постепенно превращалась в центр не то чтобы свободомыслия, но своеобразного и не очень робкого протеста.

Этот протест принял форму мощного рывка в сторону возрождения античной традиции, с ее высочайшим уровнем свободной от догматизма и схоластич-

тики духовной культуры, и, соответственно, получил наименование Ренессанса. А начало ему положила написанная в начале XIV века Данте Алигьери «Божественная комедия». Это бессмертное, гениальное произведение, без сомнения, было порождено той обстановкой, что сложилась в общепризнанной столице Ломбардии — Флоренции. Произведение Данте не было антицерковным и тем более антихристианским, однако оно оказалось столь же далеким от постного официального богословия, сколь близким к страстно любимой поэтом античности с ее жизнелюбием и подчеркнутой гуманностью, с уважением ко всему, что свойственно людям высокого уровня культуры. В поэме воспевались свобода и стремление к расширению познания за счет выхода из тесных рамок официального богословия. А в качестве главной ее ценности на передний план вышел Человек, отчего и пошло наименование деятелей эпохи — гуманисты.

Вслед за Данте Петрарка воспел красоту человеческой личности и высоту ее чувств, Боккаччо в «Декамероне» обрушился на ханжескую, санкционированную церковью мораль. В XV столетии поразил современников разносторонностью и высочайшим мастерством один из величайших творцов человечества Леонардо да Винчи, более всего прославившийся как живописец, будучи в то же время, как говорится, мастером на все руки. В начале XVI века его сменили Микеланджело и Рафаэль, и стоит особо заметить, что их шедевры, при всей лояльности этих художников к церкви (Микеланджело, как известно, расписал Сикстинскую капеллу, а Рафаэль проектировал знаменитый собор Святого Петра в Ватикане), были отнюдь не похожи на прежние изображения в католических соборах.

Беглого взгляда, мимолетного сопоставления достаточно для того, чтобы увидеть разницу и понять, что новые мастера привнесли в искусство то преклонение перед Человеком, равным богам, которое было свойственно всем древнегреческим скульпторам. К итальянским живописцам, скульпторам, архитекторам и поэтам можно добавить мастера в сфере политической науки Н. Макиавелли, классика социополитической утопии Т. Кампанеллу. Несколько позже заявили о себе гуманисты других стран: мастер сатирического гротеска француз Ф. Рабле, его соотечественник философ М. Монтень, язвительный Эразм Роттердамский, представители голландской школы живописи во главе с великим Рембрандтом, непревзойденный У. Шекспир, автор бессмертного «Дон Кихота» М. Сервантес и многие, многие другие.

Ренессанс, ознаменованный всплеском гениальности во всех сферах жизни, явился настоящим триумфом свободы и разума, уважения к Человеку как Гражданину — такому, какими были граждане в античном мире. Ренессанс оказался не просто данью гуманистов по отношению к людям и символом перемены в настроениях и в системе ценностей, хотя все это присутствовало в творениях даже истово верующих католиков, а чем-то много

более глубоким. Вызванный к жизни очень существенными и объективно обусловленными переменами, он стал резким качественным рывком в сторону модернизации и начал энергично влиять на ускорение темпов движения вперед. Возрождение как возврат к античности не просто свидетельствовало о движении Западной Европы от структуры власти-собственности к антично-буржуазной рыночно-частнособственнической, на сей раз в ее более продвинутом по сравнению с протобуржуазной древностью предбуржуазном облике. Важнее то, что это движение было вызвано к жизни энергичным и ускорявшимся внутренним развитием — пусть не без влияния внешних импульсов — возрождавшейся и в то же время новой структуры. Самым, пожалуй, значимым его результатом стало *обновление идейно-институционального фундамента, который призван был стать основой второго этапа модернизации.*

Еще одним важнейшим событием в процессе формирования в тот переходный период западноевропейского капитализма, а точнее, опять-таки в обновлении необходимого для этого античного фундамента, была религиозная Реформация. Вообще-то, прямой связи между Ренессансом и Реформацией практически не было. Они развивались, скажем так, параллельными курсами, причем Реформация началась тогда, когда эпоха Возрождения уже близилась к завершению. Однако косвенная связь между ними существовала и заключалась прежде всего в том, что Реформация была — вне зависимости от того, насколько это осознавали стоявшие у истоков религиозного бунта, — объективно не менее, но даже в некотором смысле гораздо более тесно связана с выполнением великой исторической миссии, заключавшейся в выходе на передний план буржуазии. Ведь именно протестантизм, реформировавший западное христианство, дал этому движению гораздо более сильный толчок, чем то было сделано эпохой Возрождения. С этого толчка, укрепившего фундамент второго этапа модернизации, стала набирать темп эволюция, выразившаяся в становлении западной буржуазии с ее капиталом, и именно с него — не забывая, разумеется, и о том, что было сделано гениями Ренессанса, — целесообразно начинать повествование о новом, втором этапе длительного и крайне успешного в своем современном виде процесса модернизации.

Смысл реформы, стартовавшей 31 октября 1517 года, когда Мартин Лютер, монах-августинец и профессор университета в Виттенберге, вывесил на двери городского собора текст с 95 тезисами, сводился далеко не только и совсем не столько к резкой критике католической церкви. Разумеется, это было выступлением против претензий на непогрешимость понтифика, против пышной обрядности с многочисленными праздниками, не говоря уже об инквизиции и индульгенциях. Но главное заключалось в том, что протестантизм оказался реакцией на посредничество католических иерархов во взаимоотношениях

Человека с Богом. Лютер выступил за то, чтобы каждый человек был вправе сам, без посредника, обращаться к Богу. Он считал, что не молитвы, а твердая, искренняя внутренняя вера, сопровождаемая самоконтролем и чистотой помыслов, ведет к высокой богоугодной цели, соответствующей суровым нравственным принципам. Служители обновленной протестантизмом церкви, а это была уже не вполне церковь, — пасторы — освободились от принципа безбрачия, целибата, и пышных мантий. В свободное от церковных обязанностей время они вправе были вести себя как обычные граждане. Кроме того, лютеранство выступило за секуляризацию церковного и монашеского имущества и против культа святых и апостолов, икон и статуй. Отрицая веками сложившееся церковное предание, оно признавало только Библию, переведенную к тому же на родной для каждого верующего язык. Надо ли говорить, что все эти реформы были бы невозможны без возрожденной в эпоху Ренессанса свободы — личной свободы человека?

Лютер не был идеологом буржуазии. Но он одним из первых и лучше остальных уловил смысл стоявшего перед человечеством вызова. Пафос его обличений стимулировал движение предбуржуазии Западной Европы, вкусившей плоды Возрождения, к новой системе взглядов, отражавших ее потребности. Новую и великую идею именно он сформулировал наиболее полно, четко, смело и всесторонне. Формировавшейся европейской буржуазии нужно было, чтобы целью христианства стала самостоятельность в реализации мирских дел, в принципе соответствовавших Божьему промыслу. И потому предложенная лютеранством реформа, совпавшая по времени с широким распространением великого изобретения Иоганна Гуттенберга, благодаря которому можно было большими тиражами печатать тексты, способствовавшие ее популяризации, привела к распространению идей Реформации, особенно в Швейцарии, где вслед за Ульрихом Цвингли обрел популярность мигрировавший в Женеву французский богослов Жан Кальвин. Кальвинизм подчеркнул зависимость человека от Бога, который сам судит, кому он предоставит спасение и вечное блаженство, а кому гибель в аду. Но жесткость предопределения смягчалась и практически аннулировалась тем, что человеку неведомо уготованное ему будущее. Он должен делать все, дабы преуспеть в жизни и тем самым реализовать все свои возможности и добиться спасения, обеспечить предопределенную в посмертном будущем именно ему лучшую долю. Стремление к успеху доказывает избранность. Человек обретает уверенность и надеется, что достоин высшего блаженства.

Идеи Реформации, активно воспринятые в северогерманских государствах и Швейцарии, распространились во Франции и в Нидерландах, а также встретили поддержку в Англии, где нашли опору в давно уже существовавшей там ереси Д. Уиклифа и в политике британской короны, особенно Генриха VIII Тюдора. Этот король конфликтовал с Римом и в результате соз-

дал англиканскую церковь, тоже свободную от влияния католицизма. Но так было не везде. Италия, Испания и почти вся южная и некоторая часть Восточной Европы остались преданными католической церкви. И на это стоит обратить внимание, ибо разница между успехами протестантской буржуазии в продвинутых странах Запада и статусом буржуа, влачившего жалкое существование в тех государствах, где сохранялось господство католицизма, бросается в глаза.

В свое время идеолог коммунизма К. Маркс, осуждавший буржуазию за стремление к выгоде, полагал, что в основе успехов европейского капитализма лежало первоначальное накопление капитала. Эта теория сомнительна. Известно, например, что в те годы, когда Англия едва набирала деньги за счет огораживания («овцы съели людей», как писал Т. Мор), Испания, ограбив Америку, вывозила драгоценный металл каравеллами, так что наводнила золотом и серебром всю Европу. Так почему же, если иметь в виду тезис о первоначальном накоплении, капитализм строила Англия, а не богатая Испания? Да потому, что английский идейно-институциональный фундамент с его парламентом и Хартией вольностей с XIII века готовил переход страны к антично-предбуржуазной структуре, а Испания на своих буржуа внимания, в отличие от английской королевы Елизаветы, не обращала. Стало быть, прав не Маркс, а М. Вебер, который сумел доказать, что дело вовсе не в том, у кого больше денег, способных стать капиталом.

Вебер обратил внимание на то, что выходцы из протестантов гораздо чаще, чем католики, были склонны к активному участию в предпринимательской деятельности. Именно они заложили фундамент капитализма, опираясь не на стяжательство и стремление к наживе, а на свою собственную этику, базирующуюся на аскетизме, тяжелом повседневном труде, благочестии и истовой набожности — такие нормы поведения преобладали у первых поколений протестантов. Эти этические принципы, равно как и соответствующая социопсихологическая ориентация личности и общества в целом, породили основу основ успешного предпринимательства с его генеральным принципом «время — деньги». *То обстоятельство, что деньги, превращенные в капитал, могут приносить новые деньги лишь при условии старательного труда, который позволяет сэкономить время, оказалось вполне созвучным внутреннему убеждению трудолюбивого и отказывающего себе во всем лишнем пуританина, стремившегося, будучи преданным заветам Бога, постоянно и продуктивно работать.* Протестанты с начала нового осмысления христианства стали именно этим резко отличаться от католиков, которые вели довольно спокойную, чтобы не сказать привольную жизнь с обилием свободных от работы праздничных дней и повышенным вниманием к непроизводительной трате драгоценного времени. Словом, вопреки Марксу, не материальное (нажива), а именно *этика протестантов и дух капитализма* в

качестве важнейших элементов идейно-институционального фундамента модернизации были первичными в великом процессе буржуазных преобразований.

Здесь снова стоит приостановиться, чтобы чуть подробнее поговорить о несостоятельности марксистской теории о материальном базисе и идейно-институциональной надстройке. Эта несостоятельность, во всяком случае на мой взгляд, легко доказывается¹. В качестве очередного аргумента можно подытожить все только что сказанное о роли Ренессанса и Реформации в процессе эволюции и модернизации как ее важнейшего элемента. На исходе средневековья в основе этого процесса лежали античные традиции и христианские идейно-институциональные установки — не материальное начало («бытие» или «базис»), а разум людей, выдвинутые ими идеи, созданные ими институты — все то, что марксисты пренебрежительно именовали «надстройкой». Созданные когда-то разумом эллинов новые формы организации общества стали фундаментом, на котором сформировались идейно-институциональные принципы античности. Опираясь на этот фундамент, постепенно сложилась новая структура со свойственными ей рыночно-частнособственническими отношениями, ставшая материальной базой процветания эллинов и всей их плодотворной предпринимательской протобуржуазной активности.

Примерно то же самое происходило на втором этапе модернизации, отмеченном Ренессансом и Реформацией. Разум и идеи, возрожденные гуманистами, равно как и принципиально новые представления в системе мировоззрения и духовных ценностей, сформулированные отцами протестантизма, послужили тем волшебным ключом, который открыл дорогу к успехам западноевропейской предбуржуазии, к превращению ее в буржуазию, способную совершить величайшие преобразования, гигантский промышленный — к слову, буржуазный, а не просто промышленный — переворот. Или, иначе, идеи, интересы и институты первичны, а стимулированные ими материальные результаты, будь то усилия первых протестантов в их стремлении заслужить поощрение Бога или просто расцвет буржуазного предпринимательства с реализацией соответствующих новаций в ходе колониального освоения планеты, вторичны. И теперь, усвоив эти вытекающие из исторических событий формулы, обратимся к следующей теме, при рассмотрении которой все только что здесь сформулированное получает дополнительное подтверждение.

¹ В свое время я довольно подробно проработывал этот тезис. См.: Васильев Л.С. Всеобщая история. Т. 2: Восток и Запад в средние века. М.: Высшая школа, 2007. С. 432 и след.; Т. 3: От средних веков к новому времени (XVI—XVIII вв.). М.: Высшая школа, 2008. С. 480 и след.; Он же. История религий. М.: КДУ, 2008. С. 123 и след.; Он же. Идеи и интересы // Общественные науки и современность. 2008. № 5.

Великие географические открытия

Параллельным двум вышерассмотренным важнейшим событиям XIV—XVI веков было и третье, не уступавшее им по последствиям и значимости для истории человечества и, в частности, для процесса модернизации. Суть его в том, что западноевропейская предбуржуазия, стремительно расширявшая сферу своих предпринимательских интересов, ощущала узость тех географических рамок и скудность природных ресурсов, которые были в ее распоряжении. И это ощущение, заметим, касалось не только ее, но и стоявших у власти правителей, причем даже в тех странах, вроде пиренейских, где буржуазные интересы и предпринимательство были не в чести, а стремление к наживе поощрялось. Возможно, это было обусловлено, по меньшей мере отчасти, тем, что пиренейские государства, будучи окраиной Европы и ее главными морскими воротами, имели обширные торговые связи и развитое кораблестроение, включая и средства навигации. Особенно это касалось Испании, волею судеб оказавшейся в исторический период, о котором идет речь, властителем североитальянской Ломбардии, а затем и процветавших Нидерландов.

Как испанцы, так и португальцы с конца XIV столетия усиленным темпом пробивали морской путь в далекую и сказочную Индию, столь славившуюся в те времена в Европе своими богатствами. Португальцы осваивали нелегкий и нуждавшийся в береговых форпостах морской путь вокруг Африки, тогда как испанцы, поверив генуэзцу Х. Колумбу, предпочли искать восточную Индию, двигаясь через океан на запад. Известно, что те и другие почти одновременно достигли цели: Колумб в 1492 году достиг островов Вест-Индии и тем самым Нового Света, а Васко да Гама в 1498-м — Индии. Не останавливаясь на многочисленных небезынтересных деталях, связанных с этими нелегкими путешествиями, зафиксируем главное — благодаря географическим открытиям и налаженным океанским связям между континентами, которые до того не были известны европейцам (редкие сухопутные путешествия вроде того, что осуществил венецианец Марко Поло в XIII столетии, в счет не идут), планета стала доступной для активной деятельности буржуа. Она оказалась в распоряжении европейцев, начавших осваивать большие ее части в качестве колоний.

В том, что открыли и стали осваивать мир вне Запада именно европейские страны, нет ничего удивительного. Этого следовало ожидать хотя бы потому, что наследницей античности, где начался процесс модернизации, стала западная часть Европы. Однако здесь нужны пояснения. Между странами, наследовавшими античности, включая такие католические окраины, как Пиренеи, были весьма существенные различия. Пиренейские власти, как было сказано выше, сознательно игнорировали своих буржуа, не давая им просто-

ра для развития, стараясь предоставить городам как можно меньше возможностей для самоуправления. Тем не менее европейцы оставались европейцами, т.е. отличались от жителей стран Востока. Это важное обстоятельство помогало им активно включиться в освоение колоний и начать получать от этого очень серьезные доходы. Однако именно в силу слабости пиренейской предбуржуазии речь шла исключительно о деньгах и ценностях, т.е. *доходах феодального типа*, а не о капиталах и процентах на них — категориях, в которых мыслили буржуа.

Деньги и главные материальные ценности, золото и серебро, всегда остаются деньгами и ценностями — и на традиционном Востоке, и в античном мире, и после его гибели. Но не деньги как таковые, которые очень часто легко и беззаботно проматывались их обладателями, были нужны для генезиса капитализма — нужны были прежде всего и главным образом принципиально новые институты, иной этический и социопсихологический стереотип мышления и поведения. Тот самый изученный и описанный М. Вебером дух раннего капитализма, который был обусловлен протестантизмом.

Но вернемся к Испании. Превратив в колонию большую часть Нового Света, испанцы захватили так много туземного золота и серебра, что наводнили драгоценным металлом всю Европу и вызвали тем самым известную революцию цен, больше всего ударившую в конечном счете по ним самим. Произошло это потому, что Испания не только не имела той идейно-институциональной базы, которая необходима для стимулирования буржуазной модернизации, но и меньше всего об этом заботилась. Ее правителям и высокомерным грандам ненавистны были и нидерландские, и ломбардские буржуа. А Англия времен королевы Елизаветы, напротив, делала явную ставку на процветание своей буржуазии. И именно такая политика, а вовсе не мифическое первоначальное накопление, т.е. собранное в стране количество ценностей, сыграла решающую роль в ее процветании.

Другими словами, в отличие от Испании в Англии существовала способствовавшая эволюции та выработанная еще эллинами идейно-институциональная основа, которая вполне осознанно не воспринималась Марксом, ненавидевшим процветающую буржуазию и полагавшим, что без нее во благо всем остальным можно будет легко обойтись. Тем не менее сопоставление Испании и Англии, которой Маркс посвятил в своем «Капитале» многие сотни страниц, убедительно свидетельствует о том, что именно противоположная английской политика испанских Габсбургов, не желавших превращать ценности в буржуазный капитал, приносивший гарантированные законом проценты, была причиной упадка Испании. Важно подчеркнуть, что протестантизм, имевший самое непосредственное отношение к идейно-институциональной основе эволюции, не случайно вышел на передний план в наиболее развитых буржуазных странах Запада. Появление его в Англии (равно как и

отсутствие в католической Испании) стало существенным элементом адекватного ответа на вызов, стимулировавшим модернизацию, что в свою очередь не могло не способствовать успешному развитию страны.

Завершая краткое изложение важнейшего аспекта рассматриваемой темы — имеются в виду не только Великие географические открытия европейцев, но и появление мира колоний, вынужденных заимствовать то, чего сумел достичь европейский Запад, — следует еще раз подчеркнуть, что после неудавшегося античного ответа на вызов (однако не забудем о созданном эллинами и римлянами идейно-институциональном фундаменте структуры нового типа — рыночно-частнособственнической!) тот ответ, который был дан западноевропейской буржуазией, оказался адекватным. Второй этап модернизации пришелся на XVI—XVIII века и сменился третьим. Но прежде, чем обратиться к нему, остановимся еще на некоторых, частично вкратце уже затрагивавшихся проблемах.

О роли буржуазного фактора эволюции

Ни античные традиции, при всем их великом значении для исторического процесса, ни христианство с Ренессансом и Реформацией, ни энергичное освоение активным предбуржуазным Западом открытых им континентов сами по себе к решительному обновлению всей планеты привести не могли. Все это было важным условием создания мира как единого целого, той глобализации, которая столь часто фиксируется в наши дни и первоначальные основы которой постепенно обретали осязаемые формы лишь в процессе создания мирового рынка. Появление такого рынка стало условием дальнейшей и ускоренной эволюции в виде модернизации принципиально нового образца — буржуазно-индустриальной, технико-технологической. Только поняв и твердо уяснив, что лишь настойчиво акцентируемое в книге идейно-институциональное обеспечение было фундаментом, опираясь на который буржуазный капитал мог обрести потенциальную возможность подступить к третьему и последнему, заключительному этапу модернизации (той самой индустриально-инфраструктурной промышленной модернизации, которая в XIX—XX столетиях преобразила и саму планету, и живущих на ней людей, численность которых, к слову, благодаря именно этому начала возрастать невообразимыми до того темпами), мы способны уловить суть стоящей перед нами проблемы.

Рассуждая о факторах эволюции, вне зависимости от того, какие внешние импульсы стимулировали ее процесс, автор уже не раз обращал внимание на то, что наряду с удачной случайностью и благоприятным стечением обстоятельств к числу таких факторов необходимо прибавлять самый важный из

них — буржуазный¹. Что конкретно имеется в виду? Прежде всего и практически исключительно лишь то, что эволюция без буржуазии, хотя бы в ее зародышевой, антично-протобуржуазной и тем более в свойственной средневековой Западной Европе предбуржуазной форме, возможна лишь до определенного и, в общем-то, не слишком высокого уровня. Как легко заметить, вне античности и буржуазного Запада этот уровень соответствует возможностям, реализовать которые разрешает и структура власти-собственности.

Эта структура, о чем не раз уже упоминалось, жестко контролировала находившуюся в полной зависимости от нее частную собственность и с неудержимой силой давила на неприсяжных к власти собственников. Такая политика приводила к ослаблению предпринимательской рыночно-частнособственной активности и в конечном счете оскопляла частных собственников, в первую очередь и главным образом горожан. Они, не имевшие в отличие от жителей античных и тем более средневековых западноевропейских стран ни элементарных свобод, ни гарантированных властью прав, не говоря уже о привилегиях, не могли превращать доходы в беспрепятственно работающий капитал. Иными словами, потенции для эволюции и, соответственно, для модернизации имел только *мировой город*, строго ассоциирующийся с европейским Западом. А это значит, что без антично-буржуазного идейно-институционального фундамента, о котором все время идет речь как о самом великом первоначале модернизации, движения вперед по пути эволюции, во всяком случае в сколько-нибудь энергичном темпе, не могло быть. Вывод очевиден и сводится к тому, что только в средневековой Западной Европе сложились предпосылки к выдвиганию на авансцену истории буржуазии с ее капиталами, активно пускавшимися в дело. Реализовывались эти значимые предпосылки в разных странах далеко не одинаковым образом, как уже отмечалось. Но главное в том, что они уже были и что в той либо иной степени процессы, прямо или косвенно имевшие отношение к буржуазной активности (неважно, своя буржуазия или из соседней страны), стали в Западной Европе начиная с XVI века нормой. А это и есть *буржуазный фактор эволюции*, которому была предоставлена возраставшая со временем и все более легитимировавшаяся свобода действий.

Если говорить о буржуазном факторе, то стоит начать с Нидерландов, которые в XVI столетии вышли на авансцену мировой истории, фактически заняв место приходившей под владычеством Испании в упадок Ломбардии, чья торгово-предпринимательская активность вследствие изменившихся обстоятельств (имеется в виду расцвет океанской транзитной торговли с колониями) начала снижаться. Голландская буржуазия — та самая, учиться у которой стре-

¹ См.: Васильев Л.С. История Востока. 4-е изд. Т. II. М.: Высшая школа, 2005. С. 264; Он же. Всеобщая история. Т. 3. С. 94 и след.

мился Петр I, — имея наиболее развитое тогда кораблестроение, была ведущей в колониальной торговле. Она постепенно оттесняла во многом уступавшую ей Португалию, лишенную, как и католическая Испания, весомых потенций для конкуренции. Борьба нидерландских протестантов-гёзов с Испанией за независимость в конце столетия увенчалась успехом, и в середине XVII века Нидерланды превратились из небольшой страны в сильную колониальную державу. Впрочем, период ее торжества был не слишком долгим, ибо вскоре голландцев всюду начали энергично теснить англичане. Собственно, именно эта перемена лидера знаменовала собой победоносное шествие по планете той страны, которая чуть позже стала первопроходцем и бесспорным лидером во всем том, что имеет отношение к третьему этапу модернизации.

Англия, бывшая в раннем средневековье малонаселенным островом, в отличие от ее соседки к югу, Франции, не слишком обремененной знатными феодальными домами — здесь жили в основном свободные крестьяне, *вилланы* и *фригольдеры*, — сравнительно рано стала государством, где всевластие правителей оказалось ограниченным. Великая хартия вольностей 1215 года не только сохранила привилегии баронов, но и гарантировала самоуправление городов (их уже было около 300), а созданный чуть позже переизбираемый парламент — первый в истории — в конце того же XIII века получил от короля право вотировать налоги. Столетняя война с Францией (1337–1453) не привела к победе англичан, но и не помешала им энергично идти по пути предбуржуазной эволюции, начальные формы которой были тесно связаны с овцеводством. Процесс огораживания, принесший столько страданий крестьянам, и сближение обедневших дворян, *джентри*, с буржуазией, равно как и война Алой и Белой роз, приведшая к взаимному истреблению знати, укрепили власть короля и создали условия для расцвета торговли сукном, а затем и всестороннего предпринимательства. А все это вкупе сыграло важную роль в политике королевы Елизаветы.

Королева Елизавета (1558–1603) много сделала для развития страны, процветания ее товарного хозяйства и развития буржуазного производства. Она поощряла налаживание связей с Новым Светом, что принесло Англии, в отличие от Испании, немало выгод. Быстрыми темпами шло строительство кораблей и портов, в Лондоне перестраивался торговый центр, Сити. В 1571 году в стране была открыта биржа. А крушение в 1588 году направленной на завоевание Англии испанской Непобедимой армады поставило точку в англо-испанском соперничестве за право быть ведущей державой в Европе. XVII век прошел в Англии под знаком противостояния короля и парламента, в итоге которого О. Кромвель одержал победу, Карл I был обезглавлен, а в Англии — уже в конце столетия — пришла к власти новая династия Стюартов, подписавшая Билль о правах и тем самым согласившаяся с тем, что народ (парламент) выше правителя. Это был переворот, равный революции, хотя революции в

полном смысле этого слова в стране не было. Эквивалентом ее была долго длившаяся буржуазная эволюция. И сразу после этого, начиная с XVIII века, англичане начали энергично пользоваться ее результатами.

Сельское хозяйство постепенно принимало облик товарных ферм (средний размер земельного владения вырос в середине XVIII века вчетверо по сравнению с временами Кромвеля). Расцвет текстильной промышленности способствовал важным изобретениям типа ткацкого станка Картрайта, а затем и паровой машины Уатта. Строились новые фабрики, машиностроительные заводы, шахты, совершенствовалась выплавка металла, прокладывались шоссейные дороги, возводилась сеть каналов и мостов. Английские торговые суда по количеству и тоннажу оказались недостижимыми для остальных государств. Всесильным финансовым регулятором стал Английский банк. Словом, Англия буквально на глазах превращалась в центр *буржуазного* — это слово важно подчеркнуть — индустриального переворота, в мастерскую мира, как ее вполне заслуженно начали именовать. А реально управлял ею регулярно переизбиравшийся парламент, в котором задавали тон, сменяя друг друга, буржуазные по составу и демократические по характеру партии — консерваторы-тори и либералы-виги. Очень важно добавить ко всему, что превращение Англии из гадкого утенка в величественного лебедя сыграло огромную роль и во всех мировых взаимоотношениях. Небольшой остров становился могущественной империей, размеры которой постоянно возрастали за счет новых колоний, как тех, что заселялись европейскими поселенцами, в основном англичанами, так и завоевывавшихся Англией стран традиционного Востока, начиная с Индии, этой, как ее любили именовать, жемчужины британской короны.

Возвышение Англии никак нельзя считать случайным. Ломбардия в средние века и Нидерланды на исходе их были пиком, достигнутым передовой частью человечества на втором этапе модернизации. А вот Англия — именно она, а не Испания, владычица Ломбардии, Нидерландов и огромной части Нового Света, имевшая реальные шансы включить в свои пределы и Священную Римскую империю во главе с Австрией (там и здесь правили Габсбурги), *оказалась волею судеб провозвестницей того мощного скачка вперед, которым стал с XIX века третий этап модернизации*. И этот этап, как и предыдущие, начался вовсе не потому, что развились некие «производительные силы». Они — производство и приспособленные к нему труженики — были, конечно, реальностью. Но эта очевидная реальность сама была следствием и функцией идейно-институциональной эволюции и развивалась только на той основе, которая была создана антично-буржуазными идеями и институтами.

То же самое можно зафиксировать еще на одном, наиболее, пожалуй, показательном в этом смысле примере. Речь о США. Колонии англичан в свое время появились на всех континентах, кроме разве что Евразии. Но наиболее

значимыми стали те, что были созданы на восточном побережье североамериканского континента около 400 лет назад. Не останавливаясь на весьма насыщенной истории борьбы этих колоний за независимость в конце XVIII столетия и на важнейшей для судеб молодой страны миграции гражданской войны середины XIX века, подчеркнем, что уже первые колонисты-протестанты принесли с собой в Америку из Англии совсем не то, с чем пришли туда же, в Америку, испанцы. Они принесли с собой восходившие к античным традициям духовно-институциональные ценности, что существовали в Англии и почти начисто отсутствовали в Испании. Эти ценности и легли затем в основу Декларации независимости (1776) и Конституции США (1787). Конечно, ко всему этому были добавлены идеи и идеалы выдающихся мыслителей французского Просвещения. Но главное при всем том никак нельзя забывать: *в основе экономической мощи США лежало то же самое, что превратило Англию в величайшую в истории буржуазную колониальную империю.* На этой основе, уже в период реконструкции рабовладельческого Юга после гражданской войны, начался взлет индустриально-инфраструктурных преобразований в США. Этот взлет, как то хорошо известно, был отмечен не только стремительным ростом хозяйства, но и величайшими изобретениями и многочисленными разнообразными технико-технологическими новациями.

Нет смысла говорить, что в условиях политического и любого иного господства буржуазии с сопутствующей и необходимой для ее процветания либерально-демократической формой власти прежней структуре власти-собственности просто не оставалось места. Она (если не касаться США, где ее не было вовсе) уходила в прошлое вместе с феодальными пережитками, с зависимостью земледельцев от аристократов. На смену ей шли отношения совершенно иного типа, антично-буржуазные, с присущими им правами и свободами, с целенаправленной социальной политикой, смысл которой был в повышении благосостояния всех лиц наемного труда и вообще всего народа. Однако даже на европейском Западе не везде и не сразу дело шло к этому. Взглянем на континентальную Европу, о которой — за исключением Испании — почти ничего не было сказано.

Страны континентальной Европы по ряду причин шли вперед много медленнее Англии. Но если в большинстве из них процесс был просто замедленным (сказывалось наследие прошлого), то в самой крупной, во Франции, с ее длительной историей феодальных, а затем и религиозных сложностей, дело обстояло иначе. Именно здесь в далеком прошлом короли наиболее часто искали союза с городами, стремясь обуздать феодалов. Но, добившись своего, став авторитарными правителями, короли изменили политику и взяли сторону укрощенной ими знати. Протестанты-гугеноты были частично уничтожены, а уцелевшие оказались вынужденными покинуть страну. Все вело к тому, что перед католической Францией открывался такой же путь экономического

упадка, каким давно уже шли Испания, Италия и вся южная часть Европы. На этом фоне лучше обстояли дела на севере европейского субконтинента. Но и там, за исключение разве что сильно обособленной Скандинавии и небольших, к тому же порой замкнутых анклавов, вроде Нидерландов и Швейцарии, развитие шло не очень быстро, особенно если иметь в виду Германию с ее великим множеством — свыше 300 — княжеств и курфюршеств, каждое из которых ревностно хранило феодальные традиции. Словом, континентальная Европа на рубеже XVIII—XIX веков отставала. И отставание грозило ей, особенно на фоне успехов англичан, неприятными последствиями. Наиболее остро это проявлялось во Франции.

Если учесть, что самыми выдающимися мыслителями века Просвещения были именно французы во главе с Вольтером и что их идеи, шедшие вразрез с политикой короны (безмятежные настроения французских королей замечательно выразил Людовик XV, заявивший: «После нас хоть потоп»), исподволь готовили соотечественников, да и не только их, к борьбе за свободы и права, то все последующее окажется легко объяснимым. Стремительный напор французов, недовольных сложившимся положением вещей, упершись в воздвигнутую правителями плотину, переполнил уровень бушующего в стране моря недовольства. И его волны захлестнули Париж. Началась революция, великая и кровавая, сопровождавшаяся как достижениями, так и провалами, приведшая к разгулу террора и к гибели всех своих вождей. К концу XVIII столетия революция завершилась не победой и не поражением, но коллапсом. Франция лежала опрокинутой навзничь, пока ее не поднял Наполеон. *Величайшая же его заслуга не столько перед Францией, сколько перед всей континентальной Европой и не только (примем во внимание и события в Латинской Америке), заключалась в том, что завоевания революции были спасены и самым решительным образом способствовали ускорению процесса эволюции и модернизации во всех тех европейских странах, кроме разве что России, с которыми Наполеон обычно успешно воевал.*

Мало того, воздействие наполеоновских войн сказалось и на судьбах иных стран, начиная с процесса деколонизации испанских колоний в Америке и кончая восстанием в находившейся под властью Османской империи давно уже не античной, а православной Греции. Впрочем, специально о мире вне Запада будет идти речь далее. Пока же поговорим об успехах третьего этапа модернизации в решающем в этом смысле XIX веке, который по справедливости следует считать периодом триумфа западноевропейской буржуазии.

ГЛАВА 4. ТРЕТИЙ ЭТАП МОДЕРНИЗАЦИИ. МИРОВОЙ РЫНОК И ТРИУМФ БУРЖУАЗИИ

XIX столетие в истории человечества прошло под знаком триумфа западной буржуазии, причем не только в странах Запада, но и практически во всем мире. Это было время торжества модернизации, которая вступила в свои права, пусть в разной степени, но повсюду, на всей планете. На авансцену истории вышли антично-буржуазная форма взаимоотношений между обществом и властью, патронируемая властью частная собственность, вызванный ею к жизни мировой рынок, занявший главное место в финансово-экономической сфере капитал — тот самый, что призван приносить проценты и за счет этого возрастать и активно способствовать резко расширенному производству с его постоянно ускоряющимися темпами. В результате за один только век планета решительно преобразилась.

В самые дальние ее уголки проникли различные механизмы и машины, резко увеличившие возможности человека и, что очень существенно, производительность его труда. В городах всего мира, прежде всего портовых, появились новые верфи и доки, различные многоэтажные строения, индустриальные предприятия, современные рудники и шахты. Возникла густая сеть принципиально нового типа коммуникаций, будь то пароходы и поезда, многочисленные шоссейные и железные дороги, появились столь важные для деловых людей телеграф и, как вершина, телефон, а вслед за тем радио. Заработало, пусть еще далеко не везде, электричество, засияли электрические лампы.

Этот ряд можно было бы продолжать, вспомнив об автомобиле, о воздухоплавании или подводных лодках и т.д. Но к чему? Все и без того ясно. Это было время колоссального роста темпов буржуазного производства в сочетании с невиданным рывком научно-технической мысли, время не просто многих неожиданных либо давно ожидавшихся открытий, но и, что особенно важно, энергичной их реализации в очень широком масштабе. А принципиальная возможность всего этого достичь была обусловлена активностью и предпринимательской энергией буржуа как основного и ведущего социального слоя, вызванным буржуазией к жизни невиданным прежде всемирным рынком, новый облик которого характеризовался резким ростом объема сбалансированного и постоянно возрастающего спроса и предложения.

Именно с учетом всего только что сказанного XIX век — период триумфального шествия буржуазных преобразований по всему обитаемому человеческому миру. Поистине новое время, которое очень заметно отличалось от предшествующих столетий. Люди, жившие в странах Запада (стоит напомнить, что речь не о географии, а о социокультурной традиции), еще в начале XIX века были по основным параметрам очень близки к своим предшественникам,

жившим несколькими, а то и многими веками раньше. Но поколение тех, кому выпало родиться где-то в середине первой половины XIX века и уйти из жизни в начале XX столетия, было уже совсем другим. Такого количества разительных перемен в жизни не испытывал до того никто и никогда! Все эти перемены были результатом третьего этапа модернизации, который в полном объеме раскрыл свои потрясающие воображение возможности как раз теперь, что было связано с *буржуазными ускоренными темпами эволюции*. Буржуазия в XIX столетии стала наконец главным социальным слоем, передовым и ведущим. И пусть с утверждением его первенства далеко не всё и тем более не везде обстояло гладко, нет сомнений в том, что именно его усилиями, во всяком случае в первую очередь именно ими, человечество и освоенная Западом планета начали стремительно преображаться.

Сразу оговоримся, что далеко не все из числа успешных буржуа, а также щедро, причем по заслугам, оплачиваемых буржуазным обществом ученых, интеллектуалов и удачливых новаторов задумывались о значении сопутствовавших их жизни перемен. Однако, если уж на то пошло, мало кто вообще размышляет в своей повседневной жизни о сравнительно далеком прошлом и еще меньше о будущем, даже недалеком. Люди привыкли жить сегодняшним днем, что неудивительно, поскольку забот у всех и всегда хватает. Но это, понятно, никак не отменяет необходимости при теоретическом анализе учитывать всё, начиная с оценки причин, которые объективно способствовали выходу буржуа на авансцену вначале западной, а затем и всемирной истории, и заканчивая осознанием той огромной роли, которую эти обстоятельства сыграли во всех событиях последующего века с небольшим, т.е. вплоть до сегодняшнего дня.

Что касается причин, то к их числу следует отнести великие идеи, возникшие на их основе серьезные и пользующиеся уважением в обществе институты, затем успешное — хотя во Франции и сопровождавшееся кровавым революционным террором — воплощение их в жизнь и, наконец, что особенно важно, энергичное распространение по планете достижений буржуазной социополитической революции. Эта связь событий не только вне всяких сомнений. Она благотворна. Именно она дала старт модернизации в полном смысле этого слова, т.е. продвижению сперва антично-буржуазных идейно-институциональных, затем производственно-экономических, научно-технических и иных материальных преобразований по всему миру. Суть буржуазных новаций в ходе третьего этапа модернизации сводится к нескольким основным позициям.

Во-первых, производство и обмен. То и другое существовало всегда. Но в эпоху исключительно быстрого роста, что было связано именно с буржуазным фактором ускоренных и постоянно еще более ускоряющихся темпов эволюции, развивающееся и становящееся все более разнообразным производство,

как и усложняющийся растущий по объему торговый обмен, обрели необычайное значение, стали основой существования практически всех людей. Общество в странах Запада быстро забывало о столь привычном в недавнем прошлом натуральном хозяйстве и нехитром наборе предметов повседневного обихода. В результате резкого роста индустриальной экономики, ставшего возможным благодаря энергии и инициативе вначале исключительно городского, а затем и сельского — фермерского — предпринимательства, рассчитанное на массовое потребление товарное хозяйство стало доминировать. А рост производства все возрастающего количества нужных людям товаров и постоянное расширение номенклатуры последних вели к развитию интенсивной торговли.

Торговые обороты становились несравнимыми с прежними не только по объему и номенклатуре товаров, но и по способам, интенсивности и скорости доставки. Если раньше торговля колониальными товарами требовала многомесячных путешествий, то с увеличением количества морских путей, изобретением пароходов, заметным сокращением маршрутов за счет важных каналов (Суэцкий, Панамский) заморская связь стала более быстрой и надежной. То же следует сказать и о сухопутной торговле. Система качественных шоссейных и железных дорог, паровозы и — уже на рубеже XX века — автомобили сократили сроки и уменьшили сложности, связанные с торговыми оборотами. Перемещение товаров, тяжелым бременем ложившееся прежде на плечи грузчиков, теперь по большей части стало осуществляться механизмами. Наконец, новые средства связи создали неслыханные прежде удобства для предприятий, занятых производством, торговлей и тем более финансово-банковскими операциями. Мир стал в буквальном смысле слова тесен, а кругосветное путешествие за 80 дней, столь увлекательно описанное в фантастическом романе Жюль Верна, уже не было фантастикой. Оно зримо превращалось в реальность.

Во-вторых, расцвет науки и техники. Нельзя сказать, что они (даже если иметь в виду лишь технические науки и тесно связанное с ними естествознание) достигли заметных результатов только в XIX веке. Напротив, очень многое было создано уже в древности, а в средние века и особенно в переходный от средневековья к новому времени период выдающиеся умы — более всего на Западе — достигли в этом направлении еще большего. Но их открытия, порой многообещающие, оставались, как правило, невостребованными, что наиболее ярко проявилось в судьбе, например, Леонардо да Винчи. Добуржуазное общество в них просто не нуждалось. Только расцвет буржуазного предпринимательства, *мирового города*, дал объективный толчок прикладной науке и предъявил серьезные требования к усовершенствованию производства. И когда это было воспринято обществом, тут же нашлись знатоки и умельцы, которые один за другим стали предлагать свои научные открытия, техниче-

кие изобретения или элементарные на первый взгляд, но оказывавшиеся крайне важными усовершенствования.

Подчеркнем, что все эти ответы науки и техники на требования буржуазного предпринимательства оказались горячо востребованными. И нужны они были прежде всего именно буржуа, которые стали двигателем прогресса. В отличие от английских луддитов, в XVIII веке видевших в механизмах и машинах зло, мешающее людям зарабатывать, и потому пытавшихся уничтожать технику, буржуа хорошо сознавали важность применения технико-технологических новаций. Эти новации были крайне важны для резкого роста производительности труда и соответствующего увеличения количества конечного продукта, все охотнее и во все возрастающем количестве потребляемого обществом. Они сознавали также, что и научные открытия, и технические изобретения, равно как и элементарные производственные усовершенствования, будь то поточное производство или конвейер, крайне необходимы для ускоренного развития производства.

В-третьих, совершенствование системы управления. Возникавшее крупномасштабное производство требовало решительной перемены в системе управления им. Если прежде с одной стороны был сам предприниматель, не слишком образованный и обычно не имевший высокой квалификации, а с другой — трудившиеся на его небольшом предприятии рабочие, часто женщины и подростки, которым можно было не слишком много платить, то, по крайней мере, со второй половины XIX столетия ситуация начала меняться. С укрупнением масштаба производства — при всем том, что оставалось немало мелких и средних предприятий, — была осознана и реализована потребность в коренном изменении этой системы. Выяснилось, что для управления крупным производством, тем более трестом, компанией или фирмой, объединяющими несколько различных предприятий одного профиля или дополняющими друг друга (добыча сырья, переработка его, изготовление конечного продукта и доставка на рынок), нужны хорошо образованные и умелые руководители, т.е. специалисты своего дела. Как только было осознано, что помимо природных способностей организатора производства и умелого менеджера для успешного ведения хозяйства необходимо хорошее техническое и административно-управленческое образование, это объективно привело к резким переменам в структуре высшего образования. Рядом с известными университетами, а то и внутри них в качестве особых факультетов стали в обилии появляться технические институты, затем — различные многопрофильные специализированные вузы, в которых стали готовить инженеров, финансистов, экономистов, менеджеров.

Далеко не сразу, но это вызванное к жизни индустриальным переворотом качественное изменение в системе управления производством оказало благотворное воздействие на всю экономику промышленных стран, в основном

пока еще исключительно западных. Огромная роль высокообразованных умелых специалистов быстро возрастала. Именно их усилиями, в том числе и того их важного отряда, представители которого занимались геологией, т.е. поиском необходимых для развития индустрии полезных ископаемых, залежей руд, нефти и т.п. (не говоря уже о золоте или алмазах), создавались основы для бурного расцвета экономики промышленно развитых стран. Специалисты не то чтобы вытесняли буржуа, но становились рядом с ними во главе большинства предприятий, компаний, фирм и т.п., а также в управлении банками и иными финансовыми учреждениями, что, учитывая специальную подготовку, создавало прочную основу для успеха усложнявшейся деятельности в сфере управления хозяйством.

В-четвертых, решение проблемы статуса и возможностей для успешной деятельности в буржуазном обществе. Совершенно очевидно, что буржуа, многочисленные специалисты и интеллектуалы не смогли бы достичь успеха в различных сферах деятельности развитого буржуазного общества, не имея высокого статуса и не играя ведущей роли в обществе. На практике это означало, что буржуазия и интеллектуальная элита должны были выходить на передний план и во многом определять характер заново создававшегося общества и основные его институты. Мало того, партии в ведущих буржуазных странах, правительства которых все более очевидно зависели от воли тех, кто их переизбирал или отказывался голосовать за ту либо другую партию, начали ощущать свою зависимость от электората и энергично усиливать роль разумной социальной политики. Они заботились о максимально справедливом перераспределении доходов, включая налоги с имущих, о помощи слабым и обездоленным, о достойной заработной плате всех трудящихся, их социальном страховании, оплаченных отпусках, пенсиях и т.п. В принципе, все новации европейских буржуа реализовывались сравнительно легко и как бы сами собой после эволюционных сдвигов в Англии и США или после революционных перемен во Франции и во всей континентальной Европе. Особенно ошутимо происходило это в объединенной Германии времен Бисмарка (последняя треть XIX века), но главное, что все это достаточно быстро становилось в странах буржуазного Запада *нормальной практикой*, весьма напугавшей марксистов, пытавшихся не допустить «прикармливания» трудящихся, которых они все чаще начинали именовать «рабочей аристократией». Революционный марксизм, как проткнутый воздушный шар, в конце века постепенно испускал дух. И понятно почему. Трудящиеся не стремились на баррикады. Они миролюбиво и успешно боролись за свои права. А буржуа и правительства шли им навстречу, ибо понимали, что только при соблюдении этой нормы буржуазные преобразования могли работать в полную силу и добиваться все более ошутимых результатов, преобразующих общество в целом. И именно в этом тоже в конечном счете следует видеть основу того триумфа буржуазии, который стал наиболее заметен во второй половине XIX столетия.

Наконец, в-пятых, экспансия буржуазии. Одержав победу на Западе, пусть не сразу и не везде, буржуа, заинтересованные в расширении рынков и торговли, прежде всего промышленными товарами, были вынуждены активизировать свою торговую политику и порой буквально силой открывать двери для свободной торговли во всем остальном мире. Экспансия такого рода, свойственная буржуазному характеру производства и рыночно-частнособственнической экономике, проявлялась весьма неодинаково и в разных местах в разные времена обретала разный характер, вплоть до войн. Стремление буржуа освоить всю планету следует считать естественным результатом перемен, вызванных обретением ею свободы рук. Мировой рынок, не обращавший внимание на желание либо нежелание разных стран и их народов включаться в интенсивный обмен товарами, объективно требовал именно этого. Однако при всем том вопрос, где, как и когда западные, в основном европейские, буржуа добивались и в конечном счете добились значительных успехов, а где и почему эти достижения следует оценивать более сдержанно, заслуживает особого внимания.

Модернизация в форме вестернизации вне буржуазного Запада

Запад, напомним, понятие не географическое, но историко-культурное. Потому и мир вне его (как обособленная основная часть планеты), по многим параметрам несходный с античностью и с буржуазной Западной Европой, с его ушедшей корнями в далекое прошлое традиционной структурой собственности, нуждается в особом внимании. С раннего средневековья европейский Запад был знаком на востоке в основном лишь с Византией, позже с не очень большими государствами типа Руси, Польши, Литвы. А когда на Западе начался второй этап модернизации, на его восточных границах укрепились две значительные империи, Османская и Российская, которые со временем оккупировали большую часть Восточной Европы. Через владения этих империй, в основном Османской, шли тогда и торговые пути в более дальние регионы Востока. Этим окольным путем проникали в Европу и первые сведения о загадочной богатой Индии, поиск морского пути в которую привел к Великим географическим открытиям и к колониальному освоению планеты европейцами. Но результаты этого гигантского по значению геополитического сдвига оказались очень разными. Это произошло из-за того, что колонии оказались в неравном положении.

Колонии финикийско-эллинского типа, основанные европейскими колонистами на малозаселенных и почти необитаемых территориях, были, в сущности, лишь более или менее значительным расширением сферы существования Запада. На новые земли колонисты приходили с привычным для них идей-

но-институциональным базовым фундаментом, что очень помогало освоиться и, как правило, добиваться быстрых результатов в усвоении и развитии на этой основе образа жизни, который соответствовал вызову, стимулировавшему активную модернизацию. Лучше всего это видно на примере США. Почему самые благоприятные условия для буржуазных преобразований оказались на территории американского северо-востока? У первых колонистов там было много проблем, но они, будучи протестантами, т.е. уверенными в том, что Бог наградит их за предприимчивость, энергию и непомерные трудовые затраты во имя благоустройства, все преодолели. А когда освоились и нашли способ зарабатывать за счет плантаций с использованием рабского труда ввезенных в Америку африканцев, экономика колоний и вовсе пошла в гору.

Труд бесправных рабов, безусловно, сыграл свою роль в развитии колоний, но главным фактором все же был постоянный приток мигрантов. Движимые разными мотивами, нередко преследуемые за убеждения, переселенцы вливались в число колонистов, для которых не имело значения, кто они и откуда. Права и свободы в США — если не говорить о чернокожих рабах — свято соблюдались, как и нормы британской электоральной традиции, в том числе в те суровые годы, когда отношения с Англией приняли форму войны за независимость. С момента возникновения Соединенных Штатов Америки их отцы-основатели под впечатлением великих идей Просвещения создали в стране благоприятные условия для всех, исключая, правда, рабов и индейцев, с которыми американцы враждовали из-за земли. Рабство, конечно, навеки останется в истории этой страны черным пятном. Частично оно было смыто кровью сотен тысяч американцев в гражданской войне 1860-х годов за свободу рабов и ликвидацию рабства. И хотя эта война далеко не сразу привела к равноправию чернокожих и мулатов с европеоидами, она положила начало этому глобальному для страны процессу. Свыше сотни лет прошло с тех пор, и результат налицо: с 2008 года президентом США впервые стал темнокожий мулат, а летом 2009 года сенат принес официальные извинения афроамериканцам, как ныне принято именовать в США потомков рабов.

Гражданская война не только покончила с позорным пятном рабства, но и дала новый гигантский толчок буржуазному развитию страны. Уже в конце XVIII века, после принятия конституции, США стали самым демократичным в истории большим государством. Либеральная демократия проявлялась постоянно и во всем, начиная от регулярных выборов президента и иных должностных лиц (в стране не было ни единой попытки узурпировать власть, ибо строго соблюдавшаяся конституция не давала для этого возможностей) и кончая правом каждого свободного человека на участок осваивавшихся переселенцами западных территорий. Мощной движущей силой буржуазной эволюции с ее все ускорявшимися темпами стала энергия фермеров, но в еще большей степени — горожан. Города Америки, обогатившиеся за счет прите-

кавших в них наполненных идеями умных людей, в основном толковых техников, умелых изобретателей, талантливых финансистов и иных интеллектуалов, дали невероятный толчок развитию прикладной науки и техники. Если начать перечислять все те технико-технологические новации, которые были подарены миру именно американцами во второй половине XIX века, то окажется, что вся Европа не в состоянии соперничать с США. Центром *мирового города* стали они. Так почему же все сложилось именно так?

Потому что свободный труд, гарантированные права, неподкупный суд, заботящееся о благоденствии населения правительство в центре и на местах и, last but not least, постоянный приток легких на подъем молодых и полных жизненных сил мигрантов, готовых рискнуть во имя будущего благоденствия в наиболее благоприятных для этого условиях, содействовали процессу в целом. И при всем том, что в этом процессе принимали участие и католики, и иудеи, и — позже — представители иных конфессий, от православия до далеких восточных религий, главной религиозной идеей великой страны продолжал оставаться протестантизм, этика которого, как было показано М. Вебером, заложила основу того самого духа капитализма, которым оказались проникнуты в США буквально все. И в этом, от воспетых идеологами века Просвещения античных свобод до протестантского Бога, т.е. в идеях и институтах, была основа успехов американцев.

Примерно то же можно сказать и про остальные колонии Англии вне Европы из числа тех, что были населены европейцами. Имеются в виду Канада, Австралия, Новая Зеландия и, пусть с оговорками, даже населенная голландцами-бурами и англичанами южноафриканская Капская колония. Позже все они стали успешными самоуправляющимися государствами (обрели статус доминиона и фактическую независимость под формальным верховенством британской короны). В чем секрет их успеха? Отнюдь не в каких-то исключительных особенностях переселенцев. Просто европейцы приезжали на пустующие либо слабозаселенные земли других континентов с уже оправдавшими себя идеями и институтами, которые быстро и успешно вели их к модернизации.

Проблема модернизации вне западных традиций

Со многими иными регионами, где издавна существовали очаги цивилизации и государственности либо тысячелетиями жили отставшие в развитии соци этнические общности, дело обстояло иначе. Колонии или полукolonии, т.е. так называемые зависимые страны, возникшие в результате экспансии европейских колонизаторов, имели иной статус. И поэтому проблема предстает перед нами в несколько ином виде. В странах, о которых теперь пойдет речь, процесс преобразований в связи с необходимостью ускорить эволюцию и не отс-

тать от всего того, что дала модернизация, шел по-другому. И если поставить все тот же вопрос: что способствовало и что препятствовало буржуазным преобразованиям? — ответ будет элементарно прост: только *наличие либо отсутствие условий для существования буржуазии. На Западе, где господствовали античные традиции, эти условия были. Во всем остальном мире, включая и Россию, их не было.* Правда, усилиями колонизаторов — а вся власть, если не считать весомые исключения типа Османской, Китайской и Российской империй либо, хотя и во много меньшей степени, Японии и Сиам, принадлежала в конце XIX века им, тогда как местные правители оказывались безвластными или имели весьма ограниченные возможности, — *везде возникал буржуазный рынок* со свойственными только и именно ему производственными и иными достижениями.

Этот рынок вначале и довольно длительное время был очень ограниченным и в основном лишь удовлетворял не слишком большие потребности европейцев в пряностях и прочих колониальных товарах. А в самих колониях и полуколониях, даже в независимых странах традиционного Востока, таких как Япония и Сиам, представители европейского колониального Запада на первых порах функционировали рядом и параллельно с традиционным туземным рынком, почти не соприкасаясь с ним. Это значит, что европейцы с большим трудом и далеко не сразу начинали оказывать на колониальный и зависевший от них незнакомый с буржуазией мир эффективное воздействие. Но, несмотря на это, время и усилия активных западных буржуа не пропадали зря. Рано или поздно, в большей либо меньшей мере — вопрос меры и времени очень важно иметь в виду — влияние колониальных держав возрастало, причем это касалось не только производства товаров и торговли ими, но и идейно-институциональных новаций.

Не стоит ни преувеличивать, ни преуменьшать роль колониализма и колониального капитала в процессе приобщения мира вне Запада к западным буржуазно-демократическим ценностям и стандартам. Западные буржуа и покровительствовавшие им, отражавшие их интересы государства Европы не были, особенно на первом этапе торгового колониализма, ни благодетелями, ни ревнителями гуманизма и справедливости. Но они хорошо понимали, что отношения со странами, где никогда не было европейского типа буржуа и капитала, должны быть основаны на принципах, соответствующих нормам европейского буржуазного производства и рынка. В противном случае их позиции в колониальном и зависимом от них мире будут вскоре не только ослаблены, но и поставлены под сомнение. Поэтому они, причем опять-таки главным образом вначале, не столько осознанно, сколько как бы интуитивно, но в то же время вполне целеустремленно действовали именно в этом направлении.

Главное было в том — и это, необходимо заметить, стало реализовываться не сразу и не первыми европейскими колонизаторами типа португальцев, — чтобы утвердиться на захваченном плацдарме и создать там ситуацию, кото-

рая более всего напоминала бы отношения, начинавшие господствовать в метрополии. Это были, во всяком случае для голландцев и англичан, которые господствовали на морях и в мире вне Запада с XVII века, отношения буржуазно-демократического типа. Позже такого рода стандарт стал нормой и для французов, причем на этом вполне можно и остановиться. Остальные страны Запада к числу заметных колониальных держав относить не стоит. Однако если обратить внимание на то, что именно перечисленные три страны Европы в период становления стандартов буржуазной демократии очевидно лидировали, то станет много более понятным, почему колонизаторы, бывшие на этапе уже не торгового, но более продвинутого и становившегося промышленным колониализма главным образом выходцами из этих стран, вели дело в своих колониях в сторону преобразований, реализованных у себя на родине. Это означало, что администраторы колоний начиная с XVII—XVIII веков и особенно в XIX веке уже вполне осознанно старались привить местному населению те принципы взаимоотношений, которые не только стали в метрополии нормой, но и, что неизмеримо важнее, обеспечивали успехи буржуазной эволюции, и в частности модернизации.

С этого и начиналось наиболее энергичное движение в колониях и зависимых странах в сторону их радикальной трансформации. Более того, успехи западной буржуазии в процессе третьего этапа модернизации в XIX столетии были ощутимы в тех империях, вроде Российской, Османской и особенно Китайской, где влияние Запада было не столь ощутимо, как в колониях, но давало о себе знать и, главное, стимулировало реформы и тот мятежный дух, который завершился — уже в XX веке — серьезными социополитическими потрясениями. При этом важно принять к сведению, что движение к новациям буржуазного типа — даже там, где оно, как в России и Китае, завершилось трагически, — начато было с приобщения к западным либерально-демократическим стандартам. Стандарты обычно сводились — причем с особенной силой это происходило в британских колониях, которые оказались наиболее крупными и многочисленными, — к внедрению незнакомых местному населению прав и свобод, к организации выборов с применением демократических процедур, к активизации там политическо-партийного соперничества и т.п.

Новые реалии, особенно в колониях с преобладающим туземным населением, тем более в центрах древних восточных цивилизаций, где они, как правило, вызывали сопротивление, но одновременно приводили к вынужденному приспособлению, вели к заметной трансформации всего мира колоний и полукolonий. Этот мир (о проблемах России разговор особый) постепенно воспринимал буржуазно-демократические ценности, что способствовало распространению в той либо иной стране антично-буржуазных частной собственности и рынка, как и — хотя чаще всего со значительным отставанием, а то и вообще далеко не полностью — тесно связанных с ними технико-технологических но-

ваний. Но, перечисляя все такого рода новации в привычной для буржуазного Запада последовательности (от институтов к буржуазным производственным преобразованиям, к модернизации), следует заметить, что такой была целенаправленная политика колонизаторов, в первую очередь и в наиболее энергичной форме британских. И совсем другое дело, *что* из этих новаций реально прививалось вне Запада в первую очередь и *как* это сказывалось на результатах.

Важно иметь в виду, что западные идеи и институты не были известны и потому не могли здесь быстро привиться, стать фундаментом радикальных перемен. Ведь население стран, которые тысячелетиями существовали вне влияния Запада и лишь с эпохи колониализма (XVI век) кое-где оказались в сфере его постоянного воздействия, очень крепко держалось за привычную структуру власти-собственности и цивилизационные духовные ценности разных восточных религий. А это значит, что господствовала совсем иная система идейно-институциональных предпочтений, не имевшая абсолютно ничего общего с антично-буржуазной. Это и естественно, ибо ни античных традиций, ни буржуазии как социального слоя в этих странах не было, во всяком случае до тех пор, пока давление на них со стороны Запада не стало всерьез ощущаться. А вот внедрявшиеся западными буржуа механизмы, а затем и изобретенные в Англии машины были восприняты с гораздо большим пониманием. Это, как и вся экономическая политика, особенно британская, приводившая к быстрому росту городов, становившихся центрами промышленности и технических новаций, встречалось не то чтобы с одобрением, но с пониманием и, главное, было средством приобщения местного населения, особенно деревенской молодежи, к новому.

На практике описанная ситуация означала, что *не идеи и институты западного антично-буржуазного происхождения, а именно индустриально-инфраструктурная перестройка материальных условий существования становилась в мире вне Запада приоритетной*. И эта вполне реальная инверсия многое объясняет. Во всяком случае, она кардинально изменяет сложившееся в ходе предыдущего изложения представление о том, что модернизация начинается с восприятия человечеством принципиально новых идей и институтов, которые одни только открывают путь к ней. *Выясняется, что исторически это всегда имело отношение только к обществам западного типа, внутренне к тому подготовленным*. Так в чем же дело? Означает ли это, что в случае со странами, не имевшими до Великих географических открытий и колониальной экспансии европейцев ничего общего с идеями и институтами антично-буржуазного происхождения, все должно было бы обстоять иначе? Что они могли бы начать и, главное, успешно и без сложностей реализовывать достижения чуждой им модернизации без этого, вопреки этому? Отнюдь!

Как раз наоборот. *Они, о чем уже упоминалось, очень не желали никаких серьезных перемен, угрожавших столь близкой им консервативной стабильности.*

Перемены в мире вне Запада в эпоху колониализма отличались от эволюции предбуржуазных обществ европейского Запада, которая не вписывалась в традиционный образ их существования. Элементы западной модернизации внедрялись в жизнь колоний извне и не без насилия и принуждения, что происходило повсюду и было особенно заметно в Латинской Америке, позже в Тропической Африке, где буржуазно-демократический стандарт укреплялся долго и не очень укрепился и сегодня¹. Немного легче было в странах Азии, хотя и не везде. И поэтому, что вполне логично и естественно, *модернизация в таких странах начиналась с вестернизации*. Страны Запада в лице колониальной администрации или прибывавших из метрополии буржуа и разного рода нанятых ими специалистов начинали с внедрения новаций в систему хозяйства, позже вели дело к более сложному комплексному буржуазному индустриально-инфраструктурному перевороту. И лишь после этого, т.е. в последнюю очередь, *все обычно завершалось постепенным втягиванием местного населения и всей его привычной не слишком развитой экономики в русло приемлемых для Запада строго фиксированных законодательных идейно-институциональных норм, без которых вестернизированное буржуазное производство и все обслуживавшие его вспомогательные службы (транспортровка, портовые хозяйства, склады, магазины и т.п. — все, что входит в понятие «рынок» в самом широком смысле этого слова) не могли бы эффективно функционировать*.

Констатация того бесспорного факта, что модернизация принимала вне Запада форму вестернизации, не означает пренебрежения к огромному большинству стран и народов мира. Но это утверждение покажется читателю более весомым и обоснованным, если обратить его внимание на то, что во многих колониях и полуколониях развитие позже, уже в середине XX века, пошло было под знаком заимствования от Запада не столько буржуазно-демократических стандартов, сколько радикально-экстремистских идеалов утопического характера. И эти идеалы в форме марксизма, скорее, даже радикально переинтерпретированного большевиками и маоистами для нужд мировой деревни псевдомарксизма² принесли народам этих стран неисчислимые страдания.

¹ Дело это было сложное и требовало невероятных усилий. Часть такого рода, в общем-то, не слишком благодарной задачи брали на себя миссионеры, истовая вера которых с избытком компенсировала незначительность результатов по сравнению с затраченными на это усилиями. Однако, несмотря на это, миссионеры во многих случаях — особенно там, где религиозные системы были недостаточно развиты, прежде всего в Латинской Америке, а частично и в Юго-Восточной Азии, — достигали завидных результатов и тем самым в какой-то мере содействовали улучшению исходных позиций для распространения западных идейных и институциональных стандартов.

² Имеются в виду попытки использовать марксистские идеи (в чем сыграл неописуемо трагическую роль пример большевистской России) в странах, где не было пролетариата и где поэтому взрывы недовольства деревенского населения (*мировая деревня*, как ее любил именовать Мао) были сознательно направлены в сторону восстановления структуры власти-собственности в ее наиболее реакционно-примитивной модификации, для которой характерны отрицание частной собственности, огромная роль аппарата принуждения и гигантский масштаб репрессий.

В принципе, это следует считать издержками вестернизации. *Но вину за это не стоит возлагать на буржуазию Запада. Она лежит на тех, кто вызывал ненависть к буржуазии и объективно толкал мир назад, прочь от эволюции и модернизации по западному антично-буржуазному стандарту.*

И еще. Важно понять, что страны и народы, неприсущие к антично-буржуазной структуре с ее идейно-институциональным фундаментом, — а к ним можно отнести подавляющее большинство человечества, на разных этапах эволюции в большей либо меньшей степени отстававшего от продвинутого меньшинства, — крайне разнообразны. И поэтому, отмечая нечто общее, что свойственно им всем, нельзя не замечать существенных различий, обусловивших появление разных модификаций, проявившихся, в частности, в темпах и результатах движения по пути вестернизации. Или, иначе, с каждым значительным регионом или с каждой группой сходных общностей следует иметь дело особо, обращая внимание на специфику их религиозно-цивилизационной традиции, привычной системы духовных ценностей и всего того, что с этим обычно бывает связано. Не стремясь, однако, объять необъятное, автор ограничился рассмотрением нескольких основных вариантов.

Эволюция Латинской Америки

Новый Свет был первым регионом, превращенным в колонию, даже в группу колоний. В основном это был завоеванный испанцами южный субконтинент, а также, по меньшей мере частично, и северный, Мексика и Вест-Индия. Лишь некоторая, хотя и весьма значительная часть его — будущая Бразилия — досталась португальцам. Разница между испанскими и португальскими владениями была огромной. Испанцам достались развитые страны с очагами урбанистической цивилизации и огромным количеством материальных ценностей, а португальцам — неосвоенные и слабо населенные земли. Однако, несмотря на это, судьба стран данной части Америки оказалась, в общем, сходной. Сходство наиболее наглядно проявилось в их исторических судьбах после завоевания и в ходе борьбы за независимость, а также в особенностях последующего развития. Не погружаясь слишком далеко вглубь событий, остановимся на самых главных из них.

Завоевание доколумбовой Америки далось испанцам (португальцам вообще воевать не пришлось) исключительно легко. Индейцы, как с легкой руки Колумба все еще именуют туземное население, не сумели не только всерьез сопротивляться, но и сколько-нибудь упорно отстаивать свою идентичность. Она была достаточно быстро утеряна в самом уязвимом ее пункте, в сфере духовной культуры, религиозных ценностей, которые были опять-таки с потрясающей легкостью утрачены под мощным нажимом католической церкви.

Правда, церковь была против превращения индейцев в рабов, что косвенно стимулировало начавшийся интенсивный ввоз чернокожих рабов из Африки. В итоге, учитывая немалый наплыв пиренейских колонистов, обретавших льготы от колониальных властей, многочисленные колонии испанцев — как и португальская Бразилия — быстро преобразовывались во многих отношениях, но прежде всего в этнорасовом и связанном с ним религиозно-культурном. Словом, население колоний за первые два-три века сильно изменилось. Испанский и — в Бразилии — португальский язык стал родным для всех, как, впрочем, единым оказалось и христианство в его католическом варианте. Увеличилось и население. Считается, что на рубеже XVIII—XIX веков оно, по разным оценкам, составляло 16–20 млн человек. Из них испанцев было около 1,7 млн, креолов, т.е. потомков испанцев от индейских женщин, — 3 млн, остальные — индейцы, негры, мулаты, т.е. лица с заметной примесью африканской крови, и метисы (смешение в разных пропорциях, без строго определенной специфики). Чуть меньше половины этого населения приходилось на Мексику. А в Бразилии в то время было 3 млн человек, половину из которых составляли африканские рабы, примерно треть — креолы. Практически все стали ревностными католиками, хотя пиренейский католицизм приобрел некоторую специфику, что, впрочем, не сказалось на крепости и истовости веры как таковой.

Важно обратить внимание на то, что в Латинской Америке в силу специфики этнорасового состава и принципов католицизма рабство как институт быстро отмирало, а пестрота расовых оттенков постепенно переставала смущать население. И хотя нельзя сказать, что чистота белой расы, представители которой были потомками первых колонизаторов, вовсе перестала цениться, все же ничего похожего на расовую сегрегацию не было. Другое дело, как это способствовало или, напротив, препятствовало эволюции. Для начала заметим, что ни испано-португальская феодально-клерикальная власть колонизаторов, ни традиции поработенных этой колониальной властью народов южноамериканских очагов доколумбовой цивилизации, ни тем более навыки и образ жизни миллионов доставленных туда африканских рабов не имели ничего общего с буржуазным фактором.

Это немаловажное обстоятельство не могло не сказаться на особенностях развития латиноамериканских колоний и на специфике последующей эволюции всех возникавших на их основе стран, добившихся независимости. Сказалось и еще одно очень важное обстоятельство. Антично-буржуазных традиций, которые задавали тон в английских североамериканских колониях, в Латинской Америке не было. Их замещал испано-португальский феодализм с его системой *энкомьендо* — больших владений типа феодалов, а затем система зависимости феодального типа. У индейцев были свои несходные с Западом традиции, а о неграх отсталой во всех отношениях Тропической Африки и го-

ворить не приходится. И хотя не стоит все-таки забывать о том, что пиренейские государства были причастны — хотя бы через христианство — к традициям европейского Запада в целом, буржуазная рыночно-частнособственническая структура им в XVI—XVII столетиях была еще практически чужда.

Все эти сложности сказались, когда влияние буржуазных преобразований в Европе достигло Латинской Америки, а подчинение Наполеоном Испании и Португалии предоставило возможность латиноамериканским колониям обрести независимость. Испанский король в марте 1808 года был вынужден отречься от престола, а новым королем стал брат Наполеона Жозеф Бонапарт. Все это послужило сигналом для нескольких восстаний, в основном в Перу. И хотя вначале они были легко подавлены, обстоятельства вскоре резко изменились в пользу тех, кто был готов поддержать повстанческое движение. Оккупация Испании французами в 1810 году означала, что колонии предоставлены самим себе и что их населению стоило бы подумать о создании собственных органов власти. В апреле-июле того же года в большинстве городов испанской части Америки стали появляться национально-патриотические хунты и начались войны за независимость, принимавшие различный характер. Эти войны затянулись до 1826 года, зато повсюду завершились успешно. Впервые в истории западного колониализма произошла массовая деколонизация. Какой же вид приняли вчерашние колонии, ставшие независимыми республиками?

Следует учесть, что лишь двумя-тремя десятилетиями раньше триумфом завершилась борьба за независимость США, а затем произошла революция во Франции, одним из результатов которой было то, что привело к деколонизации Латинской Америки. Само собой разумеется, что свой новый социополитический облик латиноамериканские *республики с их президентами* (это все новации США) обрели не случайно. Но было ли готово метисное католическое население, жившее к югу от США, идти по буржуазному пути? Если обратить внимание на тексты и основные принципы конституций большинства латиноамериканских стран, именно это было желанным, как-то фиксировалось в основополагающих государственных документах и даже частично реализовывалось. Но беда в том, что не было нужных традиций. А без этого преобразования застревали на начальном этапе, а то и вовсе на уровне принятых документов, тогда как реальная жизнь, с ее регулярно повторявшимися попытками диктатуры, переворотами и прочими проявлениями нестабильности, долгие годы не имела вообще либо имела мало общего с успешным буржуазным развитием.

Разумеется, эволюция ощущалась, чему способствовало активное вмешательство английского капитала. Но становление буржуазного производства и создание необходимой инфраструктуры в условиях, о которых идет речь, требовало длительного времени и неимоверных усилий. Неудивительно, что движение вперед шло крайне медленно. В некоторых странах оно ускорялось за счет

востребованных внешним миром ценных ресурсов, скота либо гуано, позже бананов, в других — помогало увеличение числа переселенцев из Европы. Но в общем и целом традиции буржуазного общества складывались на иной основе, нежели в США. Латинская Америка не была ни плавильным котлом, ни причудливой мозаикой из наиболее активных и творчески одаренных представителей преимущественно западных стран. Здесь давно сложилась характерная именно для южноамериканского субконтинента этнорасовая система, которая оказалась шадящей для основной массы населения с разными оттенками кожи. И это было ее преимуществом. Но за всё — повторим эту нехитрую мысль — приходится платить. Латиноамериканцы платили крайне медленными темпами эволюции. Платили такой вестернизацией, которая начиналась отнюдь не с идей и институтов антично-буржуазной рыночно-частнособственнической структуры, основным принципом организации администрации в которой является принцип «Не люди для власти, а власть для людей». В результате некоторые страны региона оказались в столь незавидном положении, что их стали презрительно называть «банановыми республиками».

Около двух столетий занял процесс достижения республиками Латинской Америки сравнительно высокого уровня современной экономики. Это, если учесть ранний старт их деколонизации, вполне можно считать не слишком высокой ценой за конечный успех. В любом случае, однако, факт остается фактом: сначала бывшие колонии с очень большой и длительной помощью со стороны западных стран, особенно вкладывавших в них немалые капиталы Англии, а затем США и Германии, учились производить товары, форсируя, а то и лишь имитируя движение в сторону модернизации, которое было связано с торговлей и предпринимательством, со многими важнейшими индустриально-инфраструктурными преобразованиями. И только после этого, окрепнув внутренне и усвоив — правда, и поныне далеко не везде и тем более не в сколько-нибудь заметном объеме — основы буржуазных стандартов благополучного существования, республики Латинской Америки начали строить либерально-демократическую систему электоральных и иных институтов с необходимыми процедурами и гарантиями от злоупотреблений. И в общем, такой вариант модернизации (вестернизации) стран вне Запада есть все основания — имея в виду наше время — считать на сегодняшний день вполне удовлетворительным.

Успехи в процессе вестернизации Индии

Судьба многих других регионов вне Запада, где издревле существовали более развитые, нежели в доколумбовой Америке, но тоже ставшие колониями очаги цивилизации и государственности, незнакомые с буржуазной структу-

рой, имеет немало общего с тем, что случилось с южной частью Нового Света. Важные отличия их как от Латинской Америки, так и друг от друга, сводятся, однако, как раз к той системе религиозно-цивилизационных представлений, которая оказалась столь трагически слабой в момент, когда испанцы завоевывали урбанистические государственные образования на американском континенте. Не все такие системы в Старом Свете были столь же слабы, скорее напротив, Но они были разными. Если иметь в виду индо-буддийский регион и соответствующую ему великую цивилизацию, то центром их следует считать загадочную и столь желанную для европейцев Индию. И хотя рядом с ней было много стран, населенных разными народами, тяготевшими к ней и в разной степени являвшимися составной частью созданной ею цивилизации, приоритет Индии бесспорен.

Он, во-первых, в том, что именно здесь в древности сложилась одна из самых глубоких религий, насыщенная философскими размышлениями и рассуждениями. Религия древних индоариев, брахманизм, как известно, породила со временем индуизм и буддизм, не говоря уже о других, менее значительных религиях. А во-вторых, первенство Индии в ее исторической роли. Начавшийся много позже по сравнению с латиноамериканским, лишь где-то на рубеже XVII—XVIII веков, длительный процесс колонизации этого огромного субконтинента не привел к потере его многочисленным и разноязыковым населением столь дорогой всем идентичности. Это, как и позднюю, только в середине XX века, деколонизацию, да и политику Великобритании, можно считать основой того, что обеспечило в наши дни Индии ее быстрый и значительный успех в движении к модернизации в форме вестернизации. Необходимо подчеркнуть и более обстоятельно пояснить, в чем именно и как это проявилось.

Начнем с того, что на этот благотворный процесс оказывали в эпоху колониализма свое мощное влияние две вначале энергично конкурировавшие силы, два основных фактора. Первый из них — вышеупомянутая и очень весомая *религиозно-культурная традиция*. Точнее, даже не сама традиция, а ее идейно-институциональная мощь, опиравшаяся на систему духовно-интеллектуальных ценностей. Прежде всего имеется в виду даже не столько их внутренняя глубина, а именно краеугольная концепция кармы, определившая многие стороны жизни страны и народа, сколько степень толерантности и, соответственно, готовности внимать тому, что предлагают другие, стоящие вне норм этой традиции. Второй фактор — уже упоминавшаяся вскользь *политика метрополии, Британии*, с ее всемогущим парламентом, который принимал меры для того, чтобы радикально изменить издревле господствовавшую в колонии структуру, ликвидировав привычную для нее авторитарную власть аппарата администрации над бесправными подданными. Это делалось колонизаторами-англичанами в ходе реформ, которые ставили

целью создание буржуазной частной собственности и свободного рынка и были направлены на соблюдение всех содействующих этому правовых норм и институтов, включая изменение привычного характера администрации. Имеются в виду избравшиеся, вначале только частично, законодательные собрания, политические партии, неведомые людям гражданские свободы, независимый суд и многое другое, тесно со всем этим связанное.

Очень важно принять во внимание параллельное действие обоих факторов, ибо от этого зависели результат, темпы эволюционного движения. Гармоничное их сочетание, т.е. целенаправленное, длительное, последовательное либерально-демократическое влияние метрополии и высокая степень толерантности религиозной традиции, принесло в течение двух-трех веков ощутимые плоды. Стоит учесть, что *влияние метрополии* постоянно оказывалось более сильным, ведущим в том смысле, о котором идет речь. А начиналось оно в Индии с постепенного внедрения всего того, что нужно было для успешной модернизации в ее естественной в сложившейся ситуации практике вестернизации, — с индустриально-инфраструктурных преобразований. Впрочем, не пренебрегали англичане и важнейшими идейно-институциональными новациями антично-буржуазного стандарта. То и другое реализовывалось практически одновременно.

Тут существенно подчеркнуть, что, в отличие от буржуазного Запада, для страны, незнакомой с буржуазией и всем тем, что ей обязательно сопутствует, в ходе модернизации первичными должны быть все же преобразования индустриально-инфраструктурного характера, которые изменяют привычный облик городов, торговли и промышленности, традиционных коммуникаций и средств связи. А за всем этим следуют, как бы завершая процесс и внедряя его параметры в сознание туземного населения, фундаментальные идейно-институциональные принципы антично-буржуазной структуры, разительно отличающиеся от институционального фундамента привычной структуры власти-собственности с некоторой примесью феодальной системы власти (княжества). И если политика метрополии, как ведущий в процессе трансформации фактор, активно включается и последовательно реализуется, результат оказывается много более позитивным, чем в любом ином случае. Практика показала, что в Индии достижению такого позитивного результата способствовали благоприятно сложившиеся обстоятельства. В качестве метрополии выступала такая уважавшая права и свободы страна, как Англия, а традиции колонии отличались высокой степенью толерантности.

Индию, как и латиноамериканские республики, следует считать (если не иметь в виду переселенческие колонии европейцев) наиболее удачным вариантом модернизации вне Запада. При среднем уровне развития практически всех входивших в ее состав провинций, многих различных этносов с их языками и при необычайной мощи ее собственной религиозной идейно-институцио-

нальной традиции она была гармоничным и внутренне цельным социополитическим феноменом. Даже после исламизации (правда, ислам лег на Индию сверху сравнительно тонким слоем, обратив в свою веру меньшинство населения) эта огромная страна отличалась слабостью государства и власти центра, что обычно не свойственно исламскому стандарту. Впрочем, эта слабость не мешала субконтиненту сравнительно безболезненно существовать до тех пор, пока пытавшаяся подчинить всю Индию империя мусульманских падишахов не начала разваливаться. Это и стало фантастической удачей для англичан.

Ситуация оказалась донельзя подходящей для реализации ими в Индии своих интересов, сводившихся к эксплуатации природных богатств, а реализация этих интересов, в свою очередь, была невозможна без модернизации, которая осуществлялась как англичанами, так и охотно сотрудничавшими с ними местными политиками и кандидатами в буржуа. Созданная британцами довольно рано, еще в начале XVII столетия, Ост-Индская компания заключала с местными правителями договоры, позже принимались необходимые законы, что давало нужные результаты. Но главным из того, что обеспечило успех, было — уже много позже, в основном в XIX веке, — внедрение либерально-демократической Англией, и прежде всего лондонским парламентом, который внимательно следил за событиями на субконтиненте и создал со временем для этого специальное министерство по делам Индии, всего того, что было уже достигнуто в метрополии. Имеются в виду *генеральные принципы вестминстерского парламентского стандарта*.

Стандарт передовой во многих отношениях Англии, основы которого удачно вписывались в традиционную систему каст и княжеств и потому легко воспринимались национальными верхами, получавшими образование в созданных англичанами университетах и колледжах Индии и в лучших британских учебных заведениях, Оксфорде и Кембридже, прививался тем не менее не без трудностей. Но английский язык объединил говорившую до того на разных языках страну, а великие достижения мировой культуры, как и принципы либеральной демократии и партийного парламентаризма, становились благодаря настойчивой политике колонизаторов нормой. Вообще, язык метрополии, игравший очень важную роль в процессе объединения этнически разных частей колоний, особенно крупных, всегда способствовал европеизации и внедрению в жизнь местного населения многих элементов западной ценностной ориентации, сконцентрировавшей в себе, при всех необходимых оговорках, квинтэссенцию мировой культуры. *Язык, образование и культура были важной, даже необходимой частью политики, направленной на переориентацию колоний в сторону ускоренного развития и соответствующего изменения системы духовных ценностей хотя бы части местного населения.* И если иметь в виду Индию, сама судьба в лице вроде бы тормозившей развитие традиционной системы каст и княжеств стала способствовать успешному внедрению в число

норм, обычных для огромного субконтинента, основ британской либеральной демократии с ее столь желанным представительством всех социальных слоев и групп населения.

Индия может рассматриваться как почти идеальный пример успешной вестернизации колонии, сравнительно легко воспринявшей западный стандарт и заботливо сохраняющей это полезное приобретение вот уже многие десятилетия. Не сразу желаемое было достигнуто. Можно вспомнить о великом М. Ганди, возглавлявшем в XX веке индийцев, не желавших подчиняться колонизаторам, не забудутся и случавшиеся порой — к счастью, редко — жестокие репрессии. Но стоит заметить, что, после того, как страна обрела независимость и пережила болезненный, но вынужденный раздел ее на части, она практически не знала ни серьезных внутренних распрей, ни сколько-нибудь значительных внешних конфликтов. А сегодня, в современном мире, Индия занимает почетное место среди наиболее быстро и успешно развивающихся стран. И отношения ее с Англией остаются, о чем не стоит забывать, достаточно тесными.

Сложности и достижения Китая

Другая великая страна Азии, центр еще одной из немногих — всего трех — высокоразвитых восточных цивилизаций, имела несколько иную судьбу, заметно отличавшуюся как от Латинской Америки с ее слабой собственной идейно-институциональной базой, так и от Индии с ее изначально очень мощной религиозной философией и оригинальной, поражающей воображение духовной культурой. И если эти два огромных субконтинента сравнительно легко, хотя и по-разному пережили процесс модернизации и завершили его восприятием европейского антично-буржуазного идейно-институционального стандарта, то с Поднебесной империей, до предела самодостаточной и всегда ощущавшей себя таковой, дела обстояли совсем иначе. Вплоть до середины XIX века она была практически недоступной для иностранцев и лишь после так называемой *опиумной* войны (1840–1842) вынуждена была открыть свои порты, а затем и всю страну для освоения ее вначале англичанами, но сразу же вслед за ними и другими европейскими державами. Великая империя быстро начала превращаться в полуколонию.

Дальше события стали развиваться с исключительной быстротой и в крайне драматической форме. Сначала приток индийского опиума — откуда и название войны — привел к очень заметному оттоку серебра, что, в свою очередь, вызвало в сельском населении, платившем налоги в медной монете, чей эквивалент в подорожавшем серебре резко уменьшился, мощный взрыв возмущения. Попытки подавить недовольство привели к восстанию тайпинов, одному из наиболее серьезных в богатой движениями массового протеста истории

Китай. Тайпины, чье наименование восходило к древним представлениям о всеобщем миропорядке, оказались — что было очень неожиданным, но имело свои резоны, — под сильным влиянием полухристианского учения, которое было сформулировано предводителем восставших и призвало всех их действовать во имя некоего никому в Китае не известного Бога. Впрочем, ни идея Бога, ни учение предводителя Хуна сильного впечатления на тайпинов не произвели, так что их военные действия вошли в привычное для страны русло. Смысл движения, длившегося около полутора десятилетий, сильно взбудоражившего Китай и поставившего империю Цин на грань катастрофы, сводился не только к недовольству властями, но и к традиционному в таких случаях требованию равенства и благоденствия.

Естественно, власти и начавшие было укрепляться и строиться европейцы были заняты лишь тем, чтобы покончить с тайпинами, что в конечном счете им и удалось. Передышка после этого была недолгой. Она прошла под знаком так называемого *самоусиления*, т.е. активного строительства индустриально-инфраструктурной базы в стране, не имевшей представления о европейской античности и буржуа со всеми идейно-институциональными принципами и нормами их жизни. У китайцев никогда не было великой религиозной системы типа индийской. Но ее с успехом заменяло не менее великое учение знаменитого Конфуция (551–479 до н.э.), в центре внимания которого были социально-этические и политические идеи и идеалы. Смысл их, начиная с сыгравшего огромную роль в жизни Китая культа предков, подчеркнутого уважения к старикам и старшим, к умным и ученым, к иероглифу и тексту, к нормам поведения и ритуальному церемониалу, к самосовершенствованию и соревновательности, был очевидным для каждого и очень много значил. Понятно, что на таком фоне к европейцам, не слишком разделявшим все эти предпочтения, в Китае относились как к *заморским варварам*, т.е. с соответствующим и привычным высокомерием. По крайней мере, такое отношение было свойственно знатокам конфуцианства и высоколобым ученым-сановникам, прошедшим сквозь тройное сито государственных экзаменов.

Умные китайцы сразу же поняли преимущество современной техники, особенно военной, и приложили немало усилий для строительства arsenалов и верфей, создания сравнимой с европейскими армии. К концу века многое в этом отношении было сделано. Параллельно среди образованных китайцев росло недовольство династией, выдвигались даже требования реформ в западном стиле. Но верхушечное и недолгое движение за реформы в 1898 году было подавлено и довольно скоро на смену ему пришло нечто прямо противоположное. В народе, находившемся под влиянием не только конфуцианства, но и много более примитивного религиозного даосизма, проповедовавшего, помимо всего прочего, кулачные бои и разного рода талисманы, созрело острое недовольство варварами, которые пытались навязать стране свои порядки.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что на рубеже XIX–XX столетий в Китае вспыхнуло очередное восстание ихэтуаней (*боксеров*, как их называли иностранцы), направленное против европейцев. Восстание было вскоре подавлено, причем в основном объединенными усилиями европейских войск. Затем последовали крушение империи, активизация в Китае западных идей и революционеров разного толка, попытка внедрения предпринимательства и создания основ буржуазного индустриального производства в единственный, по сути, мирный период *нанкинского десятилетия* (1928–1937) и, в завершение всего, выход на авансцену коммунистов.

Здесь важно передохнуть и принять во внимание, что от переинтерпретированного Мао марксизма в этом варианте коммунизма, как было и столетие назад с христианством у тайпинов, осталась в основном лишь внешняя форма. Собственно, ничего другого от страны, являвшей собой *мировую деревню* и практически незнакомой со столь любимым Марксу пролетариатом, ожидать и не приходилось. Суть же ситуации, способствовавшей успеху, оставалась традиционной: скверная власть мешает народу достичь равенства и благоденствия — стало быть, эта власть должна быть уничтожена. И она была уничтожена под водительством Мао, прославившегося социальными экспериментами, которые ввергли великую страну в состояние невообразимого убожества и унесли жизни десятков миллионов людей. Спас Китай уже после смерти Мао Дэн Сяопин, который публично разяснил, что неважно, какого цвета кошка, а важно, чтобы она исправно ловила мышей. И этот прагматизм, не только не чуждый, но свойственный китайцам, по крайней мере со времен Конфуция, решительно изменил жизнь страны и ее старательного и трудолюбивого, но вместе с тем крайне неприхотливого многочисленного народа. Что такое современный Китай, ныне хорошо известно каждому. Конфуция и Дэна можно считать по американскому обычаю его *отцами-основателями*: один создал великую страну, другой возродил ее из состояния полного ничтожества. Но как же в свете всего сказанного обстоит дело с антично-буржуазными рыночно-частнособственническими традициями далекого Запада?

Вопрос более чем серьезный. Совершенно очевидно, что приоритет был отдан вначале, еще в XIX веке, основам индустриально-инфраструктурных буржуазных новаций, но попытка внедрения их усилиями иностранцев, не чувствовавших себя в Китае, подобно колонизаторам в колониях, хозяевами, — попытка слабая и не слишком конструктивная — не привела к заметным успехам. Скорее, напротив, вызвала силовое массовое сопротивление. А затем наступило длительное, в три десятилетия, время распространения в Китае различных западных идей, как содействовавших становлению антично-буржуазных идейно-институциональных основ, так и радикально этому препятствовавших. В таких условиях все усилия гоминьдановского правительства добиться упрочения западных основ в период нанкинского десятилетия, да

еще и в условиях начавшейся войны с Японией, заведомо были обречены на неудачу. А вот коммунистам все это сыграло на руку. Решительно отвергая чуждые стране основы, призывая к столь желанному социальному равенству и обещая последующее благоденствие, они попали в струю. Народ принял их обещания и пошел за ними. И все бы шло примерно так и дальше, если бы не Мао с его экспериментами.

Эксперименты Мао положили — правда, только после его смерти — конец китайскому коммунизму в том его виде, какой он принял еще в 30–40-е годы прошлого века. Дэн, как уже было сказано, сумел ввести старые идеи в принципиально новое русло прагматического отношения к жизни. А это отношение оказалось более близким к антично-буржуазному стандарту, нежели к обанкротившимся идеям марксизма. И результаты не замедлили сказаться. Сегодняшний Китай являет собой причудливое смешение антично-буржуазных, традиционных китайско-конфуцианских и утопических марксистско-большевистских, коммунистических идейно-институциональных традиций. Но, невзирая на все эти традиции, каждая из которых продолжает давать о себе знать и сильно влияет на великую страну и ее народ, во всем том, что касается индустриально-инфраструктурной модернизации, Китай уверенно лидирует. И никакие идеи и институты не в состоянии этому помешать. Прагматизм превыше всего. Пусть хорошая кошка исправно ловит мышей. Это, безусловно, самое главное.

Мир ислама в процессе вестернизации

И наконец, пришло время поговорить о последней из трех великих цивилизаций, об образе жизни с весьма жесткими традициями во всем, что только можно себе представить, — об исламе. Он возник намного позже остальных значимых религиозно-цивилизационных центров планеты и был — если говорить о мировоззренческой основе — не слишком оригинален, даже наполнен заимствованиями из двух других авраамических религий, иудаизма и христианства, что неудивительно. Однако количество таких заимствований (они хорошо видны при сравнении Корана с ветхозаветной и новозаветной частями Библии) с лихвой компенсируется теми вполне, даже *крайне* оригинальными мировоззрением и принципами повседневного поведения, которые в конечном счете сложились на бытовом уровне адептов новой религии. Едва ли уместно сейчас в подробностях напоминать об этом¹, но иметь в виду стоит,

¹ Желающие могут легко познакомиться с этими подробностями в многочисленных современных изданиях, касающихся религии, образа жизни и более чем заметной политической активности мусульман в наши дни. См., в частности, представления автора об этой религии: Васильев Л.С. История религий. М., 2008. С. 466–547, 776–779, 788–791.

ибо знать и понимать, что стоит за отчетливо видимой экстравагантностью мусульман, необходимо. Впрочем, речь пойдет сейчас в основном не об этом.

Знакомство с миром ислама, сформировавшимся как мощная и энергично заявившая о себе конфессиональная и социополитическая реальность в начале VII века, вносит немало нового в наше уже сложившееся представление о процессе модернизации. Прежде всего, необходимо не упускать из виду, что сразу же после своего рождения и распространения по Евразии и северу Африки мусульманство оформилось не только как вполне оригинальная цивилизация, но и, что неизмеримо важнее, вселенская умма, великая общность единоверцев. Она, эта конфессиональная и никогда не отличавшаяся толерантностью (Аллаху угодны только правоверные) общность, претендовала на исключительность и старательно делила мир на своих и всех остальных, неверных, предполагая объединение всего обращенного в истинную веру человечества в рамках единого всемирного халифата. И хотя в качестве текущего политического лозунга эта идея, насколько известно, не выдвигалась, экспансия мусульман и принципы их поведения, начиная с практики джихада, религиозной войны с неверными, явно свидетельствовали именно о такого рода намерениях.

И вот здесь-то и стала проявляться слабость вначале сплоченных великой идеей правоверных. Созданный ими в очень благоприятно сложившихся для этого условиях (крушение Западной Римской империи и немощь Восточной, Византии, не готовой к сопротивлению, что привело к быстрой и легкой исламизации почти всего христианизированного ближневосточного региона) халифат уже в VII–VIII и тем более в IX–X столетиях оказался нежизнеспособным и стал распадаться на части. Конечно, вновь возникавшие на его фундаменте государства, эмираты, султанаты, а то и халифаты вроде Кордовского, оставались исламскими. Но это не помешало им начать делиться на враждебные друг другу суннитские и шиитские, на секты и тарикаты, а то и вести друг с другом отчаянную междоусобную борьбу.

Очень важно в этой связи уловить главное: мир ислама в целом являл собой, как упоминалось, враждебную всем неверным вселенскую умму воинственных правоверных, готовых к религиозной войне, джихаду, с неугодными Аллаху. И хотя после первых десятилетий успешных военных действий завоевавшие немалую часть освоенной в те далекие времена азиатской, североафриканской и даже частично европейской ойкумены мусульмане были вынуждены – после битвы при Пуатье во Франции в 732 году – на этом остановиться, первое столетие воинственной активности мусульман оказалось более чем весомым. Правда, затем наступил период некоторой умеренности в политике, вызванной вполне естественными децентрализаторскими тенденциями в рамках гигантского халифата. Халифат, оказавшись как государство лишь следствием, даже функцией сильной религии, сила которой заключалась

прежде всего в ее нетерпимости к инаковерию, не только не стремился к какой-либо эволюции, но, напротив, выше всего ценил не просто даже дорогую Востоку консервативную стабильность, но наивысшую мудрость своего — времен обожаемого пророка, стоявшего у истоков ислама, — изначального существования.

И хотя это не помешало ему активно заимствовать многое из античного наследия, что вроде бы могло стимулировать его эволюцию в направлении, аналогичном западному, христианскому, на деле не произошло ничего подобного. Халифат постепенно как бы застывал, что негативно сказывалось на многочисленных султанатах, ханствах, эмиратах и прочих государственных образованиях, на которые он распадался. Хотя временами в ислам обращались новые страны и народы, а другие, как Индия или Византия, завоевывались мусульманами, о внутренней мощи таких стран, особенно после начала европейской колонизации, говорить уже не приходилось. Почему? Ислам как религия и цивилизация, при всей его внутренней сплоченности и силе, оказался наиболее консервативным и нетерпимым из всех. Он не видел смысла в эволюции. Это, разумеется, не означало, что развития не было. Более того, изначальная склонность арабов-бедуинов к торговле, на которой они в древности неплохо зарабатывали, осталась, что называется, в крови и неплохо отражена в тексте Корана. Но далее этого дело обычно не шло. Античные традиции не только не были усвоены, но, напротив, оказались начисто забытыми.

Понятно, что к эпохе колониализма ситуация существенно изменилась не в пользу мусульманских государств, многие из которых оказались колониями или, как Иран, полуколониями европейских держав. Независимой была лишь империя Османов, завладевшая в XVI столетии почти всеми арабскими странами. Одно время она даже всерьез угрожала благополучию Западной Европы. Однако затем, особенно после ряда неудачных для нее войн, включая русско-турецкие, ситуация стала заметно изменяться не в ее пользу. Примерно то же происходило с завоеванной мусульманами Индией, с североафриканскими арабскими странами Магриба и с колонизованными голландцами островами Индонезии. На третьем этапе европейской модернизации и в начале вестернизации мира вне Запада на повестке дня появился вопрос: как мир ислама принимает воздействие на него со стороны буржуазного Запада? Как выяснилось, очень по-разному.

Османская Турция и находившиеся вначале в составе этой империи государства арабского Магриба, в первую очередь многонаселенный Египет, а также мирно исламизованная сравнительно поздно голландская Индонезия, близкие к ним Малайя и небольшие страны Леванта оказались наиболее развитыми, в основном благодаря интенсивному давлению на них со стороны колониальных держав. Прибавьте к этому полуколонизованный Иран и исламские части Индии, превратившиеся в XX столетии в Пакистан и Бангладеш. И

по числу стран, и по населению это львиная доля мира ислама. Казалось бы, все в порядке, пусть и относительно. Все перечисленные страны были волею судеб как-то подготовлены к сближению с западноевропейским стандартом. Ведь влияние его на протяжении столетий не могло вовсе не сказаться на них, будь то независимая, но частично расположенная на территории Европы Турция или более далекие от европейцев Магриб, особенно Египет, а также, с оговорками, Иран и тем более давно колонизованные Малайя с Индонезией.

Но все дело в том, что для стран ислама, с их внутренне крайне замедленной эволюцией, были характерны активная и мощная религиозно-цивилизационная традиция и — пусть не на практике, но в принципе — сильное государство, опирающееся на много более сильную религию и фактически сливающееся с ней. Более или менее высокий уровень развития, хотя в разных странах разный, в немалой мере был создан усилиями колонизаторов, прежде всего англичан, но также голландцев или французов. Итог вполне заметен: во всех упомянутых и по уровню развития, при некоторых различиях, сравнительно сходных странах ислама мы встречаемся с мощным влиянием мусульманской традиции, где, как в Иране, крайне нетерпимой, где, как в Турции, склонной к реформам или, как в колонизованном, в сущности, Египте, относительно покладистой.

Вообще, сопротивление колонизаторам в мире ислама почти повсюду было гораздо более сильным — во всяком случае, на первых порах, причем достаточно долго, — нежели вынужденное обстоятельствами приспособление. Но в XIX—XX веках и оно давало о себе знать. В Алжире, Тунисе, Марокко приспособлению активно содействовало появление значительной прослойки колонистов из стран Европы, в Египте и Леванте — длительное и сильное влияние британских и французских колонизаторов, а в Индонезии — голландцев. Во всех этих странах, включая и Малайю, описанный уже на примере иных стран вне Запада процесс последовательной и приводившей к ускользающему развитию вестернизации был более чем ощутим. Но каким он был, как он сказывался?

Стоит повторить: было по-разному. Наибольшие плоды вестернизация принесла в Турции, где после крушения Османской империи в начале XX века радикальные и направленные против традиций ислама реформы знаменитого М. Кемаля Ататюрка преобразили страну, добившуюся огромных успехов в процессе многогранной вестернизации. Аналогичных результатов, пусть отчасти и уступающих турецким — особенно в том, что касается отношения к традиционному исламу с его амбициями, — демонстрировал и Египет. Другие страны пытались, порой не без успеха, что можно видеть на примере современных Малайзии и Индонезии, в недавнем прошлом и Пакистана, сочетать приверженность исламу с достаточно активной вестернизацией. Однако при этом они в большей степени, нежели Турция или Египет, осо-

бенно в том, что касается основ ислама, предпочитали оставаться мусульманскими, причем в собственном ключе. Впрочем, Пакистан и даже Турция с Египтом в последнее время начинают склоняться, каждая страна по-своему, обратно в сторону ислама. Примерно такой же вариант, но порой с еще более явным акцентом на приоритет ислама, встречается в других современных мусульманских странах, будь то Магриб, Центральная Азия, Тропическая Африка или Кавказ.

Особая модель эволюции специфична для вчера еще крайне отсталых, но ныне благодаря потоку нефтедолларов резко вырвавшихся вперед по уровню и степени модернизации небольших стран Аравийского полуострова — Саудовской Аравии, Катара, Кувейта либо Эмиратов. Там умеренный ислам, иногда, как в Аравии, с акцентом на чистоту первоизданной религии (речь о ваххабитах), не препятствует процессу активной модернизации, ведущей к неслыханному обогащению малочисленного населения, потомков кочевых бедуинов. Но вот о вестернизации приходится говорить особо. В ряде стран, отсталых, как Афганистан, и не очень, как ближневосточный Левант, не говоря уже об Иране, ислам на рубеже XX—XXI веков начал набирать силу. Многих жителей этих и некоторых других государств ислама объединяет истовая преданность фундаменталистскому восприятию религии в сочетании с немалой порой долей фанатичного экстремизма и ненависти к западным стандартам. Показательно, что особенно ненавистна та сторона стандарта, которая касается фундамента вестернизации, т.е. идейно-институциональная. А индустриально-инфраструктурная, особенно имеющая отношение к вооружениям и вообще к военной мощи, не столько приветствуется, сколько активно воспринимается. Выходцы именно — во всяком случае, в первую очередь — из стран этой группы наиболее энергично пополняют ряды исламских фундаменталистов — экстремистов и террористов, в том числе и шахидов, готовых к самопожертвованию во имя Аллаха.

Для ислама как цивилизации (а религиозно-цивилизационный аспект в мусульманской части человечества особенно силен, вплоть до насильственных действий по отношению к любому сомневающемуся отступнику, чего со времен сравнительно недолговечной католической инквизиции нигде и никогда более не было) характерен застой. Поэтому все то, что можно считать плодами вестернизации, причем в основном не в сфере идей и институтов, а в индустриально-инфраструктурном аспекте, мусульмане обычно не изобретают сами, а приобретают у других. Но при этом ислам как религия наиболее притягателен и лучше всего приживается среди самых отсталых народов, он в некотором смысле может считаться наиболее ярким олицетворением *мировой деревни*. Поэтому нет ничего удивительного в том, что количество мусульман в современном мире постоянно растет и, по подсчетам демографов, недалек тот час, когда оно достигнет третьей части возрастающего в числе человечества.

Россия и проблема модернизации

Россия принадлежит к числу немногих стран, в которых власть-собственность как генеральная структура господствовала всегда и существует в наши дни. Только два небольших, хотя и исторически крайне важных периода ее более чем тысячелетней истории были отмечены появлением и существованием рядом со структурой власти-собственности другой и, как то ни покажется невероятным, в конечном счете антично-буржуазной по происхождению и рыночно-частнособственнической по сути структуры. Первый раз это случилось в пореформенное время, на грани XIX–XX веков, а второй — вслед за крушением СССР. В обоих случаях сосуществование двух структур реализовывалось в форме господства генеральной восточной структуры и общества восточного типа при довольно робких попытках внешнего чужого буржуазно-демократического влияния как-то утвердиться на территории России и, не претендуя на господство, попытаться сохранить завоеванные позиции. Не вполне ясно, что сулит России неведомое будущее, но сегодня очевидно, что прежняя генеральная структура продолжает оставаться господствующей, а отечественная буржуазия, хотя и появившаяся, причем в весьма непритязательном виде, сильно зависит от власти. О господстве рыночно-частнособственнической структуры с сопутствующими ей антично-буржуазными нормами правовой культуры, независимым судом, свободами и демократией, с соблюдаемыми честно избранной властью процедурами речи пока нет. Соответственно, модернизация нашу страну затронула крайне однобоко, и тут самое время задать главный для России вопрос, который веками остается одним и тем же: *почему так получилось?*

Генеральная структура власти-собственности функционировала в России несколько иначе, чем в других странах, что можно считать уникальным в своем роде. И именно это обстоятельство послужило той основой, опираясь на которую эпигоны марксизма сумели использовать в России не оправдавшую себя на Западе теорию. И снова тот же вопрос: *почему коммунистам это удалось?* Когда идет речь о процессе модернизации на планете, статусу столь крупной державы, как Россия, следует уделить специальное внимание.

Начнем с того, что русское протогосударство в облике Киевской Руси было во многом сходным не столько с Византией, на традиции которой оно стало опираться после принятия христианства в его восточно-православной греческой версии, сколько с постпервобытными обществами с привычными для них нормами существования. Слабая власть варяжских князей из рода Рюриковичей при отсутствии опыта в системе управления, сколько-нибудь развитой администрации и необходимой для нормального функционирования государства инфраструктуры способствовала формированию в стране варианта власти-собственности с децентрализованной редиистрибуцией. Иными словами, в Киевской Руси возникла феодальная социополитическая система в ее

примитивной модификации, со специфическими формами наследования власти, связанными с борьбой Рюриковичей за киевский стол.

Русью управляли князья, у которых наследование по отцовской линии постоянно пересекалось и соперничало с принципом наследования по родовому старшинству с учетом неравенства поколений. Такая ситуация вела к ожесточенной междоусобной борьбе соперничавших между собой родичей за великокняжеский стол в Киеве. На основе ветвившихся княжеских семейно-клановых коллективов возникал внушительный слой князей и бояр, наследственной знати феодального типа. А постоянное соперничество князей с боярами и разными дружинами за великокняжеский стол (подчас к этой борьбе привлекались отряды викингов из далекой Скандинавии) вело не просто к раздорам и разрозненности, но к подозрительности, ненависти и постоянной готовности воевать за свои права. Все это продолжалось долго и не закончилось даже после того, как на съезде князей в Любече в 1097 году они согласились, что наследование правителю в каждом княжестве должно происходить отдельно. Борьба за великокняжеский престол не прекратилась. Договоренности не соблюдались, а де-факто вместо той Киевской Руси, которую мы привыкли себе представлять как все же нечто единое и цельное, возникла сумма родственных, но не слишком радушно, а то и вовсе враждебно настроенных друг к другу княжеств. Это создало условия для разгрома Киевской Руси татарами, которые жестоко поиздевались над пленными русскими князьями, устроив на их связанных телах после победы на Калке в 1223 году помост для празднования.

Татаро-монгольское нашествие привело к подчинению князей и бояр власти Золотой Орды, но не прекратило междоусобных столкновений. Князья по-прежнему, теперь уже с помощью ордынских ханов, стремились завладеть ярлыком на престижное великокняжеское правление. Влияние восточных хозяев Руси в это время было очень сильным и — во многом благодаря политике иерархов православной церкви и Александра Невского — весьма способствовало решительной ориентации Руси на кочевников Востока с их близкими к первобытности принципами жизни и традициями. Здесь стоит обратить внимание на разницу: если на Западе христианские миссионеры, вооруженные античными традициями, способствовали энергичной аккультурации кочевников, то на Руси осевшие на Волге ордынцы не только задавали тон, но и успешно действовали таким образом, чтобы чему-то вроде «аккультурации» было подвергнуто население Руси.

Такого рода ситуация в условиях отсутствовавшей в стране частной собственности укрепляла структуру власти-собственности в ее феодальном варианте. Отсутствие античных традиций, давно уже пришедших в упадок в самой Византии, было основной причиной того, что на Руси не получила должного развития городская культура. И это притом, что, не говоря уже о

Новгороде, Киев был центром торговых путей, как с севера на юг (из варяг в греки), так и с востока на запад. Можно напомнить, в частности, об иудейской общине, которая существовала в этом городе с благословения и явно при поддержке Хазарии именно в то время, когда возникала Киевская Русь. Иными словами, сама судьба как бы благословляла Киев стать в конце первого тысячелетия важным торговым центром европейского масштаба. Но он таким центром не стал. Сравнивая ситуацию в Киевской Руси с ранними городами у франков времен Меровингов и Карла Великого, можно было бы сказать, что и там города как торговые центры в это время еще не сложились. Речь, однако, не о городах как крупных поселениях, но именно о городской культуре в ее антично-западноевропейском смысле.

В Западной Европе, и особенно в Ломбардии, на развалинах Рима, возникали города именно такого типа. А первые русские города, кроме — да и то с необходимыми оговорками — Новгорода, не отличались ни сильной традицией правовой культуры, ни тем более представлениями об античных принципах свободы и демократических нормах. Эти города, как на Востоке, были центрами княжеской власти и православной церковной иерархии. В них не было античной основы, которая сыграла в городах на Западе решающую роль в процессе эволюции их самоуправления. И стоит заметить, что, когда многие из расположенных в западной части княжеств потянулись от татар в сторону Литвы, где они составили значительную, даже преобладающую часть Литовской Руси, эта часть имела поначалу немало преимуществ. Во всяком случае, города со временем обрели там принятое в Восточной Европе самоуправление по нормам Магдебургского права, чего не имел в Ордынской Руси ни один город.

После освобождения от татарского ига княжеско-боярская Русь начала обретать новые формы существования. Московская Русь времен Ивана III и особенно его внука Ивана IV Грозного обрела форму централизованного варианта структуры власти-собственности. Но после уничтожения Грозным почти всех своих соперников-князей и феодалов-бояр она лишилась легитимных правителей из рода Рюриковичей. Наступила Смута, состояние, близкое к анархии и гибели государства. Но страна выстояла благодаря древним, восходившим к язычеству народным собраниям, о которых нам известно на примере новгородского вече. В летописях мало сказано о таких вече, но, по мнению специалистов, они все же существовали в латентном виде. Кузьма Минин, взяв на себя функции руководителя возрожденного им общерусского вече, сумел воззвать к патриотическим и религиозным чувствам народа и добиться того, чтобы перед угрозой потери национальной идентичности население страны сплотилось и дало отпор временщикам и иноземцам. Ополчение, собранное, как известно, на пожертвованные средства и возглавленное князем Д.М. Пожарским, покончило со Смутой, после чего Земский собор избрал царем Михаила Романова.

С династией Романовых Россия вступила в новый период своего существования. Произошла трансформация структуры власти-собственности, суть которой свелась к замене боярско-княжеского довольно специфического феодализма еще более странным на общепринятом фоне феодализмом помещико-дворянским. Принципиальный смысл этой трансформации, сопровождавшейся становлением частной собственности дворян на землю и работавших на ней крепостных, сводился к тому, что дворяне, формально вначале обязанные военной службой, стали институциональным фундаментом того варианта структуры, который начал возникать со времен Грозного. Они, даже если уже не служили (служба после подписанного Петром III манифеста 1762 года перестала быть обязательной, а в гражданской сфере даже стала неплохо оплачиваться), были причастны к власти, оставаясь привилегированным слоем общества, не платившим налогов. А высшая их часть, нередко, хотя и не обязательно титулованная, являла собой основу аппарата управления страной и ее могущества. Это объясняет, почему позорное крепостное рабство долго было невозможно ликвидировать. Кто бы ни думал об этом, начиная с Екатерины II и ее внука Александра I, сталкивался с неразрешимой проблемой дворянства, единственной надежной опоры трона.

Русские цари, начиная с первого императора и великого реформатора Петра I, заботились о том, чтобы преодолеть отставание России от передового предбуржуазного Запада. Хорошо известно, какими варварскими методами Петр «прорубал окно» в Европу. Он достиг многого и заслуженно остался в памяти великим. Но заложить основу буржуазной рыночно-частнособственнической структуры он не хотел, да и не мог. Рождавшаяся его усилиями казенная или полуказенная промышленность не имела шансов превратиться в буржуазную или хотя бы в предбуржуазную, свойственную городской экономике Запада. В России, остававшейся самым близким по ряду параметров к Западу большим государством с обществом восточного типа, средоточием *мировой деревни*, на протяжении всего XVIII века не было рабочих. Их замещали приписанные к производству крепостные. Екатерина II, которая много сделала для процветания России, воспринимала идеи Просвещения и была, в общем-то, совсем неплохой правительницей, в главном деле — в европеизации империи — не преуспела. Превратить дворянскую Россию в предбуржуазную было выше ее сил. Французская же революция настолько ее напугала, что она и думать об этом перестала. И ее можно понять: кто в России рубежа XVIII—XIX веков всерьез опасался, что без радикальных перемен она покатится вниз? Разве что Радищев, этот «бунтовщик хуже Пугачева»! С Радищевым Екатерине явно было не по пути.

Тем не менее в стране кое-что менялось. Достаточно напомнить, что русские дворяне, освобожденные от унижительных физических наказаний, обрели неписаное право выяснять отношения друг с другом на дуэли. Это, в общем-то, многого стоило. Благодаря изменению представлений о чести и достоинстве Россия

обрела поколение великих людей, воспитанных на чуждых стране антично-демократических традициях, начиная с Пушкина и Лермонтова. Еще более кардинально ситуация изменилась после наполеоновских войн, когда русские побывали в Европе и, в частности, в Париже, где лучшие и умеющие думать — очень немногие, цвет дворянства — увидели, чем отличается Россия с ее крепостными рабами от революционной буржуазной континентальной Европы. Следствием этого было выступление декабристов, но, поскольку оно завершилось провалом, крепостное право, продолжавшее воспроизводить людей, пребывавших в состоянии глубоко архаического восприятия мира, по-прежнему тормозило развитие страны. Лишь поражение в Крымской войне, за которым последовали великие реформы Александра II, положило начало переменам.

Однако в результате этих реформ буржуазная рыночно-частнособственническая структура со свойственными ей правами, свободами, демократическими институтами и процедурами возникнуть не могла, хотя предпосылки для этого были созданы. Со времен декабристов и Пушкина, высоко ценившего свободу и воспевавшего порядки античности, Россия шла к западным стандартам, но, естественно, без сыгравшего столь заметную роль в колониях энергичного воздействия со стороны западноевропейских держав. В стране медленно вызревали условия, необходимые для успехов и процветания буржуа. Отсутствовавшую буржуазию пыталась заменить радикально настроенная интеллигенция. Но помочь вчерашнему крепостному встать на ноги было очень нелегким делом. Пореформенная Россия — как и почти вся планета в то время — начала, пусть со скрипом, двигаться в этом направлении. Однако движение не только давалось с огромным трудом, но и постоянно наталкивалось на разного рода препятствия, от реакционеров, стоявших на защите самодержавия, до террористов, стремившихся силой ускорить его падение, или родившегося в конце XIX столетия поколения большевиков, переинтерпретировавших марксистский коммунизм применительно к нуждам *мировой деревни*. Лишь в начале XX столетия, казалось бы, наступило время, когда Россия стала понемногу преобразовываться. П.А. Столыпин просил у судьбы хотя бы пару десятилетий для того, чтобы его реформы сдвинули страну с мертвой точки. Но судьба была безжалостной и к нему, и к России.

И вот наступил трагический момент. Сначала Первая мировая война, которая потрясла страну и очень больно ударила по только-только начинавшим проявлять себя либерально-демократическим институтам рождавшейся буржуазной структуры, в частности по Думе. Затем к власти после вызванных февралем 1917 года потрясений пришло неумелое Временное правительство, боявшееся и народа, и армии, и более всего так называемых советов с распоясавшимися радикалами, включая большевиков. Все завершилось трагедией октябрьского переворота, в результате которого слабая буржуазная структура

была уничтожена. На этом первая попытка сосуществования двух структур завершилась полной победой традиционной для России структуры власти-собственности с централизованной редистрибуцией. Мало того, произошло нечто удивительное.

Власть-собственность под влиянием экстремистско-утопической теории переинтерпретированного большевиками марксизма совершила крутой вираж и оказалась на уровне тех древневосточных полупервобытных государств с обществами примитивно восточного типа, которые еще не были знакомы с частной собственностью. Последняя, если не считать нескольких лет НЭПа, была, в соответствии с доктриной, запрещена. После НЭПа в рамки структуры были введены восточные формы деспотизма и произвола, что превратило Россию в первое в истории человечества тоталитарное государство. Тоталитаризм — все его немногие типы, проявившие себя со столь бурными всплесками в XX веке и сходные друг с другом (сходство прежде всего в апелляции к массам, социально-психологически близким к псевдосоциализму *мировой деревни* и, соответственно, полным ненависти по отношению к различным слоям *мирового города*, будь то буржуазия, интеллигенция или всегда преуспевающие евреи), — стал с легкой руки большевиков едва ли не знаменем кровавого XX века. Правда, традиционная жесткая древневосточного типа российско-советская администрация обливалась сахарным сиропом коммунистических обещаний светлого будущего, во что многие верили, причем достаточно долго. Но в реальности вся власть в стране принадлежала — как то было и в других тоталитарных и близких к тоталитаризму странах этого века — партии *нового тунга*, т.е. не свободной и склонной к честной конкуренции политической партии, а аппарату жесткой администрации, не терпящей никакого соперничества.

Только те, кто был причастен к власти, обладали правом распоряжаться все-народной собственностью. Что же касается проблем модернизации, то они решались односторонне, однобоко. Западные идеи и институты оказались не нужны, а заимствование индустриально-инфраструктурных достижений с Запада шло избирательно и с явственным уклоном в сторону военной техники. Это не могло не привести все страны и общества такого типа к крушению. Но оставим других и взглянем на коммунистические государства. Дело в том, что в России, как и в тех странах Востока, где колониализм не пустил глубокие корни, как в Китае, и где коммунизм не сталкивался с мощным противодействием со стороны сильной религии вроде ислама, к западной буржуазии относились особенно враждебно. Она и связанные с ней идейно-институциональные принципы модернизации (иначе обстояло дело с индустриально-инфраструктурным достижениям) были чужды таким странам. Пусть в стране не было передового, а то и вначале вообще почти никакого пролетариата. Разве это важно? Согласно переинтерпретированной большевиками марксистской теории главное в том, чтобы при любых обстоятельствах уничтожить ненавистную буржуазию.

А дальше видно будет. И вот с этими идеями, с идеями всепланетной *мировой деревни*, восходившими к первобытным мечтам о справедливости и равенстве, вошла немалая часть слабо еще развитого в России крестьянского мира в XX столетие. И не просто вошла. Антибуржуазные теории, подпитываемые далеко не вполне пролетарским вариантом марксизма, стали очевидной основой для многих бурных взрывов этого столетия, что стоило народам сотен миллионов жизней и завело их в тупик, выбраться из которого оказалось непросто.

После крушения СССР, когда, казалось бы, наступило долгожданное время возрождения России, многие надеялись на лучшее. Увы, возрождение приостановилось всего через десяток с небольшим лет. Руководители страны вновь отказались всерьез воспринимать идейно-институциональные нормы антично-буржуазного Запада и общества западного типа, способные стать основой для кардинальных преобразований. А без этого фундамента эволюция и тем более модернизация (а это для России, как и для всего Востока, вестернизация) затормозились. Легко дававшаяся сырьевая экономика начала вытеснять все остальное.

Есть ли выход? Разумеется, он есть. Для того чтобы Россия не отставала от других стран и сумела полностью воспринять достижения буржуазной модернизации, нужно не так уж много. Следует изменить политику и начать приучать население к тому, что без идей и институтов, соответствующих западному либерально-демократическому антично-буржуазному стандарту, Россия вскоре безнадежно отстанет в развитии и рискует вообще перестать быть державой, с которой следует считаться. Пока еще далеко не все потеряно. Важно, не упустив время, начать. Народ, изувеченный советско-коммунистическим надругательством, измороженный историей, выпавшей на его долю, привык к радикальным переменам и, конечно, смог бы, на что есть основания надеяться, сделать нужные усилия для того, чтобы выбраться наконец из ямы, в которой его так долго держали. Но шансов на это немного. В отличие от мира ислама обезлюдевшая после бесчеловечных экспериментов большевизма и мировых войн Россия численно не возрастает, напротив, быстрыми темпами вырождается. Ее лучшие люди, сохранившие в себе душевные силы, стараются покинуть страну. К сожалению, многое говорит за то, что трудно рассчитывать на успех.

Итоговые замечания

Варианты, о которых выше шла речь, не исчерпывают многообразия форм современной модернизации и вестернизации. Можно было бы, к примеру, обратить особое внимание на полуфеодальную Японию с ее интересом к западному, голландскому (острова Индонезии неподалеку) буржуазному стандарту и с чрезвычайно быстрым усвоением основ модернизации. Но не в этом была цель автора. Главное, чего он стремился добиться, — продемонстриро-

вать принципиальное сходство и типологические различия многочисленных модификаций модернизации в разных странах, развивавшихся не по западной антично-буржуазной модели и потому незнакомых с теми преобразованиями, которые могли явиться лишь результатом многовековой активности буржуазии. Принципиальное сходство в том, что если условий для формирования и процветания собственной буржуазии — как и вообще для появления ее не с *деньгами*, а с *капиталами* — не было, то без посторонней помощи просто не могли быть реализованы импульсы соответствующего вызова. Поэтому речь в главе шла именно о вестернизации мира вне буржуазного Запада.

Но буржуазная модернизация, независимо от того, как, когда и кем она была вызвана к жизни и насколько ей соответствовали либо противоречили исходные религиозно-цивилизационные принципы, нормы обыденной жизни и духовно-интеллектуальные предпочтения (хотя, безусловно, касты, традиции почтения к старшим и к семье, нефтодоллары или крепостное право играли свою роль в ее успехах либо неудачах), в конечном счете всегда вела к ускорению темпов развития. Это значит, что, коль скоро многие в мире встали на этот путь, человечество в целом начало идти вперед быстрее. Шаги истории ускорились. Скорость, с какой стали появляться одна за другой новации, причем теперь во всемирном или почти всемирном масштабе, увеличилась. И стремительно начал меняться весь мир.

Однако, приняв сказанное во внимание, нельзя не заметить, что продвижение в сторону вестернизированной модернизации в той степени, в какой это оказалось доступным той либо другой стране или группе стран, не равно достижению одинаковых успехов на этом пути. Что касается стран Запада, то они еще в XIX веке сумели добиться очень многого, отчего для них все это столетие стало своеобразным триумфом принципиально новой системы социальных, политических, экономических и других отношений в обществе и государстве. Из остальных государств многого в этом же направлении на рубеже XIX–XX веков достигла разве что всегда стоявшая особняком Япония, ну, и еще Южная Корея. Судьба большинства других стран в мире вне Запада была сложнее. В разных регионах и даже в соседних государствах одного и того же региона она складывалась, конечно, по-разному, но для всех, как правило, было характерно то, что процесс вестернизации затягивался. Мало того, он осложнялся тем, что западный антично-буржуазный стандарт воспринимался часто как чуждый, а то и враждебный. Это было особенно характерно для России после 1917 года, в меньшей степени — для Китая между 1949 и 1978 годами и в очень значительной степени — для многих мусульманских стран. Как показала история последних десятилетий, такое восприятие жестоко мстило и продолжает мстить соответствующим странам (прагматичные китайцы сумели это понять и преодолеть гораздо раньше других), и тем не менее вплоть до сегодняшнего дня оно никуда не исчезло.

Но вернемся чуть назад. Итак, к XX веку мир подошел очень неодинаковым. С одной стороны, человечество в целом достигло необычайных высот. С другой — это не было еще воспринято как всеобщее благо. И на стыке двух разных отношений к буржуазной либеральной демократии появилась, вначале на Западе, а затем и вне его, иная, уже не вполне традиционная, мощная и восходящая не прямо к Востоку и не только к нему оппозиция, принципиально осуждавшая новации. Эта оппозиция, в окончательном своем виде сформировавшаяся уже в начале XX века, не столько выступила против модернизации в целом, тем более ее индустриально-инфраструктурной составляющей, сколько стала энергично отвергать ее основу, сердцевину, т.е. либеральную демократию и весь антично-буржуазный фундамент, *без которых успех модернизации в принципе невозможен*. Специфика этой новой оппозиции проявилась в том, что она — в отличие от большинства народов вне Западе — не апеллировала к далекому прошлому, к корням. И более того, не стояла на страже консервативной стабильности, но, напротив, откровенно ратовала за радикальные перемены. Однако это были такие перемены, которые требовали решительного отказа от всего того, что было фундаментом модернизации. Ситуация напоминала известную басню Крылова о свинье под дубом.

Но басня басней, а реалии XX столетия, во многом определенные именно этой нетрадиционной оппозицией либерально-демократическому буржуазному миру, оказались страшными. Сначала появились режимы правого и левого тоталитарного толка, которые, до зубов вооружившись за счет техноконструктивных возможностей, открытых перед ними все той же западноевропейской буржуазной индустриально-инфраструктурной модернизацией, стали откровенно пренебрегать гуманностью и социальными благами, которые со времен их зарождения в античности и возрождения в эпоху Ренессанса пользовались подчеркнутым уважением там, где успешно закладывался фундамент этой модернизации. Тот фундамент, благодаря которому такая модернизация только и могла достичь уровня, соответствовавшего заложенным в ней потенциям. Вопрос о том, почему оппозиционные и, как правило, бесчеловечные тоталитарные режимы появились и сумели в XX столетии достаточно долго просуществовать, не говоря уже об их пережитках в наши дни, — отдельный и вполне самостоятельный. Но в связи с изучением проблематики, связанной с модернизацией, его нельзя игнорировать. Более того, если рассматривать его в контексте извечной оппозиции модернизации, для чего есть основания, то события XX века вполне могут быть восприняты и интерпретированы таким образом, что тоталитаризм как феномен окажется ответом на корректирующий вызов Природы. Но о каком вызове может идти речь и почему он был сделан? Вопрос непростой, но далеко не напрасный, ибо ответ на него в некоторой степени способен прояснить то, что случилось с человечеством в XX столетии.

ГЛАВА 5. ЗАВЕРШЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ПРИРОДА

XX век, как уже отмечалось, это время высших достижений буржуазной модернизации во всех ее аспектах. Запад достиг очень высокого уровня благосостояния, причем особенно заметным было индустриально-инфраструктурное его процветание, включая достижения в сфере военной техники и расширявшееся производство принципиально новых средств ведения войны. Вообще, вспоминая этот уже ушедший в прошлое век, столь богатый драматическими событиями и столь щедро орошенный кровью сотен миллионов людей, трудно уйти от мысли, что он был чем-то вроде сурового предупреждения всему человечеству, которое до того отличалось беззаботностью, доходившей порой до состояния эйфории.

Разумеется, в мире и в XIX столетии было далеко не все гладко. Многие страны и народы все еще оставались лишенными тех благ, которые уже стали достоянием буржуазных стран Запада и которыми пользовались государства, хорошо знакомые с либерально-демократической системой власти. Но и вне Запада многое тогда находилось в состоянии решительных и очень позитивных преобразований. Опутывались сетью железных дорог и телеграфных линий огромные, в том числе и безжизненные до того территории, строились большие, современного типа города с благоустроенным жильем, причем везде, вплоть до Тропической Африки. Существенных успехов добилась медицина и вся система здравоохранения, начиная — что крайне важно — с элементарной санитарии и гигиены. Все эти и огромное количество других весьма существенных для улучшения жизни людей новаций щедрым веером рассыпались по миру. И хотя эти преобразования не везде последовательно вели к модернизации, а кое-где даже выказывали склонность к противостоянию ей, в XIX веке генеральная тенденция была все-таки в пользу движения вперед. А это движение — причем двигались практически все, кроме разве что самых отсталых народов, наподобие аборигенов Австралии или негров Тропической Африки, — тогда означало нечто вполне определенное: заимствовать у Запада все полезное, облегчающее жизнь. Правда, вместе с тем и то, что способствует военному усилению (тут, разумеется, речь не идет о колониях, а они в мире вне Запада едва ли не преобладали).

Конечно, не следует слишком преувеличивать щедрость этого рога изобилия. Не следует потому, что далеко не все даже на передовом Западе полной пригоршней черпали то, что потенциально уже можно было использовать во благо каждого. А также потому, что вне Запада ко всем чуждым туземному населению новациям очень многие продолжали относиться с настороженностью, не стремясь к ним приобщиться без серьезной надобности. Это вполне понятно, так как чужое воспринимается и тем более прививается с трудом,

далеко не сразу. Более того, иногда с помощью пулеметов. Поэтому есть основания выразить сочувствие всем тем народам и странам вне Запада, которые были лишены — часто без своего на то согласия — привычных условий бытия и затем оказались втянутыми в безжалостную машину решительного переустройства привычного для них образа жизни.

Но, учитывая все вышесказанное, стоит в порядке резюме сделать очень существенный итоговый вывод: к концу XIX столетия людям на планете стало жить лучше и потому их стало рождаться и, главное, выживать намного больше. *Причем преимущественно и даже в наибольшей степени это коснулось самых бедных и отсталых стран и народов, которым, чтобы достичь успеха в процессе борьбы за существование, требовалось не слишком многое и которые это немногое получили благодаря западноевропейской буржуазии с ее производственно-предпринимательскими и индустриально-инфраструктурными преобразованиями в рамках всей планеты.* И вот этот важный вывод следует принимать во внимание при попытке объяснить очень многое из того, что случилось в XX столетии.

Проблема баланса в конце XIX и первой половине XX века

Начало XX века, казалось, не предвещало никаких тревожных и тем более страшных для человечества событий. Но, как хорошо известно, понадобилось менее полутора десятилетий для того, чтобы нечто угрожающее не просто появилось вроде бы почти из ничего, но на долгое время стало определять ход событий, причем практически во всем мире. Какую роль сыграли в этом модернизация, вестернизация и многое из того, что было с ними тесно связано? И как все события, столь жестко и в течение столь долгого времени влиявшие на состояние дел в мире, были связаны с проблемами вызова и баланса? Возвращаясь к XIX столетию, просто необходимо справедливо оценить то, что привело к переменам в мире благодаря активности буржуазии и энергично поддерживавшихся ею интеллектуалов и творческих личностей. Важно при этом не только учесть — о чем уже было сказано — позитивные новации во всех сферах жизни и в подавляющем большинстве государств, равно как и обществ, еще незнакомых с государственностью. Существенно также, не обходя острые углы, ответить на вопрос: не слишком ли дорогой ценой были оплачены достижения этого столетия, отмеченные в истории? Иными словами: какова цена перемен и приспособления к ним?

Отвечая на этот, пожалуй, важнейший в истории человечества вопрос, необходимо заметить, что все познается — и оценивается — в сравнении. И если взять за основу именно этот критерий, то окажется, что во многих странах, не пожелавших принять буржуазный стандарт XIX века и, в частности, отдавших

в XX столетии дань фашизму и марксистской утопии, были в ходе варварских социальных экспериментов уничтожены десятки, если даже — считая всех вместе — не многие сотни миллионов людей. Такой масштаб цифр несопоставим с теми человеческими жертвами, которые можно было бы поставить в счет мировой буржуазии. В то же время польза, принесенная буржуазией человечеству, очевидна. Благодаря буржуазным преобразованиям вся планета стала заметно выравниваться в том, что касается приемлемого жизненного стандарта. А убедительное этому свидетельство — ускоренные темпы демографического роста. Впрочем, любые сопоставления и подсчеты лишь часть проблемы.

Они говорят о том, что восходившая к античности и оказавшаяся уже на рубеже XIX—XX веков близкой к завершению всепланетарная модернизация на третьем и в некотором смысле последнем ее этапе (далее — уже нечто иное, новое, с трудом постижимое) может и должна быть оценена положительно. Запад — только и именно он, что не грех всем постоянно принимать во внимание, дал адекватный ответ на длительное время стоявший перед человечеством вызов и стимулировал ускорение темпов его поступательного развития, причем во всех мыслимых направлениях. Мало того, тот же Запад, с его фундаментом в виде идейно-институционального потенциала антично-буржуазного происхождения, осуществил энергичный натиск на все остальное население планеты и сыграл решающую роль в том, что мир в целом, за редкими исключениями, оказался в состоянии начать путь в сторону новой, антично-буржуазной рыночно-частнособственнической структуры. И хотя населению мира вне передовых западных стран — своего рода гигантской периферии наподобие древней ближневосточной хоры эпохи эллинизма, привыкшей к образу и ритму жизни, которые складывались в течение многих тысячелетий, — перемены могли показаться и чаще всего казались лишними и ненужными, объективно этот процесс был благотворным и для него, этого населения, тоже.

Но проблема констатацией этого факта отнюдь, к великому сожалению, не исчерпывается. У этой проблемы есть и другая сторона. Уже конец XIX столетия, когда практически весь земной шар, включая Тропическую Африку, был так либо иначе втянут в процесс модернизации, не мог остаться без внимания со стороны Природы. Она, наша планета, не мыслящая, но и не безжизненная сила, *не могла не ощутить, что давление на нее заметно увеличилось*. Речь вовсе не о том, чтобы представить планету чем-то вроде антропоморфного и хотя бы частично обладающего сознанием субъекта. Планета в лице представляющей ее Природы, как то было условно оговорено в самом начале книги, конечно, не субъект, а объект. И если на ее долю выпали регулирующие-контролирующие функции, то это результат уникального во Вселенной случая. Впрочем, и Вселенная совсем не субъект. А законы эволюции, стоит напомнить, рождены фактом активности неравновесных систем.

И коль скоро такое можно предположить, то почему бы не обратить внимание на то, что едва ли не главным свойством неравновесных систем является их активность, способность к трансформации и адаптации к ее, этой самой трансформации, последствиям. И если так — повторим, что все такие рассуждения носят гипотетический характер, — то чем, в принципе, отличается от этого стандарта Солнечная система и планетная наша система, условно и привычно именуемая нами Природой? Автор склонен воспринимать ее, Природу, именно так. И, не приписывая ей никакой антропоморфности и тем более роли сознающего свои функции Творца, считает тем не менее возможным говорить от ее имени — поскольку она не просто космический объект, но неравновесная система, объективно обладающая определенными функциями. Главная ее функция — помимо активности, ведущей, во избежание энтропии, к постоянной эволюции с нарастающими темпами, — это успешная адаптация к последствиям перемен. И вот здесь, что называется, коса находит на камень. Оказывается, у этой адаптации есть определенный предел, в нашем случае вполне объективный, — это размер планеты. До XX столетия и тем более до рубежа XX—XXI веков этот предел еще не очень ощущался, хотя уже и тогда давал о себе знать.

Земля в XIX и еще больше в первой половине XX столетия оказалась в буквальном смысле слова опутанной торговыми путями и коммуникационными линиями; по ней во все возраставшем количестве постоянно перемещались десятки тысяч поездов и пароходов. В ее недра все более бесцеремонно вгрызались шахты и рудники, а на поверхности дымили сотни тысяч заводов и фабрик. На планете оставалось все меньше и меньше таких мест, где деятельность людей не приносила бы Природе вреда, повсюду росли горы мусора, вырубались леса и загрязнялись воды. И тем не менее по сравнению с рубежом XX—XXI столетий ущерб, наносимый планете — Природе, — пока еще был не слишком велик. Но проблема оказалась намного более серьезной. Как можно предполагать, Природа, в прошлом объективно озабоченная состоянием дел на поверхности планеты и так старательно стимулировавшая прогрессивную эволюцию, не могла не реагировать и на ее результаты, особенно на завершающем этапе модернизации, с особой мощью проявившемся на рубеже XIX—XX веков. Казалось, модернизация была излюбленным детищем Природы, главным способом энергичного движения вперед, что предотвращало энтропию и лежало в основе эволюции. Но всему, как говорится, есть мера, даже, если быть более точным, предел. И Природа просто не могла этого не ощутить.

Однако в какой форме может выразиться ее реакция? Только в такой, которую человечество способно было бы воспринять всерьез. И здесь снова нужна оговорка. Не следует представлять дело так, что все основные события XX века и особенно первой его половины, принесшие человечеству столько страданий, были как бы «спущены сверху» и сами люди в них вроде бы не

слишком и виновны. Совсем нет. За все, что уже сделал и еще сделает человечество, несет ответственность оно само. Но сразу же появляется закономерная мысль, что в дела человечества в какой-то момент — что бывало и прежде — вмешивается, если уже давно не вмешался некий внешний фактор. В частности, тот закон баланса, который следит за корректировкой результатов деятельности людей. Природа, в нашем случае совмещающая в своем лице оба гипотетических закона глобальной вселенской эволюции, не могла не взять на себя их функции. Будучи, вне сомнений, объективно обеспокоенной результатами чересчур успешной модернизации и стремительными темпами демографического роста, грозящего стать неостановимым и бесцеремонно нарушить веками сохранявшийся на терпимом уровне баланс между численностью населения и объемом произведенного на планете продукта, она не могла не реагировать. И ее реакция должна была выразиться в коррекции хода событий.

Обстоятельства, которые привели к началу Первой мировой войны, основной причиной которой чаще всего считают неудовлетворенность Германии тем, что она опоздала к разделу колоний и остро нуждалась в расширении жизненно необходимого пространства, порой сводят к недостаточно продуманным действиям держав. Незначительные вроде бы события, вызвавшие неадекватную реакцию, различные не слишком продуманные кампании, включая и некоторые (балканские) войны местного значения, обострение отношений, поначалу, казалось, вполне дружественных, между странами, как, например, между Германией и Россией, — все это и очень многое другое создавало порой впечатление, что не обошлось без его величества случая. Но если так, почему именно случай в то тревожное время вышел на передний план? О чем думали те, кто был призван принимать решения?

Разумеется, не все они, руководители, понимали, что творят. Но разве это не может означать, что деятельность по крайней мере некоторых из них объективно оказалась направленной — в соответствии, быть может, с внешним фактором, с импульсами извне — во вред людям, которых стало слишком много. Войны в истории человечества случались постоянно и всегда играли важную роль в процессе естественного отбора и борьбы за существование, что следует в конечном счете — как ни страшно это даже представить себе, не то что написать в книге — воспринимать как норму, позволявшую сохранять приемлемый баланс. Об этом не принято говорить, но это вовсе не значит, что было не так. Однако вернемся непосредственно к событиям XX века. Он оказался во многом иным, чем предшествовавшая ему эпоха торжества и затем триумфа победившей буржуазии — XIX столетие. Это проявилось и в странах буржуазного Запада, и еще более резко во всем остальном мире. На Западе и в России сразу же после либо несколько позже Первой мировой войны перемены дали о себе знать в виде возникновения упоминавшихся тоталитарных ре-

жимов левого и правого толка (большевизм в России, фашизм в Италии, нацизм в Германии).

Вне Запада аналогичный процесс проявился в Японии, а после Второй мировой войны — в Китае и еще в ряде бывших колоний, в основном из числа оккупированных во время войны японцами. Все тоталитарные режимы функционировали в основном благодаря существованию партий нового типа, т.е. появившихся в это время на политической арене (изобретенных большевизмом) административно-бюрократических организаций. Данные организации оказались аналогичны аппаратам администрации в прежних структурах власти-собственности с централизованной редиистрибуцией, и это дает основание считать, что они не были чем-то уж совсем новым, необычным в социополитической структуре общества. Но, как показывает практика, партии нового типа были не просто заменой прежнего аппарата власти. Они появились и, как правило, оказались нужны для того, чтобы проводить агрессивную, воинственную политику среди народов тех стран, в которых кто-то — уже не в отдаленной восточной полупервобытной древности, а в наши дни — сумел добиться абсолютной власти.

Можно долго рассуждать о том, почему такие режимы тоталитарного толка появились именно в тот момент, когда для столь резкого поворота, казалось бы, не было серьезных предпосылок. И вполне может создаться впечатление, что кровавая баня, устроенная человечеству тоталитарными режимами в первой половине XX века (обе мировые войны, террор и массовые репрессии), — а если учесть гигантские по масштабу социальные эксперименты Мао, то еще и несколько позже, — была объективно обусловлена. Но чем и почему? На эти вопросы может быть лишь один, зато очень весомый ответ. Потому что, как было упомянуто, людей стало больше и вследствие этого на планете быстрыми темпами воссоздавалась ситуация, сходная с эпохой неолитической революции, когда был брошен вызов, повлекший за собой переход передовой части человечества к производству пищи. В принципе, этого можно было ожидать. *Впервые со времен революции эпохи неолита теперь, спустя 10 с лишком тысячелетий, демографический потенциал человечества стал угрожающим для планеты.* Она, Природа, просто не могла не ощущать этого. Проблема ресурсов, будь то пресная вода, чистый воздух, леса, продукты питания, запасы углеводов, иных полезных ископаемых и еще много чего, вышла на передний план. Людям пора было задуматься над тем, что с ними происходит в условиях, когда уровень жизни в развитых обществах стал небывало высоким, а общества в остальных регионах мира приближаются или, во всяком случае, мечтают приблизиться к этому высокому стандарту жизни, причем все более ускоряющимися темпами и со все большим количеством населения. И войны первой половины XX века вкуче с социальными экспериментами тоталитарных режимов вполне могли

быть — если следовать предлагаемой автором гипотезе о законах эволюции — какой-то попыткой дать ответ на вызов.

Так ли это? Чем это можно доказать? Как свидетельствует демографическая статистика, до XVII века численность человечества возрастала медленно. Условия жизни не везде способствовали выживанию младенцев, смертность от болезней, эпидемий, войн и по многим иным причинам обычно с лихвой компенсировала возраставшую рождаемость. Учтите спорадические войны, набеги безжалостных кочевников, страшные эпидемии. Все это соответствовало закону баланса и не беспокоило Природу. Ее могли беспокоить другие проблемы, о которых в корпусе книги и шла речь. Но ситуация по мере глобализации человеческого общества, проявившейся в развитии западной буржуазии и колонизации мира вне Запада, начала энергично меняться, а эти изменения, объективно направленные на улучшение стандарта жизни всего человечества, вели к ускорению темпов роста его численности. Возрастало же человечество прежде всего за счет наиболее слабых, которых до того обычно ожидала печальная участь.

В середине XVII века количество людей на планете достигло половины миллиарда. Для того времени цифра была очень внушительной, но далеко еще не критической, как отнюдь не устрашающими были и темпы прироста. Однако в 1830 году цифра возросла до миллиарда. Это значит, что *менее чем за два века население планеты удвоилось*. Правда, именно в то время начался спурт буржуазных преобразований, в том числе и вне Запада, т.е. практически повсюду. Соответственно, стало резко расти количество товаров, необходимых для удовлетворения нужд возросшего населения. Казалось, пока все в порядке. У всех всё в основном имелось, массовых катастрофических проблем с нехваткой чего бы то ни было не возникало. Природа вроде бы могла некоторое время не беспокоиться. Но на рубеже XIX—XX столетий выяснилось, что за 70 лет население увеличилось еще на 600 млн. И эти темпы, почти 90 млн за десятилетие, свидетельствовали о резком увеличении давления быстро возраставшего населения не только на естественные ресурсы, но и на саму планету, не привыкшую к таким темпам и, главное, объемам.

Но почему всё так? Просто потому, что нормы воспроизводства населения в тех странах вне Запада, которые энергично и часто помимо их воли втягивались в процесс модернизации, были иными, чем на буржуазном Западе, и соответствовали традициям прошлого, когда из десятка рожденных детей выживало менее половины, а средний срок жизни людей был очень небольшим. Однако с середины XIX века многое стало меняться. Перемены были видны повсюду. Повышался общий уровень жизни, в том числе благодаря достижениям современной медицины, санитарии и гигиены, о чем уже упоминалось. Росло производство и особенно потребление товаров и пищевых продуктов. Люди начинали иначе есть и одеваться, употребляли все новые, незнакомые

им прежде продукты и вещи. Качество жизни многих из них, пусть далеко не сразу и не всех, стало приближаться к тому, что было характерно для Запада.

Перемены происходили, стоит повторить, не слишком быстро. Но главное в том, что медленнее всего изменялись традиции. Для подавляющего большинства населения мира вне Запада было характерно устойчивое нежелание воспринимать чуждые антично-буржуазные идеи и институты, а также все те новации в образе жизни, которые предполагали отвлечение женщин от семейных обязанностей и связанное с этим уменьшение рождаемости. Если в Европе важный процесс эмансипации женщин шел на протяжении многих веков, то вне ее он был неощутим и более того — вызывал активное противодействие, поэтому и закономерности воспроизводства населения там не менялись. И вот если к улучшению качества жизни и к резкому сокращению смертности детей прибавить категорическое нежелание значительной части жителей планеты отказаться от традиций в сфере воспроизводства населения, получится тот самый результат, о котором мы ведем речь: *народонаселение стало возрастать невиданными прежде темпами*. Этот рост целиком шел — и продолжает идти — за счет мира вне Запада. Но Природе нет нужды вникать в детали. Для нее это был тревожный сигнал, означавший, что пришла пора всерьез позаботиться о собственном благополучии.

Перспективы дальнейшей модернизации

В чем могла выразиться эта обеспокоенность? Похоже, обстановка была не вполне ясной. С одной стороны, давление на планету было необычайным. С другой — если судить по темпам прироста людей — было ясно, что модернизация далека от завершения, она находится в самом разгаре. Учитывая двойственность ситуации, можно предположить, что гипотетический вызов Природы, на который человечество ответило мировыми войнами и кровопролитием, связанными с уничтожением десятков миллионов людей по социальному и этнорасовому признаку, объективно было чем-то вроде *предупреждения*. Пойдем, однако, дальше. Ситуация не была осознана людьми. Но далеко не только к апелляции к разуму человечества сводилось дело. Все опять оказывается много сложнее.

Прежде всего, модернизация планеты уже воспринималась как норма. И было бы трудно ожидать от людей иной реакции. Более того, остановиться было практически невозможно. Остановка не столько грозила энтропией, сколько была несовместима с растущими требованиями резко умножившегося населения планеты. Весь XX век и особенно вторая его половина, отмеченная невиданными прежде новациями в сфере техники и технологии, прошли под знаком все убыстрявшейся модернизации, которая затронула всю плане-

ту. А это привело к тому, что все большее количество отстававших в развитии стран, а то и вовсе захолустных уголков планеты включались во всеобщий процесс. Ситуация выглядела таким образом, что в XX и тем более в начале XXI века уже весь мир по-прежнему активно и явно сверхадекватно реагировал на вызов, стимулировавший модернизацию, которая продолжается и сегодня, затрагивая уже и многих из мира вне Запада. Это касается не только таких гигантов, как Китай или Индия, где примерно половина населения уже прямо либо косвенно вкушает ее плоды, а другая половина идет по тому же пути. Модернизация коснулась и Тропической Африки, частично ощущается даже среди таких сильно отставших общностей, как эскимосы Канады и Гренландии или аборигены Австралии. И что характерно, подавляющим большинством тех, кто идет по пути энергичной модернизации и дает более или менее адекватный ответ на соответствующий вызов, она сегодня воспринимается как нечто единое и цельное, включая ее идейно-институциональный аспект. Пусть не все в состоянии перенять, полностью или частично, западный буржуазный стандарт, но практически все осведомлены о потенциальных возможностях и достойных подражания преимуществах этого стандарта. Достаточно внимательно следить за «картинками» в телепрограммах или за стремительно расширяющейся Всемирной паутиной, чтобы в этом убедиться.

И это далеко не всё. Стремительными темпами убыстряются шаги истории. Новации за новациями следуют все чаще и во все более быстром ритме. Шаги переходят в бег, а скорость бега грозит выйти за пределы приемлемой нормы. И что будет после того, как это произойдет — похоже, достаточно скоро? Но мир мало заботится о будущем. Ему некогда этим заниматься. Слишком много других, насущных забот. Например — проблема отстающих, развивающихся стран. Одни из них настолько отстали, что почти не выходят из состояния перманентного голода. Другие, напротив, наступают на пятки развитым. Третьи идут напролом, угрожая миру оружием массового уничтожения. И что характерно: все, кроме самых отсталых и голодных, уже освоили основы ускоренной эволюции, не пренебрегая при этом идейно-институциональным фундаментом антично-буржуазного типа, хотя и не всегда стремясь следовать этому стандарту полностью или хотя бы по большей части.

Более того, легко заметить, что наибольших достижений добиваются те страны и народы, которые не пренебрегают институтами либеральной демократии. Но значит ли это, что все понимают значение либеральной демократии для успехов в модернизации? Мы снова и снова возвращаемся к этой проблеме. Если взглянуть на историю советской России, на современный Китай и тем более на расцветший благодаря нефтедолларам мир ислама, все рассуждения подобного рода могут показаться не очень убедительными. Заимствовать или купить — а то и умело украсть — западные технико-технологические достижения, включая и секретные новейшие разработки, можно, вообще-то, без

особых сложностей и без освоения западных институциональных и идейных стандартов. Но склонность к подобной «модернизации» чревата вечным отставанием, ибо без расцвета собственной творческой мысли никто далеко не уйдет. Многого можно купить, благо буржуазное производство держится на основе рынка, так что еще основатель советской власти заявлял, что у мировой буржуазии мы купим веревку, чтобы ее повесить. Руководствуясь этой нехитрой формулой, некоторые страны предпочли идти своим путем. Но разве этого достаточно для процветания? И пусть даже удастся его достичь — что потом, дальше? Как будет обстоять дело с необходимыми во все возрастающем количестве ресурсами? С питанием для всех? С питьевой водой? С чистым воздухом? С неиспоганенной пахотной землей? Со всем тем, чем мы уже привыкли пользоваться? Наконец, с неисчерпаемой массой мусорных отходов?

Это вопросы вопросов. Ведь проблема сегодня, как она видится по мере продвижения вперед, заключается совсем уже не в том, чтобы весь мир наконец дал адекватный ответ на вызов модернизации. Мир близок к тому, чтобы дать такой ответ. Он дает его. Но это не ведет больше от одного успешного достижения к другому. Создается впечатление, что модернизация, которая была голубой мечтой человечества два с лишком тысячелетия назад, когда на вызов был дан первый адекватный ответ юной античностью, — эта модернизация *Природе более не нужна*. Больше того, она вредна и с каждым годом вред этот будет ощущаться все сильнее. Что же делать? Ведь остановиться в движении нельзя, это противоречит вселенским законам, существование которых, в свою очередь, пока что не противоречит фактам (вполне может случиться, что гипотеза о них, пусть даже с существенными коррективами, все же верна). Больше того, даже если она неверна, положение дел принципиально уже не может радикально измениться. Не двигаться, остановиться — все равно энтропия. И главное, как это сделать? Впрочем, обратимся и к этой проблеме.

Нужна ли была модернизация?

Сегодня совершенно очевидно, что модернизация должна либо приостановиться, либо очень существенно видоизмениться, хотя и того, и другого для решения проблемы перенаселенности планеты явно недостаточно. При любом варианте человечество, обремененное невиданно сложными проблемами, испытывает такое неудобство от издержек процесса, что это грозит самыми драматическими последствиями. Что же угрожает человечеству? Прежде всего, резко и постоянно возрастающее давление на планету, чьи ресурсы не бесконечны. И если иметь это в виду, то, похоже, надо решительно менять исходные краеугольные установки, включая ставку на модернизацию. Модернизация к приемлемому для планеты итоговому результату не привела. Более того,

она породила проблемы, справиться с которыми человечеству пока не под силу. Стало быть, нужно что-то менять.

Так нужна ли она была вообще? Может, западным буржуа и стоявшим за ними сильным державам следовало бы в сравнительно недавнем прошлом остановиться и не торопиться идти вперед? Может, не надо было побуждать население колоний и полуколоний (о независимых странах речь не идет, это было в их компетенции) к серьезной и достаточно скорой по времени трансформации? Вопросы явно риторические. Не станем лицемерно утверждать, что самой западной буржуазии всего этого не было нужно. Напротив, ускоренные темпы эволюции постоянно толкали буржуазное производство, как и создававшийся мировой рынок и расширявшуюся торговлю, в сторону экспансии, что стало очень хорошо заметно после Великих географических открытий и начала колонизации мира вне Запада. И остановить это движение было практически невозможно. Но представим на мгновение, что это произошло. Где были бы в этом случае все ныне и без того заметно отставшие народы и по-прежнему с трудом развивающиеся страны? И каким иным путем они, со временем убедившиеся в том, что неплохо и у себя иметь железные дороги, различные механизмы и автомобили, равно как и хорошее вооружение — что на Востоке особенно оценили после первых контактов с европейцами, — достигли бы желаемого?

Своим путем великому множеству неевропейских народов идти к достижению всего того, что было давно уже создано европейскими и особенно американскими буржуа, было невозможно из-за отсутствия у них собственных буржуа с их капиталами. А рассчитывать на что-либо иное, например на строго регулируемые местными правительствами ограниченные торговые связи с буржуазными странами без того, чтобы не превратиться в колонии или полуколонии, было не так уж и просто. Японии это удалось, в меньшей степени — Сиаму (Таиланду). Но и то потому, что неподалеку, а в случае с Сиамом совсем рядом уже были европейские колонизаторы, у которых можно было многому научиться. Если бы не было такой возможности, отставание мира вне буржуазного Запада неизбежно бы увеличивалось.

Речь, таким образом, не может идти о том, нужен ли был и нужен ли сегодня человечеству, особенно отстававшей его части, этот благотворный процесс. Сам по себе, как таковой — без всяких сомнений. Благодаря именно и только антично-буржуазной модернизации мир стал иным, а все человечество, за редкими исключениями, оказалось в той либо иной мере причастным к дарованным ею благам. Возврата к патриархальному и тем более к первобытному прошлому пожелали бы — проведи кто-либо всемирный социологический опрос — явно немногие, совсем немногие. Но дело даже не в том, ценят ли люди то, что они — во всяком случае, очень весомое, если не подавляющее их большинство — вследствие модернизации дольше живут, лучше питаются и одева-

ются. Как и не в том, активно или нет пользуются они благами крайне продвинутой ныне цивилизации (бытовая техника, телефоны, телевизоры, автомобили, самолеты, компьютеры и т.д. и т.п.). Важно то, что все это есть и доступно многим.

Однако буржуазные преобразования были возможны лишь в условиях решительного слома генеральной структуры власти-собственности, присущей всему миру вне Запада. И не только слома старой структуры, но и замены ее новой, антично-буржуазной рыночно-частнособственнической. Ведь именно она, со свойственными ей развитым рынком и прочими новациями буржуазного производства, принесла миру все те кардинальной значимости новации, о которых выше шла речь. И это касается не только тех, кто, подобно России, в наши дни рассчитывает лишь на сырьевую экономику. Проблема в том, что такие расчеты в принципе не оправдываются. Взгляните, к примеру, на ту часть исламского мира, благосостояние которой основано на добыче нефти и купленном в основном на Западе за нефтедоллары высоком качестве жизни. Ведь страны, которые имеются в виду, не очень-то в состоянии сами совершенствовать современную науку, производить и внедрять на свой страх и риск дорогостоящую технику и высокие технологии. Это с величайшим трудом дается сегодня даже таким экономическим гигантам, опирающимся на очень развитую и весьма оригинальную цивилизацию, как Китай или, в несколько меньшей степени, Индия. Словом, как ни крути, именно Запад сегодня может считаться основой всего того, что достигнуто мировой цивилизацией. И если другие страны и народы ныне все же подтягиваются к его уровню, то это происходит потому, что почти все из них уже в XIX и тем более в XX столетии были затронуты буржуазными преобразованиями и, при участии западной буржуазии, добились успехов в развитии.

Сказанное вполне определенно означает, что альтернативы антично-буржуазной модернизации у мира не было, как нет ее и сейчас. Даже те страны, где, как в КНДР, категорически не приемлют идеи и институты либеральной демократии, предпочитая им структуру власти-собственности в ее наиболее мрачной и жестокой модификации при отсутствии не только буржуазии, но и частной собственности, стремятся запустить ракеты и изготовить ядерные бомбы, используя заимствованную у других технику и технологию. Словом, все свидетельствует о том, что жить прошлым в XXI веке никто уже не может. Стало быть, нет сомнений и в том, что модернизация была для всего человечества необходима.

Но, говоря об этом с законной гордостью за интеллект человека и мудрость того социополитического либерально-демократического устройства, в рамках которого в основном и были получены блага модернизации, нельзя забывать и об издержках процесса. Во-первых, о тех, что проявляются, когда речь заходит о немногих, но блистающих своим паразитизмом странах-изгоях вроде КНДР

с ее агрессивными потенциями, свойственными всем тоталитарным режимам. Возникает впечатление, что эволюция на всем протяжении длительного периода формирования человечества, обретения им разума и использования этой величайшей во Вселенной ценности для создания разумных форм общества и государства, для рождения умных идей и институтов и формирования на этой основе развитой буржуазной либерально-демократической системы не была идеальной. Что эволюция и ее вершина — модернизация — оказались обременены издержками, которые ныне становятся все более очевидными и трудно-преодолимыми. А во-вторых и в основном, это издержки, которые уже на рубеже XIX–XX веков и тем более позже, вплоть до нашего времени, оказались связаны с резко возросшей активностью человечества. Не останавливаясь на незначительных и тем более неординарных ее проявлениях, обратим внимание на самое главное. Его, этого главного, более чем достаточно для того, чтобы понять причины конфликта между разумным человечеством и не обладающей разумом, но не вполне бесчувственной Природой.

Об издержках модернизации

Речь пойдет снова об угрозе не поддающейся контролю и регулированию перенаселенности планеты. Не нужно быть специалистом-демографом, чтобы понять, что с этим вот уже более века дела обстоят неблагоприятно. Мало того, степень этого неблагоприятия постоянно возрастает и реально может стать неуправляемой. И именно из-за этого человечеству уже в нашем веке грозят наибольшие сложности и самые серьезные испытания. Планета не выдерживает такого обилия разумных существ, энергично и в резко ускоряющемся темпе потребляющих все возможные природные ресурсы и загрязняющих все сферы обитания, будь то земля, пресная вода рек и озер, воздух, даже верхняя часть океанов, подкорковый слой материков и близкое к планете околоземное пространство.

Самое существенное — это, повторим, возрастание темпов увеличения численности человечества. Население мира за XX век учетверилось, с 1,6 до 6,2–6,4 млрд, что в среднем составляет чуть меньше 5 млрд прироста, *примерно по 400 млн за десятилетие* (и это несмотря на сотни миллионов жертв тоталитаризма). И все это благодаря модернизации, почти исключительно за счет передового Запада. Мало того, темпы прироста заметно нарастают. К середине XX века количество населения планеты достигло 2,5 млрд, увеличившись по сравнению с началом века на 900 млн. Разделите на пять, окажется чуть меньше *200 млн за десятилетие*, несмотря на то что сопровождавшие первую половину века мировые и локальные войны с их бесчеловечной практикой геноцида, истребления неугодных этнорасовых групп и социальных слоев насе-

ления, унесли сотни миллионов жизней. Но пойдём дальше. В конце столетия население мира превысило 6 млрд, т.е. за полвека выросло на 3,6 млрд, если не больше. Это уже *свыше 750 млн за десятилетие* — в три с лишком раза больше. И последний десяток лет цифра прироста держится на уровне 70–80 млн в год. Только вдумайтесь — это ежегодно 70–80 добавочных миллионов ртов, чаще всего голодных. Ужасающие темпы! Впору хвататься за голову, и не только Природе, но и всем нам, сегодняшним и завтрашним жителям Земли.

Ведь приведенные цифры означают, что скоро на земле будет тесно в буквальном смысле этого слова. Даже самые осторожные и щадящие читателя расчеты говорят о том, что *в лучшем случае* к середине XXI века население мира стабилизируется примерно на уровне 10–11 млрд. После этого безудержный рост может, как обещают демографы, приостановиться и численность населения станет понемногу стабилизироваться, а затем и уменьшаться, хотя автору такие расчеты и тем более выводы представляются неубедительными. Стоит объяснить почему: проблема в их надежности. Пусть даже демографы в основном правы в своих предположениях и темпы прироста народонаселения в середине нашего века существенно замедлятся. Но, даже если женщины, предположим, *в каждом следующем году станут рожать на миллион меньше, чем в предыдущем* (а для этого нужны какие-то серьезные причины, в противном случае это предположение невероятно), абсолютный рост численности населения мира не прекратится до конца столетия и будет по-прежнему измеряться миллиардами за полвека. Ведь, как автор уже давал понять, сложившаяся традиция воспроизводства у отставших в развитии народов — а они дают наибольшую часть прироста — основана на инстинкте, который не может легко и быстро измениться. Что же касается ресурсов для содержания каждого нового миллиарда через очередные 12, пусть даже 15–20 лет, то их объем очень быстро может оказаться столь ограниченным, что это станет угрожать самыми серьезными последствиями. Словом, давление на планету будет не уменьшаться, а возрастать еще очень долго и, что вполне вероятно, вести к очередному конфликту человечества с объективными нормами недремлющего закона баланса. И еще. Даже если в XXI веке Природа все стерпит, это не значит, что так будет и далее, бесконечно, что никакого конфликта, а то и катастрофы не случится.

Можно было бы продолжать, но едва ли это необходимо. Совершенно очевидно, что пока еще едва просматриваемые процессы уже очень близкого будущего в рамках нынешней парадигмы существования человечества, равно как и грозящие ему в чуть более отдаленном будущем конфликты с Природой, не сулят ничего хорошего. В любом случае сложностей у человечества станет много больше. И главная из них — это оно само, человечество, т.е. все то, что сегодня происходит с населением земного шара. А происходят серьезнейшие перемены в соотношении между населением Запада (для его обозначения дав-

но уже используют выразительный термин «золотой миллиард») и остальной частью населения планеты. Проявляются же они в том, что число жителей европейского происхождения в самих странах Запада давно уже неуклонно сокращается за счет интенсивной миграции в эти страны переселенцев со всего остального мира. Эта тенденция, все чаще именуемая *афроазиатизацией*, весьма настораживает, так как практика свидетельствует о том, что переселенцы из разных стран не всегда готовы чувствовать себя, как то бывало, к примеру, во времена заселения США, новыми жителями именно той страны, в которую они приехали. Часто случается совсем не так. Это с одной стороны, а с другой — народы, отставшие в развитии и быстрыми темпами численно возрастающие, чаще всего не в состоянии себя прокормить и нуждаются в постоянной и все увеличивающейся помощи со стороны. Кто и до каких пор станет ее оказывать, особенно с учетом того, что делать это придется во все большем объеме?

Вестернизация или афроазиатизация?

Здесь нам предстоит подробнее поговорить об отношениях, которые складываются в странах буржуазного Запада между местным населением и мигрантами из более бедных и отсталых стран. В случае с США, страной мигрантов и их потомков, это не слишком заметно. Иммиграция здесь ныне происходит в основном за счет притока населения — так называемых латиносов — с юга. И хотя это не европейцы, а главным образом метисы, их почти двухвековое пребывание в условиях постепенной и очень активной вестернизации, причем в подавляющем большинстве случаев с должным почтением — пусть и с частыми реверсиями в сторону диктатуры — к идейно-институциональному стандарту западноевропейской буржуазной либеральной демократии, сыграло очень большую роль. Она проявляется в том, что эти мигранты (кстати говоря, христиане, о чем не стоит забывать) сравнительно легко вписываются в упомянутые стандарты. Примерно то же самое происходит в Португалии или Испании, куда прибывают из Латинской Америки те же латиносы, говорящие, соответственно, на португальском или испанском языке. Но это очень благоприятное по характеру исключение. Это тот случай, когда мигранты быстро проходят аккультурацию и легко находят на новой родине подходящие для себя ниши, в частности рабочие места.

Иначе обстоит дело с малонаселенной Австралией, которая с трудом отбивается от наплыва мигрантов из стран Азии, хотя трудолюбивые и всегда умевшие себя прокормить китайцы, например, могут принести этому небольшому матерiku только процветание. Еще хуже обстоит дело с Европой, куда устремляются миллионы переселенцев из страдающей от болезней, голода и войн пе-

ренаселенной арабской и особенно негритянской Африки. Или из гигантской и тоже давно уже перенаселенной мусульманской Азии. И сразу же после этого немалая часть мигрантов становятся иждивенцами на своей новой родине и по разным причинам начинают существовать исключительно на весьма солидное социальное пособие. Нет смысла рассуждать о том, что у колонизаторов есть историческая ответственность перед народами, долгое время жившими в их колониях. Они, как правило, от нее не отказываются. В глубине души европейцы не могут не сознавать, что нынешнее состояние в мире в немалой степени их вина. Они разбудили спящие народы Востока, чуть ли не силой изменили их образ жизни, создали для них много лучшие, нежели прежде, условия существования, что и вызвало в качестве естественной ответной реакции резкий рост рождаемости при сокращении детской смертности. Западные буржуа-колонизаторы, как и обычные колонисты, не могут не сознавать, что в сложившихся условиях они *несут ответственность*, выражаясь бессмертной формулой Антуана де Сент-Экзюпери, *за тех, кого приручили*. И нельзя сказать, что богатый современный Запад не делает из этого соответствующих выводов. Делает и обычно не скупится. Миллионы тонн продовольствия, как и огромное количество промышленных товаров и изделий ежегодно идут из стран Запада в бедные государства в порядке помощи. Щедро даются отставшим в развитии народам миллиарды долларов, а когда долги увеличиваются до астрономической суммы, их столь же щедро списывают. Но всего этого не хватает.

Бедные и отсталые продолжают расти численно, испытывают все большие неудобства, все чаще голодают, не имея заработка и, как только что было упомянуто, направляются в сторону богатых стран северной части планеты, особенно молодежь (а ее в таких странах не меньше половины населения). Этот приток резко возрос в самое последнее время, на рубеже 2010–2011 годов, в связи с эпидемией массовых протестных движений почти во всей арабской Африке. Правдами и неправдами они как-то устраиваются в зажиточных районах мира и начинают там новую жизнь, при этом не отказывая себе, как правило, в традиционных темпах воспроизводства. Послевоенная разрушенная Европа нуждалась в рабочих руках и принимала мигрантов с юга без особых проблем. Вскоре она, однако, спохватилась и ввела жесткие миграционные правила. Но это ей уже не помогло. Правда, колониальные державы вынуждены были делать исключения для *своих колониальных подопечных*. Больше того, если для кого длительное время существовали, а кое-где и по сей день существуют льготы и квоты на миграцию, то именно для выходцев из бывших колоний. Однако это не означает, что переселенцы из Азии и Африки не переполняют и другие европейские страны, к числу колониальных никогда не относившиеся, от Швейцарии до Швеции. И от того, куда именно направляются переселенцы, сопутствующие миграции сложности никак не зависят. В чем они заключаются?

Основная суть сложностей в том, что далеко не все переселенцы — а львиную долю их составляют мигранты из стран ислама, наиболее, как правило, активные, энергичные и легкие на подъем, — подвергаются или готовы подвергнуться аккультурации. И опять-таки очень важно понимать, *что* они обычно воспринимают, а чего категорически не приемлют. Воспринимают материальные удобства и все связанные с этим преимущества. Без благодарственных церемоний, как должное, принимают достаточно серьезную социальную помощь, которая позволяет многодетным — а такие преобладают — безбедно существовать. *Щедрое содержание прибывших и расположившихся как у себя дома мигрантов, собственно, как раз и есть расплата за те бонусы, которые заслуженно получили когда-то западноевропейские страны и народы за свои достижения в процессе модернизации, за свой адекватный ответ на великий вызов.* И к этим благодатным бонусам мечтают приобщиться мигранты из отсталых стран, никогда таких бонусов не имевших. Но сложность проблемы в том, что бонусов на всех не хватит. А вот этого мигранты очень часто в расчет не принимают и принимать не хотят.

И еще они, во всяком случае достаточно многие из них, прежде всего мусульмане, категорически не приемлют многие европейские нормы поведения. Это касается не только пищи, что, по сравнению со всем остальным, наверное, самое безобидное, хотя, случается, что в школах мусульманские подростки плюют в пищу своим соученикам в месяц рамазан, когда по нормам ислама есть и пить от утренней до вечерней зари не положено. Это касается и проблемы хиджаба, назовем ее так, и болезненной реакции на юмор и карикатуры в свой адрес, в том числе в адрес главного своего пророка. Казалось бы, в чужой монастырь со своим уставом не приходят. Но такая постановка вопроса не для них. Молодые переселенцы из мусульманских стран не хотят серьезно учиться, но при этом требуют для себя хорошие рабочие места с высокой зарплатой. А если не получается, они бунтуют, сжигая, в частности, чужие автомобили. Взрослые мусульмане подчас не хотят ограничиваться одной женой, ссылаясь при этом на заповеди Корана...

Речь вовсе не о том, что кто-либо посягает на их национальную и тем более религиозную идентичность. Но, когда нормы ислама и шариата приходят в противоречие с европейскими правами и свободами, справедливость требует, чтобы верх брали те, что соответствуют принципам жизни той страны, которая принимает мигрантов. Ведь она к тому же обеспечивает их за свой счет высоким материальным достатком и комфортом, несравнимыми с тем, что они имели на родине. Мигранты это сознают, но далеко не всегда считают себя хоть чем-то обязанными новой родине. Чаще всего мусульмане — а именно их в Европе больше всего — настойчиво стараются сохранить за собой право жить так, как привыкли дома. И вот это вызывает на современном буржуазном Западе немалую озабоченность. То французский президент вынужден

официально запретить учащимся и служащим мусульманкам носить в присутственных местах хиджаб, то датские либо голландские власти должны охранять журналистов от посягательств на их жизнь со стороны ревнителей ислама, а то и вовсе появляются сообщения об убийстве кого-либо из тех, кто чем-то обидел память пророка.

Это не может не вызывать в странах Европы неприязни по отношению к мигрантам. По мере того как живущие чаще всего обособленно, в национальных кварталах, переселенцы быстрыми темпами возрастают в числе, достигая в наши дни уровня примерно 10% населения и не собираясь на этом останавливаться, ситуация становится все более напряженной. Но беда стран Европы — как и России — в том, что без притока мигрантов, представляющих собой дешевую и очень нужную грубую рабочую силу, обойтись невозможно. Ситуация не слишком изменилась и во время всемирного финансово-экономического кризиса в 2008–2010 годах. Но как все это сопрягается с проблемой модернизации? Самым непосредственным образом. На первый взгляд могло бы показаться, что процесс миграции сводится к тому, что все прибывающие в западные страны рано или поздно, пройдя аккультурацию, становятся европейцами — примерно так, как эмигранты в США быстро превращаются в американцев. На самом деле чаще всего приток мигрантов из стран вне Запада ведет к тому, что объектом нападков становится сама модернизация, а точнее та ее фундаментальная основа, благодаря которой буржуазный Запад не только ускорил темпы своего развития, но и достиг завидного процветания. Мигранты из Азии и Африки, в основном, что снова стоит подчеркнуть, мусульмане, воспринимают язык своей новой родины, но не приемлют нормы ее жизни. Они остаются мусульманами. Напомним, что выход из исламской общины не только не разрешен, но обычно сурово карается. Бывают, разумеется, исключения, но дешево они никому, особенно женщинам, не обходятся. Для свободолобивого Запада это неприемлемо. Люди там терпеливы, но и их терпению понемногу приходит конец, о чем объективно свидетельствует неуклонный рост влияния националистических партий.

Любому понятно, что если поставить под сомнение фундамент западноевропейской модернизации — а именно это и делают те, кто приходит в чужой монастырь со своим уставом и игнорирует порядки, существующие на новом месте жительства, — то создастся прямая угроза странам европейского Запада. Угроза тем более значительная, что описываемое происходит на фоне очень существенной депопуляции (имеется в виду ситуация с местным населением Европы), идущей параллельно с темпами прироста среди мигрантов. Расчеты на мультикультурное сосуществование себя не оправдали, о чем на рубеже 2010–2011 годов публично заявили руководители ряда больших европейских стран. А альтернативы эти политические деятели предложить не могут. Просто закрыть Европу для расово чуждых невозможно — демократия есть демок-

ратия, ставший уже со времен Ренессанса традиционным гуманизм остается гуманизмом. Но возникает потенциальная опасность для фундаментальных основ существования либерально-демократической Европы. Более того, перед нынешним поколением благоустроенных европейцев со всей остротой встает довольно неожиданный для них и очень болезненный вопрос, обозначающий проблему, которую они пока еще медленно, но все же начинают осознавать: ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ АФРОАЗИАТИЗАЦИЯ?

И это реальная альтернатива, а отнюдь не злостное преувеличение каких-нибудь националистов или тем более расистов. Европа вовсе не пылает ненавистью к инородцам и не испытывает неприязни по отношению к мигрантам. Она лишь с острой горечью оценивает ситуацию, вызванную тем, что, казалось бы, вполне обоснованный и не раз апробированный расчет на постепенную аккультурацию оказался несостоятельным. Но почему? В чем причина просчета? Ответ на этот вопрос есть, но вслух его обсуждать в приличном современном западном обществе не считается политкорректным. Его отдают на откуп националистическим группировкам, о которых уже упоминалось и влияние которых в современной Европе растет. Если еще пока и не так быстро, как на дрожжах, то, во всяком случае, ускоренными темпами. Более того, создается впечатление, что европейцы, стесняясь прослыть националистами, просто ждут, когда проблема окончательно созреет, после чего, воленс-ноленс, те, кому положено, примут соответствующие более серьезные меры. Но давайте отвлечемся на время от ситуации в Европе. Если объективно ислам становится для немалого количества европейцев чем-то пугающим — а это, к сожалению, именно так, и коль скоро именно он стремительнее всего увеличивает число своих адептов за счет притока неопитов из числа как вновь обращенных, так и в обилии рождающихся (вспомним о прогнозах демографов насчет третьей части человечества в недалеком будущем!), то стоит поговорить всерьез и об этом.

Еще об исламе: генезис, успех и упадок

Проблемами ислама в наши дни интересуются многие. И немудрено. В современном мире нет более жесткой и нетерпимой религии, которая, в силу своей нетолерантности и часто фанатизма многих своих адептов, не только резко отделяет себя от всех неверных, что тщательно прописано в ее священных текстах, но и жестко принуждает тех, кто к ней причастен, строго соблюдать ее не слишком многочисленные, но *обязательные* обряды. Жителям России легко уловить специфику этой религии. Когда начинают считать, сколько в стране православных, появляется огромная цифра. А когда выясняют, сколько из них ходит в церковь, число воцерковленных оказывается раз в 20–30 меньше. В исламе ничего подобного нет и быть не может. Там каждый обязан совершать намаз (это от двух до четырех *ракатов*, т.е. земных поклонов) пять раз в день, причем в пятницу и по праздникам количество ракатов увеличивается. И все должны соблюдать другие обязательные обряды, порой достаточно изнурительные, особенно когда пост, а это целый месяц *рамазан*, приходится на лето¹. Словом, нетерпимый и жесткий ислам вообще даже не религия, а строго религиозный и обязательный для всех *своих*, т.е. для мусульман, *образ жизни*. В нем есть свои преимущества и даже приятные, во всяком случае для мужчин, стороны. Но не обольщайтесь! За все приятное приходится платить.

Так что же такое ислам? Сформировавшись сравнительно поздно, обогатившись за счет иранского зороастризма, впитав многое из традиций и культурных достижений древневосточных цивилизаций и греко-античного мира эпохи эллинизма, предложенный пророком Мухаммедом ислам оказался весьма богатым в духовно-идейном плане наследником многих культур. Но выгодно и умело распорядиться этим богатым наследием ему помешал реальный уровень развития народа, который волею судеб оказался основным носителем новой религии, т.е. арабских бедуинов. Они, едва вышедшие за пределы первобытности (занимавшиеся торговлей горожане были в меньшинстве, а много более отсталые кочевые племена, составлявшие основу воинства пророка и его преемников-халифов, остаются на полупервобытном уровне и поныне), не в состоянии были активно осваивать интеллектуальный потенциал всего заимствованного ими религиозно-доктринального наследия.

Со временем выяснилось, что сами арабы не очень нуждались в глубоком знании. Те из них, кто получал религиозное образование (а другого не было),

¹ Подробнее об этом сказано, в частности, стоит напомнить, в работах автора о религии. См.: Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1983 (последнее 8-е, расширенное издание вышло в 2006 году); Он же. История религий. М., 2008.

обычно был вынужден, не вдаваясь в интеллектуальные глубины, ориентироваться на жесткую религиозную догму и на созданные в первые годы существования ислама принципы жизни, т.е. на то самое, что возрождают ныне все мусульманские фундаменталисты, как умеренного, так и радикального толка (стоит заметить, что фундаменталистами становятся ныне почти все мусульмане — это видно по одежде женщин).

Здесь следует оговориться. Арабская культура, прославленная именами аль-Газали, Аверроэса, Авиценны, ибн-Хальдуна и многих других, немало, как известно, внесла в свое время в тезаурус мировой цивилизации. Но это слабо отразилось на жизненном стандарте и интеллектуальном потенциале простых мусульман, многие века воспитывавшихся в русле только официально признанного арабо-исламского знания. А в основе стандарта ислама лежали не вершины арабской средневековой мысли, а лишь сакральные тексты. Это священный Коран, шесть томов преданий-*хадисов* Сунны и нормативы исламского права — *шариата*. Именно они веками формировали сознание, поведение, образ жизни, систему ценностей, да и все прочие установки мусульманина, члена великой исламской общности. Сверх этого ничто стоящим внимания не считалось и потому не поощрялось.

Речь поэтому должна идти об исламе как о стандарте, веками считавшемся вершиной возможного образа существования. Здесь с самого начала очень важно подчеркнуть, что ислам как религия не имеет церковной формы. И это не случайность. Церковь как институт складывалась там, где религиозному началу противостояло светское, а религиозной власти — политическая. В исламе ничего подобного не было. Пророк, халифы, позже эмиры, султаны и прочие вожди мусульман всегда были одновременно и религиозными (прежде всего), и политическими руководителями правоверных. И этим все сказано. Главное, что надлежит всем твердо усвоить, *ислам — не обычная религия*. Для тех, кто оказался в рядах правоверных, ислам даже не просто образ жизни. *Это судьба*, с которой, как известно, не поспоришь. И лучше не пытаться. Аллах всемогущ, а его слуги бесстрашны. Важно и то, что для правоверных нет национальностей, не существует и социальных различий, вплоть до формального непризнания статуса раба. Каждый принадлежит к великому сообществу равных² (земля ислама — *дар-уль-ислам*, общность — *умма*). И эта общность воспринимается как совокупность неприхотливых и строго привычных к жесткой норме правоверных (в чем-то в этом смысле напоминающих сектантов) со свойственной им социопсихологической ориентацией на равенство и справедливость.

¹ Стоит обратить внимание, что и раннее христианство провозглашало нечто в этом роде («нет ни эллина, ни иудея»). Но затем христианство стало другим, акцептировав и национальные и социальные различия, реально существовавшие в тех светских обществах, в рамках которых оно было лишь религией, организованной в форме пусть и связанной с властью, но не сливавшейся с ней церкви.

Эти нормативы жизни сыграли огромную роль в истории завоеванных мусульманами ближневосточных, североафриканских и других земель и народов. Был обновлен, усреднен и приостановлен в развитии высокий цивилизационный стандарт, который существовал в регионе ранее, до нашествия арабов. Великая религиозная идея бедуинов, сила которых во многом простекала из сплотившей их воедино веры, изменила облик тех стран, где ислам оказался господствующим. Почему так? Ведь регион, о котором идет речь, был не только наиболее развит, но и насыщен мудростью. Ведь как раз из рассуждений караванных торговцев, иудеев и христиан, черпал в свое время неграмотный Мухаммед те знания, факты и имена, которые запечатлевались в его пытливом, но не слишком подготовленном к восприятию глубин сакральных идей уме. Что ж, пророк сделал то, что мог. Религиозные догматы мусульман до примитивности просты и весьма строго и четко фиксированны. Генеральная установка здесь — на покорность человека воле Аллаха, его посредника-пророка и замещающих пророка лиц, от халифа либо имама до обладателей власти на местах. Полное повиновение власть имущему объясняется сакрально авторизованным принципом высшей власти («Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его») при — что очень важно — слиянии политической администрации с религией. Играл свою роль и сознательно культивируемый фатализм («на все воля Аллаха») с резкой приниженностью личности, этой жалкой песчинки по сравнению со всемогущим Аллахом.

Все очень просто, понятно и доступно для любого, даже самого примитивного уровня восприятия. Бесхитрость основной идеи отвечала чаяниям отстававшей в развитии *мировой деревни*, всегда ценившей, как уже отмечалось, две главные, хотя и весьма иллюзорные ценности, равенство и справедливость. Приниженность конформной личности, всецело преданной воле Аллаха, фатализм и покорность судьбе, а также элементы социальной заботы о каждом — вот важнейшее из того, что большинство обычных обездоленных видели в исламе и что их подкупало. В то же время умные, сильные, смелые и амбициозные видели в нем другое. Ислам предоставлял неплохие возможности для карьеры. Важно было усвоить его суть и действовать в жизни в полном соответствии с ней, не обращая внимания на последствия. Суть же эта, как несложно понять, в использовании того религиозного фанатизма, коим отличались и по сей день отличаются преданные веро войны ислама.

Ислам подчеркнуто эгалитарен. Перед Аллахом все равны. Этим во многом объясняется тот факт, что арабская цивилизация незнакома с культом аристократической знати. Да и вообще *причастность к истинной вере, ко всеобщей умме единоверцев у мусульман неизмеримо важнее деления общества на социальные слои, расы, народы, племена и языковые группы.* Поэтому исламская тради-

ция не признает ни феодальную замкнутость сословий, ни наследственное социальное неравенство. Напротив, религиозно освящен и всегда важен был принцип социальной мобильности. Сила, способности, случай откроют двери наверх перед каждым, достойным того. Раб может стать эмиром и султаном, бедняк-крестьянин — уважаемым знатоком ислама, почитаемым улемом, солдат — военачальником. Речь не о равенстве статуса и тем более прав для каждого. В обществе поголовного рабства низший всегда бесправен перед вышестоящим и легко может стать жертвой его произвола. Речь о равенстве возможностей, реализации чего никогда не мешали покорность и фатализм мусульманина.

Изнанка исламского эгалитаризма — *поголовное рабство и бесправие*. Все равны и все одинаково бесправны. Право у тех, кто обладает силой, а вместе с ней приобретает сакральный авторитет. Исключение являют собой шииты, признающие законной высшей властью лишь правление прямых потомков Мухаммеда, т.е. святых имамов или их родственников по боковым линиям (алиды, фатимиды, сеиды, шерифы), а наивысшей властью — мессию-Махди, *скрытого имама*, появления которого они всегда ждали и все еще ждут. Но это, как и политические перевороты, не мешало усилению реальной власти правителей и у них (хотя, что важно, эта власть не считалась сакрально бесспорной и потому стопроцентно легитимной).

Мусульманские государства были обычно могущественными. Внутренняя их администрация отличалась простотой и стройностью. Эффективность власти центра, опиравшейся на привычную структуру власти-собственности со свойственным ей всесилием власти правителя, а также господство жесткого, хотя обычно малочисленного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее централизованной редистрибуцией подкреплялись — если не иметь в виду шиитов — сакрализованным статусом правящих верхов и покорностью подданных. Иногда крупные государства распадались, уступая место мелким. Но эффекта феодальной раздробленности мир ислама не знал, что вполне соответствует особенностям этого социума и его религии. Приходившие на смену халифату султанаты и эмираты тоже были строго централизованными государствами, хотя и меньшими по размеру. Правда, в зависимых полуавтономных странах (например, магрибинских, подчиненных Османской империи) ситуация подчас усложнялась за счет того, что местные правители, обладая немалой автономией и реальной властью, были по традиции все же несколько скованы в своих действиях.

Ислам нетерпим. Нетерпимость его не в том, что правоверные стремятся обратить в ислам всех неверных под угрозой их уничтожения или готовы начать против них священную войну — *джихад*. То и другое не раз случалось в истории, но не в этом суть. Она в том, что правоверные всегда отчетливо соз-

навали свое превосходство над неверными, и это ощущение с момента возникновения ислама четко фиксировалось на государственном уровне (мусульманин платил более легкие налоги и был освобожден от подушной подати, *джизии*). Суть также в том, что выше всего ценится принадлежность человека к умме, а неверный рассматривается как не вполне равноправный, что заметно на примере тех судебных казусов, когда перед мусульманским судьей-*кади* предстают в качестве сторон мусульманин и неверный.

Впитанное за века, опирающееся на толщу религиозно-культурной традиции высокомерное чувство превосходства и нетерпимости — одна из характерных черт ислама. Это чувство гордости за совершенство своего образа жизни в сочетании с всеилием ислама как необычайно плотной религиозно-культурной сети, опутывающей общество наподобие густой паутины. Это чувство — залог не только внутреннего удовлетворения, духовного комфорта (обеспечение его — важнейшая функция любой религии и даже псевдорелигии вроде марксизма), но и крайнего консерватизма, осознанного конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение и всегда готовых делать это. Готовых, к слову, добровольно, по велению сердца, так что громогласные крики муэдзинов с высоких минаретов не нуждаются правоверных, но лишь напоминают им, что настало время намаза.

Ощущая себя членом наиболее совершенно организованного социума, поданным исламского государства во главе с сакрализованным правителем, мусульманин был не только верным слугой Аллаха, но и той силой, на которую Аллах и правивший от его имени руководитель могли положиться. И это тоже основа неслыханной внутренней прочности и силы ислама и мусульманских государств. Массовые протестные движения — а их случалось немало — не были направлены против власти, а обычно носили сектантский характер. *Авторитет же сакрализованной власти как принцип оставался незыблемым, что было гарантией все той же силы исламских государств, залогом их внутренней прочности.*

Мусульмане, строго воспитанные в жестком русле немногих, но, как уже подчеркивалось, обязательных правил жизни, не сетуют на свою долю (особенно это касается и явно приниженных в их правах женщин). Не то чтобы они всегда были довольны своим положением или вообще равнодушны к хорошо сознаваемой и ценимой ими социальной справедливости. Напротив, то и другое заботит их и бывает причиной массовых движений, чаще всего под религиозно-сектантскими лозунгами, за возврат попранной привычной нормы жизни. Но если норма соблюдается, то они, как правило, спокойны. Неторопливо делают свое дело и редко стремятся к чему-то новому и неизведанному, чуждому норме и тем более грозящему ее разрушить. Воспитанное веками и опиравшееся на подкрепленное всеобщим согласием уммы чувство, что ты счастлив среди *своих* и именно это гарантия твоего вечного — благодаря Аллаху — благоденствия, создавало

ощущение прочности бытия. Делай, что от тебя требуется, и ты всегда будешь в порядке, как на земле, так и после смерти. Тебе помогут, тебя не оставят.

Мир ислама в первые примерно 4–5 веков его существования был впереди. Но время, когда он жил за счет наследия завоеванных стран с их высоким интеллектуальным потенциалом, быстро ушло в прошлое. После этого ислам начал отставать, пока век колониализма окончательно и надолго не указал ему его место. Правда, в тот период ислам продолжал достаточно успешно расширять сферу своего влияния, используя как не исчезнувшую еще силу, главным образом проявившую себя в Индии, так и мирные способы исламизации, особенно в результате активных торговых связей (Индонезия, Малайя, Африка, центральноазиатские страны). Вообще, если не считать Индию, успешная исламизация осуществлялась преимущественно за счет наиболее отсталых и бедных общностей, особенно кочевых и часто полупервобытных. А для собственного развития ислам накрепко закрыл двери. Система образования, внедрявшаяся в умы подраставшего поколения через *мектебы* и *медресе*, уходила все дальше в *глубины канонизованного прошлого*. Правда, примерно то же самое наблюдалось тогда и в христианском мире или в Китае. Но преимущество Китая и тем более христиан заключалось в том, что *исходная* их мудрость была не чета тому, на что мог рассчитывать ученый *улем* с его Кораном, шеститомной Сунной и свитками школ шариата.

Так что вполне естественно, что чем дальше, тем больше мир ислама слабел и оказывался в зависимости от сильных, высокоумных и хорошо вооруженных богатеющих европейцев. Нетрудно представить, как горько было осознавать мусульманам нескольких последующих столетий эту тривиальную истину. Но поделаться уже ничего было нельзя, оставалось приспособливаться к изменяющимся обстоятельствам. Недовольство мусульман своим положением в обновлявшемся Западом мире постепенно перерастало в острое неприятие всего западного, а затем и в неприязнь, если не откровенную ненависть к преуспевавшему буржуазному Западу.

Исламизм как радикально-экстремистский ислам

Все изменилось после деколонизации, когда возрождение ислама приняло угрожающую форму его экстремистской модификации — исламизма. Несомненным фактом последних десятилетий является усиление позиций ислама и исламских государств в мире. Этот процесс заметен в Турции, после реформ Кемаля в начале прошлого века, казалось бы, ставшей вполне светской. Он ощущается и в Египте, где *братья-мусульмане* сумели убить президента А. Садата. Пакистан, отличавшийся свойственной ему, точнее, полученной в наследство от англичан либеральной демократией, зримо отступает под нажимом

исламизма. Едва справился с ним после десятилетия ожесточенной гражданской войны Алжир. Во многих других мусульманских странах, включая республики бывшего СССР, очень ощущается воодушевляющий население подъем религии. И вряд ли нужно напоминать об Иране, этом признанном центре наиболее жесткого и активного шиитского ислама.

Взрыв религиозного ислама в его фундаменталистской форме был спровоцирован несколькими серьезными и вполне объективными обстоятельствами. XX век принес с собой не только мировые войны, но и старательно разжигаемую международную ненависть. Оставим пока в стороне вопрос, какую роль в этом сыграло перенаселение планеты. Но тот факт, что людей стало за этот кровавый век вчетверо больше, причем прежде всего за счет бедных и обездоленных, отставших в развитии, тогда как техника, в том числе военная, резко шагнула вперед, вне всяких сомнений. И это, вкуче с некоторыми другими факторами, привело к тому, что на планете появились *мощные противоборствующие поля напряжения*. Эти поля и породили мировые войны и тоталитарные режимы, а после крушения последних в мире возник вакуум. Природа, как известно, не терпит пустоты. И вакуум поспешил заполнить собой готовый к этому фундаменталистский ислам в его экстремистской модификации, с террором. Так каковы же его истоки, принципы и потенции?

Взглянем в корень проблемы. Для многих современных политиков, зависимых от голосов избирателей, и для тех исламских общин, которые пока существуют в качестве меньшинств, чужеродных вкраплений в массе иноверцев, *очень важно как можно резко развести в разные стороны респектабельный традиционный ислам и радикальный экстремистский вариант террористов*. Однако достаточно пристально посмотреть хотя бы на одну только сегодняшнюю Чечню, где противоборство оказалось едва ли не самым ожесточенным, чтобы спросить себя: так ли далеки друг от друга оба варианта современного исламского фундаментализма или, иначе, *такие ли это совершенно разные мусульмане, как многие думают, а то и кричат?* Начнем с того, что понятие исламизм используется только в европейской лексике. Для самих мусульман — и это очень важно понимать — водораздела между исламом и исламизмом нет и быть не может. Все они мусульмане, только некоторые активнее, ревностнее, радикальнее остальных, потому их следует осаживать, а то и воевать с ними. Ведь экстремистская активность, сопровождаемая террором, доходит до стремления взять власть в свои руки. А это уже недопустимая чрезмерность. И руководство страны, реагируя на нажим со стороны экстремистов (исламистов), будь то Алжир или Пакистан, Ирак или Кавказ, решает спор насилем, а то и гражданской войной. Но это не столько война врагов, сколько выяснение отношений между разными отрядами единоверцев, даже принимая во внимание, что ради уничтожения расхождений между ними стороны, особенно мятежно-радикальная, идут на все.

Суть и цель исламизма и олицетворяющего его терроризма в том, чтобы те, кто пока не готов понять, что не некоторые наиболее ревностные, но абсолютно все мусульмане должны стать крайне активными, поняли это. Можно было бы, конечно, подождать, пока люди сами оценят явные преимущества активного ислама, но ждать этого, с точки зрения энергичных экстремистов, слишком долго и неразумно. Гораздо вернее и во многих отношениях целесообразнее наглядно продемонстрировать всему миру неверных и большинству сомневающимся либо просто пассивных мусульман, что может случиться с теми, кто не склонен солидаризироваться с радикалами. После террористического акта, например, с большим количеством жертв они должны осознать, что, не став активными, они недостойны жить в мире правоверных, тогда как шахиды в отличие от них будут благосклонно приняты Аллахом (в это верят все мусульмане, это одна из краеугольных норм религии). Тогда цель будет достигаться быстрее и успешнее. И, как известно, насилие действует, особенно на молодых.

Итак, перед нами вроде бы два ислама, обычный и активно-радикальный. Оба религиозных направления, что очень важно, опираются на Коран, Сунну и шариат, разница только в трактовке текстов, что вполне понятно, и в акцентах. А в чем смысл акцентов? В тактике, которая проистекает из них. Проясним суть проблемы. Как доктрина, сформулированная пророком, ислам нетерпим в том смысле, что все должны стать правоверными, ибо *неверные противны Аллаху. А это, стоит заметить, идеологический принцип, и перед нами борьба идейная, в процессе которой одна из борющихся сторон представлена готовыми идти на все фанатиками веры.* Не обязательно на неверных действовать насилием, хотя это и допускается (джихад — священная война за веру). Гораздо важнее побуждать всех стать правоверными. А так как в исламе религия всегда слита с политикой, любое отклонение от него — преступление, за которым следует суровое, официально и судебно — шариатом — санкционированное наказание, в том числе и смерть. И это, к слову, норма официально *ислама*, а не какие-то извращения *исламистов*.

И еще кое-что об акцентах. Суть их к тому и сводится, что в ряде мусульманских стран, там, где интересы ислама в их исламистской интерпретации, с соответствующими радикально-экстремистскими акцентами, не защищает достаточно активно благожелательно относящаяся к исламу власть, это вместо нее делает террор, как недавно было в Ираке и с большим энтузиазмом реализуется в наши дни в Афганистане и Пакистане. Действуя таким образом, экстремисты ислама приучают население к тому, что так будет не только с неверными, но и с отступниками от стопроцентного исповедуемого ими правоверия, т.е. с теми, кто еще не готов или не хочет стать активным исламистом. Но что реально это означает? Известно, например, что мусульманка не имеет права выйти замуж за неверного. Ее, если она позволила себе иметь связь с неверным, обычно строго наказывают. Считается, что своя же родня, отец или

брат, должны ее убить. Этот обычай в последние годы соблюдается не всегда и тем более не везде. Так вот, исламисты склонны считать, что с этим попустительством следует решительно кончать, а женщин держать как можно строже. И это начинают реализовывать не только фанатики-исламисты, но и мусульмане, активно с ними воюющие, например кое-где на Кавказе, о чем не стесняется при случае напоминать, в частности, руководитель Чечни. Словом, различие в акцентах проявляется иногда — не всегда! — в строгости и суровости наказаний. *Однако гораздо чаще оно сводится к элементарной борьбе за власть.* Кто кого. И в этой борьбе сила заметно перетекает на сторону крайних, к которым все охотней примыкает не желающая мириться с бедностью или безработицей и склонная к активным действиям, восприимчивая к пропагандистским призывам проповедников молодежь.

Сказанное означает, что между мусульманами и исламистами отнюдь нет непроходимой пропасти. Скорее напротив. Вспомните о скандалах, связанных с карикатурами на пророка. Не какие-то там радикалы-исламисты, а весь мир ислама как один человек поднялся против богохульников. А пляски и радостные крики в разных мусульманских странах в роковой день 11 сентября 2001 года? А сжигание текста Корана в США, когда после соответствующей пятничной полуденной проповеди раздраженные мусульмане, крайние и обычные, выходят на площади и, врываясь в здания, где работают европейцы, убивают их без разбора? И обычные мусульмане, и радикалы-исламисты во всех этих случаях заодно, хотя кричали и плясали, да и убивали неверных далеко не все и не везде. Словом, радикалы-террористы *такие же мусульмане-фундаменталисты, что и остальные.* Просто они более ревностно относятся ко всему тому, что должны были бы, опираясь на заповеди пророка и вообще на нормы средневекового ислама, делать, по их представлению, все правоверные. А неутомимые муллы в мечетях постоянно всем, обычным и ревностным мусульманам, сидящим на проповеди и молящимся рядом, об этих нормах всегда напоминают, *что и является сутью свойственного практически всем нынешним мусульманам фундаментализма.* И здесь даже трудно говорить об акцентах. Просто одни энергичнее, активнее, ревностнее, радикальнее, чем другие. В этом — но и в борьбе за власть, что важнее всего! — и проявляется акцент.

Экстремистская модификация фундаментализма — это как бы шаг к жестко сформулированному требованию единства всех: обыкновенных и ревностных, простых и радикально настроенных — в противостоянии Западу. И фактически такое резко и осознанно обостряющееся и становящееся идейным знаменем ислама противостояние является сегодня ответом на вызов западной буржуазной демократии с ее требованиями прав и свобод для всех, включая и женщин. В современном перенаселенном и неведомо куда ускоренно стремящемся мире, во главе которого буржуазный Запад со всеми его — в глазах мусульман, естественно, — безнравственными и безбожными извращениями

ями, выдвигается претензия на создание консервативного политического потенциала с главным орудием (во всяком случае пока что) в лице самоубийц-шахидов.

Исламский экстремизм как всеобъемлющее и влиятельное течение мысли и тем более реальная политическая сила очень популярен. Он не оставляет в стороне ни одной страны, так либо иначе вовлекает в свою орбиту и всех тех, кто давно и успешно движется по западному капиталистическому пути, будь то Турция, Египет, Пакистан, Тунис, Марокко или Алжир, тем более монархии Залива во главе с Аравией. Радикалов не останавливает и то, что, если даже в этих странах движение за чистоту ислама станет заметным, здесь оно не сможет рассчитывать на полный успех. Не сможет потому, что ненависть к неверным в зажиточных странах ислама понемногу уходит в прошлое. Страны эти теперь и сами более или менее благополучны. Они выступают за лучшую жизнь и не всегда открыто высказываются в пользу террористического экстремизма фундаменталистов, как то было хорошо видно на примере массовых движений в ряде арабо-исламских стран на рубеже 2010–2011 годов. И делиться с бедными мусульманами, которых в мире огромное и все растущее большинство, им тоже явно не хочется. Но, во-первых, не у всех много нефти, обеспечивающей благополучие, и не все столь развиты, как Турция. А во-вторых, даже в благополучных странах так резко растет количество населения (в Египте на миллион в год), что ситуация вполне и даже легко может измениться.

Та или другая страна действительно остро нуждается в переменах, они давно назрели, так что энергия тех, кто вышел на улицы, далеко не случайно приняла форму взрыва. Однако психология толпы, изученная специалистами еще на примере революции во Франции, предостерегает от того, чтобы терять голову. Толпа может действовать под влиянием аффекта и потому ни за что не отвечать. А отвечать придется, и тогда всё сразу же объективно — что бы кто ни думал, на что бы ни надеялся, — может переместиться в некую иную плоскость. Проблема в том, что *ослабленные взрывами страны обычно теряют социополитический иммунитет*, и это далеко не всегда кончается благополучно. Можно ли избавиться от авторитаризма без взрыва, ведущего к потере иммунитета и к заражению бактериями таких идей, как коммунизм или экстремистский ислам? Разумеется, можно. Но это требует колоссальных усилий и благоприятных условий. Позитивные примеры Китая времен Дэн Сяо-пина и Сингапура при Ли Куан Ю учат, как можно освободиться от авторитаризма. Смысл уроков в том, что страны, незнакомые с антично-буржуазными традициями прав, свобод и демократического самоуправления, не имеют потенций для успешного завершения радикальных взрывов. Потенции могут появиться только вследствие влияний извне, реализуемых руководителями, сознающими необходимость буржуазно-демократических реформ, т.е. таких, как Кемаль, Дэн или Ли.

Но вернемся к современным странам ислама. Едва ли многие из тех, кто в весьма благополучных исламских странах выходит на рубеже 2010–2011 годов на улицы, понимают, к чему их энергия может привести. А она, вне зависимости от их желаний, в состоянии лишь ускорить процесс успешной реализации целей исламистов. Эти взрывы могут всколыхнуть бедные и отсталые мусульманские страны, которые численно быстро растут и еще быстрее беднеют. Ведь численно растущие и беднеющие более других склонны прислушиваться к призывам пропагандистов ислама с их заманчивыми обещаниями в русле психологических стереотипов *мировой деревни*. В итоге наиболее близкие к радикальному исламу бедные, отсталые и неразвитые страны ислама, а также страны, готовые стать мусульманскими, что не редкость в Тропической Африке (вспомним о Нигерии), подхватят эстафету. Вообще-то, именно бедным, отсталым, неразвитым и обездоленным сам Аллах, что называется, велел бунтовать, ибо им — в отличие от египтян и тем более тунисцев — нечего терять, кроме своей нищеты. А если принять во внимание темпы неостановимого их воспроизводства, в результате которого они уже сегодня не могут самостоятельно себя прокормить, такая ситуация может уже в близком будущем стать проблемой для человечества. Ведь в интересах многих такого рода стран позаботиться о создании всемирного халифата (любимый лозунг исламистов), который смог бы устранить богатый развратный Запад — а заодно, быть может, и тех, кто не в меру разжирел за счет нефтедолларов, — и всех уравнять. Уравнять в рамках великой идеи равенства и справедливости, за которую издревле выступала мировая деревня и которую никому никогда не удавалось осуществить.

Экстремистский фундаментализм как взрыв отчаяния

Проблема фундаментализма очень серьезна. В сентябре 2002 года, в годовщину страшного террористического акта в США, в демократической Англии, где обычно свободно чувствуют себя экстремисты всех мастей (вспомним хотя бы К. Маркса), в одной из лондонских мечетей встретились представители самых агрессивных группировок мирового ислама. Не стесняясь публичности, они заявили журналистам, что собрались, дабы обсудить методы своих дальнейших действий, направленных на то, чтобы превратить не только Англию, но и весь мир в мир ислама, где все население, войдя в число правоверных, руководствовалось бы шариатом.

Разумеется, это был своего рода эпатаж, выпад в расчете на привлечение внимания, не более того (за подобные *слова* в Англии никогда никого не преследуют). Но в обстоятельствах, складывающихся в странах Запада, включая США и Европу, это выглядит зловеще. Не успеют смениться два-три поколения, как мусульман в Европе станет столько, что высказывания о шариате об-

ретут вполне серьезное звучание. Хорошо устроившийся мигрант, который уже давно обзавелся женой, что совсем не обязательно прописано в его паспорте, может выехать на родину и вернуться с женщиной, которая по документам будет числиться его женой, против чего таможенники и полицейские ничего не смогут возразить. В немалой мере за счет этого и увеличиваются мусульманские общины. Коран признает многоженство, четыре жены считаются законными, а наученные нехитрым опытом мужчины на своей новой европейской родине не без ехидства утверждают, что жена только одна, остальные любовницы, живущие совместно с женой, — так велит обычай. Вся семья, получающая пособия, довольна, о недовольстве женщин своим приниженным положением нет и речи, ибо каждая хорошо сознает, что ее дело рожать новых мусульман.

В сферу высокой либерально-демократической культуры буржуазного Запада с его веками устоявшимися правами и свободами, диктующими предельную толерантность, вторгается подчеркнуто средневековый стандарт, близкий к тоталитарному режиму со свойственным тому террором. Конечно, сегодня ортодоксальные мусульмане, особенно их представители — муллы и ученые улемы, защищаясь от нападков, говорят, будто настоящий ислам в отличие от того, что исповедуют экстремисты, не имеет отношения к терроризму, и им даже хочется верить в это. *Но кто поручится, что завтра они же или пришедшие им на смену не станут говорить иначе?* И потом, в реальной жизни одним трудно, практически невозможно отделиться стеной от других. Но если это так, то мы опять-таки сталкиваемся лишь с проблемой акцентов. Они, нет слов, важны. Однако строго отделить тех, кто убивает во имя Аллаха, причем и чужих и своих, будучи и сам готов умереть вместе с ними, от тех, кто просто стоит на почве фундаменталистского шариатского ислама, практически невозможно. Одни порождают других, причем постоянно и во все возрастающем количестве. Поэтому вопрос даже не в том, чем и насколько отличен исламизм от ислама, а в том, насколько склонны и готовы мусульмане поддерживать своих активных и энергичных представителей, страстно ненавидящих Запад и умеющих вести за собой массу пассивных сторонников террора.

Перед нами, если обратиться к проблемам мировой политики, наглядное усиление противостоящих друг другу полей напряжения. Напряжение не только растет, но и становится невыносимо высоким. Правда, это еще не значит, что оно уже определяет все, что происходит в мире, как было с противостоянием полей напряжения в XX веке. Но дело идет к этому. Радикально настроенное исламистское меньшинство проявляет устойчивую тенденцию к усилению своего влияния. Это меньшинство постоянно численно растет, а среди молодых уже становится большинством. Почему так? Дело в том, что *исламская структура общества и власти не только наиболее проста и прочна, но и весьма жизнеспособна, в том числе и в моменты кризиса, а деколонизация открыла перед миром ислама эпоху своеобразного возрождения.* Мусульманские страны

выиграли от нее более всего потому, что, если в других колониях мучительно решался вопрос о власти и формировании национального государства, то в странах ислама, тоже не прошедших мимо этой сумятицы и вынужденно отдавших ей дань, включая эксперименты в марксистско-социалистическом стиле, многое было иначе. Правда, экстремистски настроенные деятели ислама не вышли на авансцену сразу. Время в обстановке резкого противостояния восточно-советского и западно-буржуазного полей напряжения, которое в середине века наложило свой отпечаток на всю мировую политику, для этого тогда еще не пришло. Холодная война не оставила им места.

Но, как только на рубеже 1980—1990-х годов мир стал другим, он увидел фундаменталистский ислам, возродившийся в его наиболее жестко-агрессивной модификации исламизма и обретший мощь тоталитарно-террористического протеста. Этот возродившийся ислам стал отличаться силой и напористостью. А во главе его были все те же муллы-проповедники с пятничными проповедями-хутбами, в которых они давали понять, что безбожный Запад с его бесчестием, безверием и явным развратом заслуживает осуждения. Там ведь рисуют карикатуры на пророка и, представьте себе только, женщины в учебных заведениях учат мальчиков! Возможно ли такое в мире правоверных?! *И это наступление сопровождалось антизападной пропагандой, цель которой не столько в том, чтобы разжигать ненависть к неверным, сколько в том, чтобы правоверные понимали, насколько они выше, и не зарились бы на все соблазны, которые Запад, скорее всего, и придумал, чтобы поколебать стойкость духа именно их, правоверных.* И это действовало и действует. Чем дальше, тем в большей степени. К тому же, что стоит особо отметить, отражает настрой нынешней мировой деревни, интересы которой более и старательнее всего именно ислам объективно и представляет. И не потому, что мусульмане беднее или голоднее других, хотя случается и так.

Дело в том, что примитивная и действенная доктрина с ее тенденцией к уравниловке с элементами социальной взаимопомощи легко ложится — как и переинтерпретированный в свое время для нужд мировой деревни азиатский (включая Россию 1917 года) марксизм — на самые отсталые общности из существующих сегодня в мире. В Латинской Америке, правда, есть доктрины, объективно выполняющие аналогичные функции и более безобидные с точки зрения их антизападного потенциала. Специфика же ислама в экспансивной воинственной активности в сочетании с нетерпимостью по отношению к чужим и с жестким принуждением по отношению к своим. Не поддающаяся трансформации религия с ее апелляцией к интересам большей и все возрастающей части мировой деревни ставит целью увязать эти интересы с требованием резко противиться переменам. Если вдуматься во все это, окажется, что подоснова радикальных требований — *отчаянный крик бедных, обездоленных судьбой, оставших в развитии и не понимающих, как можно спастись от голода и бедствий.*

Истовые исламисты учитывают это, видя выход в том, чтобы силой заставить растленный, по их представлениям, Запад вернуться к страстно желаемым ими и чудовищно идеализованным средневековым нормам. Смысл очевиден. Да, мы, бедные и отставшие, не можем угнаться за развитыми странами с их динамичной экономикой и высокоразвитой техникой и технологией, с их бросающимся в глаза процветанием. Но нужен ли нам такой прогресс? Стоит ли за ним гнаться? Может быть, правильнее выбрать иной путь развития, на основе веками накопленных ценностей? Словом, мы желаем остаться самими собой, т.е. теми, кем всегда были. *Но с одним обязательным, учтите, условием. Чтобы те, кто ушел вперед, заботились о нас.* Это вы — буржуазный Запад, мировой город — виноваты в том, что мы, хотя нас много и с каждым годом становится еще больше, остаемся полуголодными, что мы не обеспечены всем необходимым. Позаботьтесь о нас, если не хотите неприятностей!

И это далеко не пустые речи. Смысл сказанного в резком, принципиальном отказе возрастающих в числе слабых, среди которых преобладают сторонники ислама, от попыток перенять чужие высокие стандарты и ориентироваться на них. А вакуум силы, заполняемый терроризмом, может быть воспринят как отчаянная их, бедных и голодных, попытка настоять на своем. Не столько даже с тем, чтобы противостоять ломке привычных социопсихологических установок, сколько с тем, чтобы резко осудить гримасы западного городского быта, втягивающего в свой неумолимый водоворот все новые миллионы увеличивающегося, но живущего поэтому все хуже населения мировой деревни. И объективно человечеству никуда от этого не деться.

Создается впечатление, что исламизм как реакция отставших в развитии народов на ушедший вперед Запад становится знаменем борьбы мировой деревни против богатого города. Сознательный свою силу и охотно демонстрирующий ее современный ислам не вписывается, особенно в экстремистско-исламистской своей ипостаси, в западный образ жизни и не желает этого делать. Более того, он несовместим с европейским свободным и толерантным существованием. А избавиться от него уже невозможно. И это не просто трагедия. Это почти приговор. Может показаться, что автор преувеличивает. Хорошо бы так. Но ведь экстремизм исламизма не просто знамение времени, но совокупная реакция отсталых, бедных и обездоленных на вызов со стороны благополучного Запада.

Природа и закон баланса

Несколько слов о проблеме грядущего. Наиболее близкие к исламизму бедные, отсталые и неразвитые страны, которые вследствие своей бедности, отсталости и неразвитости постоянно и резко возрастают в числе и потому становятся еще беднее, склонны внимать антизападной риторике. Быть может, дело не

обстояло бы столь трагично, если бы у этой все увеличивающейся массы молодых и не приспособленных к современности людей был реальный шанс в обозримое время измениться. Но история убедительно свидетельствует о том, что если для отдельных индивидов, вкрапленных в чужую среду, это возможно, то для гигантских масс, скованных традициями, могут потребоваться в лучшем случае века. А такого запаса времени у человечества нет. Да и ресурсы планеты, как и возможности Запада во все более значимом объеме помогать отстающим, не беспредельны. Напротив, очень даже конечны. А в итоге противоречия будут не сглаживаться, а обостряться, ибо сам процесс носит объективный характер.

Однако и это далеко не все. Фундаменталисты экстремистского ислама, и в частности Иран, делают ставку на овладение оружием массового уничтожения, что опять-таки еще не значит, что сразу же по достижении этой цели будет развязана война. Но легко понять, что перед человечеством, да еще в условиях климатических аномалий, которые не могут не сказываться на урожаях, и вообще под влиянием невыносимого для Природы антропо- и техногенного давления, встанет немало проблем, решить которые оно будет не в состоянии. И в поисках радикального решения те, кто не боится умереть во имя Аллаха, смогут сравнительно легко пойти на обострение ситуации. Это, увы, вероятная реальность. Но если так, то что за всем этим стоит? По мнению автора — все та же проблема баланса и вызываемого дисбалансом конфликта человечества с Природой.

Суть этого ныне ставшего практически перманентным и все обостряющегося конфликта более чем очевидна. В свое время с целью ускорить процесс эволюции человечеству был направлен вызов, стимулировавший процесс модернизации стандартов бытия, фундаментом которого могла стать лишь либеральная демократия антично-буржуазного типа, открывавшая путь для инициативы, энергии и предприимчивости частного собственника. Модернизация — если оценивать ее с точки зрения эволюции — себя вполне оправдала. Однако по мере достижения ее все более впечатляющих и поначалу казавшихся безусловно благотворными результатов стало очевидным, что издержки, сопровождающие процесс модернизации, оказываются все более невыносимыми для Природы. И вмешательство закона баланса, призванного следить за складывающимся положением вещей и вносить коррективы, чтобы пресечь ненужные издержки, оказалось неизбежным.

Бесстрастным вселенским законам в отличие от сапиентов недоступны эмоции. Их, возникших для регулирования норм существования неравновесных систем, не слишком беспокоит то немаловажное обстоятельство, что, для того чтобы нужные коррективы были внесены, численность человечества должна будет, к примеру, сократиться уже не на десятки и сотни миллионов, а — что более вероятно — на миллиарды людей. Важно понять, что речь не о том, как именно это может быть достигнуто. Не стоит обрушиваться и на гипотетические вселенские законы за то, что сначала — с целью содействовать

эволюции — ими стимулировалась модернизация, а когда вершина была достигнута, те же безликие законы посредством противоположных импульсов стали посылать человечеству совсем другие вызовы. Эти вызовы привели, как можно предположить, в первой половине XX века к мировым войнам, появлению тоталитарных режимов и — позже — тоталитарных движений наподобие террора шахидов с их ширококомасштабными возможностями и были, вероятно, лишь началом отчетливо ощущаемой активности Природы, обеспокоенной своим будущим. И хотя тенденции, возбуждающие экстремизм и вообще ведущие к ожесточению во взаимоотношениях между людьми, ныне более всего бросаются в глаза, дело далеко не только в них.

Прибавьте к ним весьма заметные изменения в климате, несравнимые по скорости с теми, что случались когда-то. Сегодня, например, это быстрое, в масштабах десятилетий, таяние льдов близ Северного полюса, или следующие один за другим смертоносные землетрясения, ураганы и цунами, или невыносимая жара там, где никогда ничего подобного прежде не случалось. Прибавьте к этому засуху и связанные с ней — хотя и не только с ней — все учащающиеся неурожаи и голодные годы в различных недостаточно развитых регионах, особенно в Тропической Африке¹. Учтите и такие формы массовой гибели людей, как СПИД, разного рода эпидемии, начиная со знаменитой испанки, унесшей около 20 млн жизней после Первой мировой войны, а также колоссальные темпы распространения наркотиков. Добавьте проблему углеводородных и прочих технических выбросов в атмосферу, учтите растущую по экспоненте массу бытовых и иных отходов, которые люди без вреда для здоровья еще не научились утилизировать. Не забудьте и о много более серьезных потенциальных опасностях для жизни всего человечества, например об уже не контролируемом распространении оружия массового уничтожения, будь то ядерное, термоядерное, химическое или, что крайне страшно, бактериологическое. Ведь число стран, владеющих средствами массового уничтожения, в частности ядерным оружием, или готовых вот-вот обрести такие средства, уже превысило 20 и продолжает быстро расти. Никакие запреты, как показывает жизнь, не помогают остановить этот рост.

Едва ли стоит продолжать. Смысл происходящего, причем происходящего в стремительном темпе, заключается в отчаянном сопротивлении Природы, а это не только наша планета, но и, вполне вероятно, воспринятые ею вселенские законы. Природа всегда действовала и, следует полагать, будет действовать и дальше исходя из того, что существование сущего без постоянной эволюции бессмысленно и потому невозможно. *Но эволюция должна осуществляться в рамках некоей меры, в пределах приемлемого баланса. И коль скоро*

¹ См., в частности: Борьба с голодом: заведомое поражение // Атлас Le Monde diplomatique (Россия). 2007. С. 30–31.

вооруженное разумом человечество склонно выходить за эти пределы, Природа берет на себя функции вселенского жандарма и будет последовательно их выполнять, пока любимы способами не добьется приемлемого для нее статус-кво. И так, мир стоит на пороге грядущего противоборства Природы и рожденного ею Человека разумного. Похоже на то, что человечество вплотную подошло к пределу, за которым уже нет и не предвидится безмятежного для него движения вперед. Оно столкнулось с требованиями принципа баланса. И эти требования не только бесстрастны, но и до предела бескомпромиссны. Во всяком случае, до тех пор, пока человечество этого не осознает и не примет соответствующих мер, т.е. не выработает принципиально нового *modus vivendi*. Если, конечно, на что должно надеяться, окажется на это способным.

Как следует воспринять этот вызов, посланный человечеству в форме столь чувствительного сигнала? Чем можно на него отреагировать? И что будет, что может случиться, если не принять необходимых мер? Ответить на эти вопросы очень непросто. Но необходимо. А для того, чтобы ответ соответствовал высокому стандарту стопроцентной адекватности, нужны совокупные усилия всего человечества. Однако готово ли оно к этому? Конечно, существует ООН с разными своими специализированными учреждениями. Они, безусловно, важны, однако, к сожалению, пока не стали и, похоже, еще очень не скоро станут, если это вообще возможно, сколько-нибудь авторитетным правительством мира. И хотя глобализация делает свое важное дело, амбиции держав, причем в первую очередь тех, что блистают не столько интеллектом, сколько арсеналом накопленного оружия, долго еще будут объективно препятствовать реальному объединению стран и народов. А без этого добиться взаимопонимания — учитывая к тому же право вето в Совете безопасности ООН — будет по-прежнему невозможно. Так что же все-таки делать и что можно сделать?

Ответить на эти вопросы, повторим, необходимо. И чем быстрее, тем лучше. Сегодня у мира нет ни возможности, ни времени, ни оснований, подобно бессмертному датскому принцу, долго колебаться и слишком много сомневаться. От него требуются решительные действия. В противном случае возрастающее в числе человечество окажется на грани своего существования. Явственно выраженные серьезные предупреждения со стороны Природы: изменения в климате, нехватка ресурсов, озонные дыры, обилие отравляющих воздух выбросов и прочие разного рода техногенные проблемы, как и очень многое другое — говорят о том, что оно вынуждено будет ускоренными темпами двигаться к катаклизмам. К таким, по сравнению с которыми и мировые войны, и массовые убийства мирного населения, и отдельные ядерные взрывы в ходе войны покажутся пустяком. Собственно, эта книга и предложена вниманию читателя для того, чтобы он, прочитав ее, задумался. Задумался и попытался сделать хоть что-нибудь, чтобы предотвратить эти вполне реальные, на взгляд автора, катаклизмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. МИР В НАШИ ДНИ: КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ?

Автор не берется решать в одиночку проблемы, адресованные человечеству. И тем более давать советы. И не только потому, что это вне его компетенции и сверх его возможностей. Он может лишь попытаться высказать и обосновать свое суждение и предложить к рассмотрению некоторые возможные, на его взгляд, варианты положения дел в близком будущем. При этом он сразу хотел бы оговориться, что сознает слабые стороны подобного рода футурологической позиции и уж ни в коем случае не претендует на лавры бедной Кассандры. Более того, о каких-либо предсказаниях вообще не стоило бы говорить. Говорить и думать нужно совсем о другом. О том, что можно и что следует сделать, чтобы завтрашний день не был столь тревожен, как сегодняшний. Всю гигантскую силу своих интеллектуальных потенциалов человечеству следовало бы направить на то, чтобы, во-первых, сменить парадигму эволюции, свойственную эпохе модернизации, а во-вторых, обратив серьезнейшее внимание на проблему ускоренного воспроизводства человечества, добиться, чтобы обеспечение людей всем необходимым не требовало постоянного и чрезмерного увеличения нагрузки на планету. Что это означает на практике и в чем должно выразиться?

Это означает прежде всего, что процесс модернизации следует считать в основном завершенным, причем вполне успешно. Человечество в целом, возросшее в числе и заметно поумневшее, значительно более благополучное, нежели когда-либо в прошлом, давно уже активно пользуется результатами достигнутого и в принципе ими удовлетворено. Да, эти блага распределены неравномерно. Да, мы не должны забывать о тех, кто временами оказывается на грани голодной смерти, погибает от войн и репрессий, болезней и наркотиков. Для помощи им многое делается, хотя все равно недостаточно. Но в целом — будем справедливы — мир достиг многого, очень многого. Он сумел дать адекватный ответ на вызов модернизации, один из самых важных в своей истории, и теперь подошел к черте, за которой более невозможно безмятежное и тем более длительное процветание. Либо мир это осознает и предпримет что-то очень существенное, либо его ждут неприятности, и это очень мягко сказано. Но что существенного можно предпринять, если мир по-прежнему не отличается единством? И более того, если его стремление к единению, заметное на протяжении последнего полувека с лишком, еще очень далеко от того, чтобы найти выражение в каких-то конкретных и конструктивных формах? Никакие призывы к ускорению этого жизненно важного для человечества процесса не помогут. В лучшем случае он будет очень медленно идти в нужную сторону. В худшем — не исключены реверсии и рецидивы. Многое будет зависеть от того,

какую позицию займут передовые, прежде всего западные, страны и регионы в ближайшем будущем по отношению к неукротимому притоку мигрантов из более отсталых регионов.

Словом, о скором движении к политическому единству человечества и об убыстрении за счет этого развития всех отставших мечтать не приходится. Стало быть, нужно искать что-то другое, более реальное. Например, выдвинуть на передний план ориентацию человечества на принципиально иное, противостоящее индустриальному *интеллектуально-инновационное развитие*, которое может и должно стать основой эволюции в период, приходящий на смену модернизации. Вызов, в очередной раз вставший перед человечеством, жестко — как, впрочем, и всегда — не сформулирован. Исходящие от него импульсы лишь стимулируют стремление к эволюции. Но если организованно выступить в борьбе за свое существование человечество еще не готово и в то же время продолжает быстро расти за счет резкого прироста наиболее отсталой своей части, что не сулит ничего хорошего в близкой уже перспективе, то где искать выход?

Если говорить о генеральном направлении эволюции в принципе, то ответ очевиден и уже не раз оглашался. Более того, в этом направлении немало делается. Речь не столько об инновациях как таковых, сколько о миниатюризации инноваций как о генеральном принципе деятельности. Речь, в частности, о безусловном *приоритете нанотехнологии, т. е. о быстрой и решительной переориентации науки, техники и технологии на все то, что может дать молекулярный уровень*. Эта переориентация способна подарить человечеству выигрыш во времени и в способах производства не только товаров, которые для своего изготовления и эксплуатации будут требовать неизмеримо меньшего количества ресурсов, но и пищи, необходимой для интенсивно растущего человечества.

Сложность ситуации, однако, заключается в том, что неизбежная при сложившемся положении вещей ставка на интеллект и инновации может лишь обеспечить выигрыш во времени за счет зримого ослабления давления безудержно возрастающего человечества на планету, но не приведет к кардинальному решению проблем, стоящих сегодня перед людьми и перед планетой в целом. Это только перерыв, причем, возможно, не слишком длительный, но за это время, будем надеяться, человечество — если сумеет сконцентрироваться — подготовится и, быть может, найдет более действенную альтернативу. Разумеется, не следует обольщаться, ибо решить задачу, о которой идет речь, неизмеримо трудно, если вообще возможно.

В то же время мысль разумных людей — великая сила и сама по себе величайшая редкость во Вселенной, в чем автор глубоко уверен. И не исключено, что вселенские законы каким-то образом вынуждены будут с этим считаться, а постоянно прогрессирующий коллективный интеллект мира сможет найти

решение стоящих перед человечеством проблем¹. Хорошо бы так. Но, как бы то ни было, в данный момент человечество на распутье. Оно вынуждено искать новые пути. Хочется надеяться, все-таки найдет. И последнее. Конечно, исламисты желали бы превратить мир в халифат, наподобие бедуинского общества времен пророка. Но и они рано или поздно поймут, что современный до предела модернизированный мир — если уцелеет — средствами полупервобытной эпохи все равно не проживет и что успехи достигнутой им модернизации в состоянии гарантировать только Запад. Возможно, это ослабит их, исламистов, нажим. Во всяком случае, тех, кто в следующих поколениях придет им на смену.

¹ Здесь необходима оговорка. Да, разум, интеллект человечества в целом велик и постоянно растет. Да, мудрых в мире, насколько мы в состоянии судить, становится все больше, причем их усилиями расцветает высокая наука, включая фундаментальные исследования. Но при этом с ростом численности населения земного шара увеличивается и количество тех, кто не отличается высоким уровнем разума. А от их совокупного мнения часто многое зависит, во всяком случае тогда, когда какая-либо важная проблема выносится на обсуждение, нуждается в референдуме. Или когда их голоса решают, какой деятель придет к власти.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
(о генеральных закономерностях эволюции)

Васильев Леонид Сергеевич

Подписано в печать 20.05.2011

Печать офсетная

Тираж 800 экз.

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56

Факс: (495) 623 28 58